

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 1

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Э П И Ч Е С К А Я П О Э З И Я

*Общая редакция
М. Азадовскою*

*Статьи,
редакция и примечания
А. Астаховой и И. Андреева*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящей книгой открывается малая серия «Библиотеки поэта». «Библиотека поэта», основанная и руководимая М. Горьким, «ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы». ¹

В задачи «Библиотеки поэта» входит издание как крупнейших поэтов XVIII и XIX веков, так и авторов, менее известных современному читателю, но сыгравших существенную роль в развитии русского стиха. Вместо с тем предпринят сбор материалов по неисследованным до сих пор областям русской поэзии.

Неразработанность истории русской поэзии и отсутствие проверенных текстов заставило редакцию «Библиотеки поэта» сосредоточить свое внимание на пересмотре памятников поэзии с текстовой стороны, что в ряде случаев изменило представление о художественном и общественном

¹ М. Горький, О Библиотеке поэта. Державин, Стихотворения, Изд-во Писателей в Ленинграде, 1933, стр. 16.

облике поэта, сложившееся в традиционной истории литературы.

В целом «Библиотека поэта» должна составить энциклопедию русской поэзии за два века ее существования.

Малая серия «Библиотеки поэта», базирующаяся на проделанной научно-исследовательской и текстологической работе, строится по принципу простоты и доступности. Она дает избранные произведения русских поэтов. Ее цель — познакомить широкие круги советского читателя и, в частности, подрастающие поэтические кадры с главнейшими явлениями русской поэзии. Первые два выпуска посвящены фольклору — эпосу и лирике. Дальнейшие — показывают последовательное развитие русской поэзии от syllabicеских виршей петровской эпохи до литературы предоктябрьской поры.

Всего серия содержит шестьдесят шесть книг:

1. Русский фольклор. Эпическая поэзия.
2. Русский фольклор. Крестьянская лирика.
3. Вирши (Полоцкий, Прокопович, Паус, Медведев, Истомин, Буслаев, Собакин, Кантемир).
4. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков.
5. Поэты XVIII века (Херасков, Майков, Богданович, Петров, Погов, Капнист, Хемницер, Радищев).
6. Державин.

7. Карамзин и поэты его круга (Дмитриев, Милонов, Целединский-Мелецкий, В. Пушкин).

8. Крылов — Басни.

9. Батюшков.

10. Востоков.

11. Гнедич.

12. Жуковский.

13. Вяземский.

14. Давыдов.

15. Кюхельбекер.

16. Катенин.

17. Рылеев.

18. Дельвиг.

19. Пушкин.

20. Баратынский.

21. Веневитинов, Хомяков, Шевырев.

22. Козлов и Подолинский.

23. Языков.

24. Полежаев.

25. Одоевский.

26. Лермонтов.

27. Кольцов.

28. Бенедиктов.

29. К. Павлова.

30. Мятлев.

31. Ершов.

32. Мей.

33. А. Григорьев.

34. Плещеев.

35. Никитин.

36. Огарев.

37. Тютчев.

38. Фет.

39. Майков.
40. Щербина.
41. А. Толстой.
42. Полонский.
43. К. Прутков.
44. Некрасов.
45. Добролюбов.
46. М. Михайлов.
47. Поэты «Искры».
48. Революционная поэзия эпохи народничества.
49. Надсон и Минский.
50. Апухтин.
51. Случевский.
52. Фофанов.
53. В. Соловьев.
54. Ф. Сологуб.
55. Брюсов.
56. И. Анненский.
57. Блок.
58. Белый.
59. Поэты-акмеисты.
60. Есенин.
61. Д. Бедный.
62. Хлебников.
63. Маяковский.
64. Поэты-футуристы.
65. Пролетарская поэзия (1895—1917).
66. Городской фольклор.

Как видно из плана, каждому поэту посвящен отдельный выпуск. Только в некоторых случаях объединены в один вы-

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

1

Когда-то один из крупнейших русских исследователей былевого эпоса назвал его «обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен». «В этом здании, — писал он, — жили иногда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусней и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприхотливый олонецкий крестьянин». ¹

Действительно, в том составе и виде, в каком былевой эпос дошел до нас, в устах последних его носителей — крестьянства и казачества — он представляет чрезвычайно сложное и во многом загадочное явление. Но, конечно, дело не только в том, что былина на протяжении своей многовековой

¹ В с. И л л е р, Экскурсы в область русского народного эпоса. Предисловие, М., 1892.

фольклорной жизни испытала ряд частичных изменений в виде «наслоений» или, по приведенному выражению, «пристроек» и «надстроек». Проблема былевого эпоса глубже и сложнее. Мы не знаем, в конечном счете, что представляли собой былины или те песни, которые легли в их основу, в древнейшую пору своего существования, так как самые ранние записи эпоса восходят только к XVII веку. Кроме записей нескольких исторических песен, сделанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 году, мы имеем еще незначительное число рукописных текстов, внесенных в списки XVII—XVIII и начала XIX века, видимо, в целях занимательного чтения. Эти записи, так же как и позднейшие, XIX и XX веков, произведенные учеными собирателями, — уже коренная и органическая переработка каких-то древнейших основ, и все попытки, иногда чрезвычайно остроумные, воссоздать первоначальный вид былины остаются спорными, а изыскания о происхождении той или иной былины не выходят за пределы более или менее вероятных предположений.

Однако несомненно, что эти неизвестные нам основы значительной части былевого эпоса мы должны искать в ранних веках феодализма. К ним приводят нас не только яркие зарисовки характернейших черт исторической обстановки этого периода, но и определенные следы феодальной идеологии,

конкретно — идеологии княжеско-дружинного класса.

Широкие степные просторы — «раздолье чистое поле», «заставы богатырские», эти пограничные сторожевые посты, стерегущие подступы к Киеву, кровавые схватки с врагами, осмелившимися проникнуть в пределы русских владений, осмелившимся угрожать русскому князю: «что возьмет Калин царь стольной Киев-град, а Владимира князя в полон полонит», — все это яркие, живые отражения реального исторического прошлого. Это — киевская Русь с ее неустанной, упорной борьбой со «степью», с ее непрекращающимся «военным положением», порожденным своего рода торговой конкуренцией русских князей с кочевниками и необходимостью ограждать регулярные торговые отношения от грозящих опасностей.

Идеологическая направленность древнейшего ядра былевого эпоса обнаруживает и ту социальную среду, в которой оно сложилось. Не только отмеченная тематика — все эти военные подвиги, бои, схватки, не только бытовая военная обстановка, но и общий характер центрального образа — «славного могучего богатыря» ведет нас к княжеско-дружинной среде. Именно эта среда была наиболее заинтересована в прославлении и увековечении выдающихся событий своего времени: походов, боевых столкновений, побед. Ряд свидетельств лето-

писей и древнерусских писателей говорит нам о существовании особых дружинных певцов-поэтов, «исснетворцев», которые «исси пояху» князьям, совершившим военные подвиги, и которые «преклоняли своя слухы в бывшая рати и ополчение да украсят словесы». Поэтический образ такого дружинного певца запечатлен самой былинной (Добрыня).

Характерно, что в былинах, возникших на основе этой княжеско-дружинной поэзии, все внимание по преимуществу уделяется подвигам богатырей-дружинников, подвиги самих князей воспеваются значительно реже; сплошь и рядом подчеркивается огромное значение дружины и зависимость от нее князя. В былинне о Калине царе рассказывается, как получает Владимир предложение Калина сдать Киев «без боя, без драки»:

Владимир князь запечалился,

А наскоре ярлыки распечатывал и
просматривал.

Глядячи в ярлыки, заплакал вслед:

«По грехам над князем учинилося, —

Богатырей в Киеве не случилось,

А Калин царь под стеной стоит.¹

В то же время былины донесли до нас и отзвуки внутреннего антагонизма в кня-

¹ К и р ш а Д а н и л о в, Древнерусские стихотворения, № 163, изд. 3, М., 1878.

жеско-дружинной среде. Богатыри отказываются защищать Киев, потому что Владимир больше жалует «князей-бояр», чем их. «Князья-бояра» — это княжьи мужи, бояре киевской Руси, верхний слой, «старшая дружина», оседлая, богатая, пополюющаяся из класса богатых местных землевладельцев. У младшей дружины, несшей военную службу, были свои счеты с этими ближайшими советниками князя из числа его «думы». С особой силой расслоение внутри дружины выражено в одном из самых замечательных вариантов былины о Калине царевиче известного сказителя времени Гильфердинга — Трофима Григорьевича Рябинина:

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксою королевичной:
У него ведь есте много да князей бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.¹

Былина отразила по преимуществу общее направление интересов и весь военно-кочевой быт именно этого второго слоя дружины. Все это привело исследователей к предположению, что «древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству,

¹ Гильфердинг, Онежские былины, № 73 Спб. 1873.

возник из недр самой дружины и выдвинул героев богатырей-дружинников, естественно выставявших на первый план свои социальные интересы и чувства, далеко и не всегда совпадавшие с интересами набравшего их к себе на службу князя». ¹

Что касается образов врага, с которым в былинах сражаются богатыри, то в них отразились и смешались воспоминания о различных событиях, бывших в разные исторические периоды: впечатления ранних времен от столкновений с хазарами, а затем с печенегами, более поздние — с половцами, борьба с которыми была особенно затяжной и трудной, и, наконец, впечатления татарщины. Последняя оказала особенно большое влияние на былевой эпос. Нашествие татар стало источником сложения новых эпических песен. Таковы, например, все былины о Калине, Батыге, Скурле, Мамаевом побойце и т. п. Но и в древнейший слой тоже влетают новые впечатления: «татарин поганый» как враг богатыря — постоянная фигура былинны и даже тех из них, где мы можем предположить более старую основу, возникшую еще в ранние периоды борьбы с кочевниками.

Военные темы — лишь часть содержания эпического наследия. Другие исторические

¹ Б. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1931, стр. 60.

явления эпохи феодализма — рост боярства и ослабление власти князей в больших торговых городах, борьба городских партий, заморская торговля, вообще торговые интересы и осознание силы торгового капитала, быт и нравы торговой буржуазии — также нашли в былинах яркое отражение.

Как и в отношении первой группы былины мы не можем и здесь в большинстве случаев с полной уверенностью приурочить ту или иную былинку к определенному месту или времени, установить конкретное событие, легшее в основу былинны; опять-таки многие изыскания в этой области имеют лишь большую или меньшую степень вероятия. Но общий характер жизни большого феодального города в преломлении сознания торговой буржуазии передан сильно и красочно. Бой-драка Василия Буслаевича с «мужиками новгородскими» как отражение борьбы общественных групп в среде самой социальной верхушки — бояр и богатого купечества, «велик заклад Садко», «новы-купить товары новгородские» — поэтическое воспроизведение торговой конкуренции, столкновение богатых «гостей» с князем, в результате которого посрамленный и униженный князь дает право «торговать безданно и беспомилочно», — все это драгоценнейшие черты прошлого, облеченные в высокохудожественные образы.

В сложении этих былино-новелл, как их обычно называют в отличие от воинских

или «боевых», большую роль сыграли скоморохи. Эти профессиональные потешники, артисты, музыканты, фокусники, постоянные участники широв, свадеб и всякого рода празднеств, в области эпической поэзии явились до известной степени преемниками дружинных певцов, переняв от них и их песни и искусство играть на гуслях. С течением времени обе эти категории певцов слились вместе, образовав единую категорию скоморохов — веселых людей.

Мы не можем в точности указать, когда окончательно оформилась былина, получив тот композиционный и ритмический строй, в котором она дошла до нас. Но несомненно, что главное место в деле этого оформления принадлежит именно скоморохам, заинтересованным как в выработке всех художественных приемов, направленных на овладение вниманием слушателя, — особых зачинов, прибауток и т. п., так и приемов, помогающих запоминать и удерживать в памяти огромное количество стихов. Они производили отбор наиболее актуальных песен, соответственно интересам и вкусам тех общественных классов, которым они служили; они же подвергали их переработке. Но они, как уже выше сказано, слагали и новые песни-былины, преимущественно новеллистического типа с увлекательной интригой, с романическим сюжетом, богато насыщенные бытом того класса, для раз-

вращения которого они служили. Им же, несомненно, принадлежат и былины юмористического характера, в которых нередко действующими лицами являлись сами скomorохи. К более поздним образованиям в области эпической поэзии нужно отнести также и былины, приближающиеся к типу баллад, в сжатой и напряженной форме повествующие о каком-нибудь исключительном эпизоде семейно-бытового характера и заключающие часто яркие штрихи феодальных понятий о чести, положении и роли женщины и т. п.

Необходимо отметить еще одну категорию участников формирования бытового эпоса: церковно-паломническую среду — пилигримов, странников по святым местам, «скалик». Творчеству их принадлежит не только религиозный эпос — духовные стихи, но и известная доля в обработке некоторых былин. В этом находит свое объяснение наличие в былинах ряда мотивов житийных и апокрифических.

Бродячий образ жизни профессиональных слагателей былин обусловил широкое использование эпосом международных сюжетов и мотивов. Мы находим целый ряд параллелей между русским эпосом и сказаниями других стран — Востока и Запада. Так, например, на создание былины о бое Ильи Муромца с сыном несомненное воздействие оказали восточные иранские сказания о Рустеме и его сыне Сохрабе-Зорабе,

на былинах о женитьбе Владимира («Дунай») отразились скандинавские сказания и песни о Брунгильде и т. д.

Итак, процесс создания былины хронологически охватывает очень длительный период, начиная с X века. Былины создавались в различных областях феодальной Руси — Киевской, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV—XVII веках занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды — боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII веке. Однако, как мы увидим ниже, живые творческие процессы продолжают сопутствовать былинне и в новых условиях бытования, среди крестьянства и казачества, куда она в дальнейшем попадает.

Трудность изучения и осознания исторического смысла былинных образов именно в том, что они не являлись застывшими, раз навсегда данными, а вбирали в себя черты различных идеологий на протяжении целого ряда исторических эпох. В этом отношении особенно показательной является историческая судьба былинного образа Ильи Муромца.

В том, как он дан в ряде древнейших былин, слились и воплотились идеальные представления княжеско-дружинной среды о войне-дружиннике. Это образ огромной и осознающей себя силы, спокойной и уравновешенной. Храбрость его велика, но без пенужного и вредного задора. В минуту опасности именно Илья Муромец оказывает помощь. Он всегда победитель. Поражение его может быть лишь временным и всегда обусловлено несчастным случаем:

Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользит у Илейки пожка левая,
Пал Илья на сыру землю.¹

Этот идеал богатыря — защитника князя и «матушки Руси земли» — несомненно объединял направленность интересов как князя, так и дружины и был общим для обоих слоев последней. Отмеченный облик дополняется еще чертой благочестия и набожности, особо важной в глазах правящего класса, опиравшегося на поддержку церкви. Эта черта, яркий след идеологии, прививаемой сверху, тоже донесена в ряде былин до настоящего времени.

Но такой образ не остается неподвижным. В обрисовку Ильи Муромца вторгаются совершенно иные черты.

¹ Н. В. Киреевский, Песни, т. I, в. 1, М., 1893, стр. 51.

Он дружит с «голями кабацкими», которых называет «своими людьми». Обиженный князем Владимиром, он стреляет по церквам, сбивает «маковки золоченые» и пропивает их с голями в кабаке. Чтоб угостить их, он даже бросает свой «чуден золот крест» на прилавок. В противоположность спокойному, владеющему собой богатырю, мы видим разбушевавшегося бунтаря.

А что мне молодцу буде поделати,
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец е раздраженной.¹

В другой былинне он обзывает Владимира «собакой», говоря, что не ради него он идет на борьбу с Калином; срывает «золотые ключи», объявляя: «завтра сам буду править княжеством», грозит Владимиру убийством и т. д.

В то же время сам князь Владимир выводится крайне ничтожным. Он трусит, ищет примирения с Ильей Муромцем, устраивает специально для него пир, всячески старается его задобрить и т. д.

В таком изображении Ильи Муромца заключены явственные ноты социального протеста. Такой именно образ бунтаря совершенно не соответствует общей идеологической настроенности дружинной среды. Здесь чувствуются уже отзвуки более

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873, стр. 234.

позднего времени. Предполагают, что на эти былины наложило свой отпечаток начало XVII века — эпоха массовых движений, направленных против московского правительства и господствующих классов. Именно в это время, когда происходит казачья революция, вызванная крайним обострением отношений между правительством и казаками, когда (несколько позже), к казакам примыкают крестьянские массы, доведенные жестокой эксплуатацией помещиков до крайней степени разорения и обнищания, — и мог быть создан новый образ Ильи Муромца — беснабашного удалца и протестанта. В бунтарских выходках его следует видеть протест угнетенных слоев, преимущественно казачьей среды, против правительства, правящего класса и церкви. В этом и заключается большой исторический и социальный смысл былины о ссоре с Владимиром и о голях кабацких. Для этой же эпохи характерен также образ жалкого, приниженного правителя, дрожащего от страха перед разбушевавшимися народными массами. Возможно, что уже в эту пору начинает появляться в былинах об Илье Муромце и самое наименование его — «старый казак».

Последний этап в исторической судьбе былины — это бытование ее в крестьянской и казачьей среде. Отражение казачьих настроений XVII века на образе Ильи Муромца мы отметили. В дальнейшем мы находим

уже полное превращение Ильи Муромца-дружишкина в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами и турками. Таковы былины, записанные среди казаков и в Сибири, об Илье Муромце на Соколке-корабле, а также многочисленные казачьи песни о «старом казаке-атамане» — Илье Муромце.

Крестьянство по-своему преломило, окрасило образ Ильи Муромца, идеального воина-дружишкина феодальной эпохи. Некоторые из его черт оказались в этом новом преломлении близкими и понятными определенным слоям крестьянства. Илья Муромец защищает страну, землю от врагов, которые ее разоряют. Он стоит «за вдов, за сирот, за бедных людей». Он борется с разбойниками, от которых страдает население. Он самый сильный, самый храбрый, только на него можно положиться в трудную минуту. В эту характеристику вкладывалось содержание, отвечающее идеологии той основной массы крестьянства, для которой такое значение имели земля, собственность, хозяйство. Образ, дошедший из глубины веков, получает новую социальную функцию. Наиболее консервативные слои любовно культивировали также такие черты, как патриотизм и благочестие.

С другой стороны, в слоях бедняцких, оппозиционно настроенных, живейшее сочувствие вызывали иные моменты в былинах об Илье Муромце: противопоставление

его и других богатырей князьям и боярам «толстобрюхим», «кособрюхим», беспомощность князя, которого из беды может выручить только Илья Муромец, самое бунтарство богатыря, вызванное несправедливым отношением к нему князя, который обижает и оскорбляет своего «да что лучшего, а что лучшего, да лучшего богатыря». Таким образом, существование в крестьянской среде разных образов Ильи Муромца говорит о тех идеологических противоречиях, которые были так характерны для разнородной по социальному составу крестьянской среды.

Илья Муромец и в новой среде остается самым популярным богатырем. Естественно поэтому и последнее превращение его в крестьянского сына.

С наибольшей силой тенденция превращения дружинника в крестьянина выразилась в одной из самых поздних былии об иседелении Ильи Муромца. Здесь особенно выдвигается его отношение к крестьянскому хозяйству. Первый подвиг после получения здоровья и силы Илья Муромец совершает на хозяйственном фронте.

Он дубье-колоды все повырубил,
В глубокую реку повыгрузил,
А сам и шел домой... и т. д.¹

¹ Песни, собранные Н. Н. Рыбниковым, ч. I, 14, 1861, стр. 33.

В этом отношении особенно интересен один из более поздних вариантов, в котором оказанная родителям помощь описана в красках, особенно характерных для крестьянина:

А пошел он как хранишь полё ётцовское,
Он заведе-де в поле ноще скот ходит,
Он как из поля скота ноще выганивал,
Кабы полё то сырым дубом огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьцо с корень-
ном,
Он оклад-огородил людям на юдивленьцо.¹

Образ Ильи, наиболее сложный и запутанный из всех эпических образов, вызвал обширную литературу. На анализе его четко выявились основные тенденции дореволюционных научных течений. Мифологи со своих славянофильских позиций — реакционного крепостнического дворянства — видели «в эпическом типе Муромца много великих доблестей идеального героя», воплощение высоких «общеправственных» черт. Корни этого они усматривали в «духе общины», который впитал в себя образ Ильи Муромца, выработавшийся из первоначального мифического образа бога-громовника и прошедший через посредствующий образ Ильи-пророка. Но мысли мифологов, именно «общинная струя», насытив-

¹ О в ч у в о в, Печорские былины, М 53, СПб., 1904.

шая эпический образ Ильи, и привела к тому, что он сделался выразителем нравственных идеалов «всего народа». Характерно, что те былины, которые разбивали эту концепцию, мифологи просто отбрасывали, как «пересказы, стоящие совершенно особняком»¹ и несущие следы «позднейшей бытовой грубости» и «исторически вынужденной жестокости народа».²

В противовес славянофильско-мифологическим теориям первые представители сравнительной школы, отразившие буржуазно-западнические взгляды, подчеркивали в образе Ильи черты чуждого, нерусского происхождения, восточного и западного. В их работах образ Ильи совершенно утрачивал национальные черты. Вместе с тем конкретная социальная действительность, определившая этот образ во всей его сложности и противоречивости, ими совершенно игнорировалась.

Однако в дальнейшем, разгромив националистско-замкнутые концепции славянофильства, компаративизм как идеология крепившейся буржуазии, с ее задачами изучения реальной среды и конкретной действительности, должен был неизбежно выдвинуть задачу вскрытия исторических основ былевого эпоса. Эту миссию выпол-

¹ Орест Миллер, *Илья Муромец и богатырское* иновское. СПб., 1870, стр. 801, примеч.

² Ibid., стр. 804.

являла историческая школа, возглавляемая Вс. Миллером. Он и его ученики (особенно А. Марков) уже отчетливо видели роль различных социальных элементов в создании сложного образа главного героя русского эпоса (Марков даже говорил о классовых основах). Но они не сумели увидеть в этом процессе органической переработки, заново переосмысляющей всю былинну в целом, а видели лишь определенный социальный «пласт», под которым, казалось им, легко рассмотреть древнейшую основу былинны. Стоя на позиции буржуазного социализма, Миллер не понимал также всей творческой силы социальных противоречий. Правильно вскрыв в былинне о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и о голях кабацких преломление протеста казачьей среды начала XVII века, он в аналогичной былинне о Василии Игнатьеве видел лишь продукт «грубой среды любителей кружала государева», «кабацких заседателей», «веселых людей скоморохов», смакующих, по его выражению, «кабацкие сцены», «зелено вино» и проч.¹ Он совершенно не учитывал большого социально-исторического значения этой былинны, в которой роль спасителя Киева, Ильи Муромца, перенесена на Василия Игнатьева, представителя голи, что заостряет былинну в сторону противопоставления господству-

¹ Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, в. 1, М., 1897, стр. 310.

ющему классу не младшей дружины — богатырей, и не «крестьянского сына», а самых низов социальной лестницы.

Мы задержались выше на трансформации эпического образа Ильи Муромца в виду особого интереса и показательности прослеженного процесса. Но аналогичные явления мы наблюдаем и в жизни других былинных образов. Так, например, ранний образ Алеши Поповича вполне положителен. Он «смелый Олешенька Попович млад». Смелость отмечается как главное его качество. Он хитер и находчив в столкновении с врагом. Таков Алеша Попович в ранних воинских былинах. Следы этого образа сохранились и в других былинах в постоянном эпитете Алеши «смелый».

В руках скоморохов Алеша Попович становится одним из главных героев романтических историй былин-новелл. Именно в среде скоморохов, идущих навстречу социальным настроениям своих потребителей, в данном случае мелкого городского населения и крестьянства, используется историческое прозвище Алеши — Попович, и образ Алеши получает социальную оценку как представителя «поповских родов».

Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидушие,
Поповские руки загребушие;
Увидит Алеша на похвальщике
Много злата, серебра, —

Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша понапрасному.¹

Этот социальный мотив крепко входит в былинную традицию. Особенности заострения он получает при подчеркивании некрестьянского происхождения Алеша:

А Олеша не роду да хрестьянского,
А Олеша та роду да все поповского,
Ише руки у Олеша да загребушие
А глаза у Олеша да завидушие и т. д.²

Алеша Попович превращается в комическую фигуру. Взамен храбрости начинают подчеркиваться черты хитрости, хвастливости и неразумного задора, трусости. Алеше придаются черты женского прелестника. Он «бабий пересмешник», «дивочий надсмешник», «похавный вор».³

Чрезвычайно интересна также судьба и переосмысление на различных этапах жизни былины образа князя Владимира, вокруг которого собираются богатыри.

Сопоставление былинных деталей с летописными данными говорит о том, что в этом эпическом образе преломились и скрестились воспоминания о двух истори-

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, № 46, вып. 1, М., 1863.

² Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым, т. III, СПб., 1910, стр. 323.

³ В этом заострении сатирических черт в образе Алеша сыграло роль и то, что с церковью скоморохи жили не в ладах.

ческих **Владимирах**: князе **Владимире Святославовиче** конца **X** и начала **XI** веков и популярном князе **XII** века — **Владимире Мономахе**. Первый, «типичный князь варяг, полукупец, полуразбойник, начальник наемной дружины, правительственная деятельность которого ограничивалась сбором дани с подвластных племен»,¹ впоследствии объявляет христианство официальной религией и в церковной организации получает новое оружие для эксплуатации. Этот князь, деятельность которого отвечала интересам высшего класса, нашел очень сочувственное изображение на страницах летописи. Летописцы — придворные историки — старались подчеркнуть его заботу о дружине, описывали, например, пиры, которые он для дружины устраивал, и т. п. Эти черты совпадают с былинным образом «ласкового Владимира Красное солнышко». Кроме того в основе ряда былины установлены определенные исторические эпизоды, связанные с личностью князя **Владимира Святославовича**.

Владимир Мономах, один из крупнейших феодалов древней Руси, к концу своей жизни объединивший в своих руках и в руках своей семьи почти три четверти тогдашней Руси, вел энергичную борьбу с половцами, наиболее опасными врагами

¹ Большая советская энциклопедия, т. XI, М., 1930, стр. 371.

киевской торговли в XII веке. Это сделало его популярным как среди верхушки, так и в массах, страдавших от половецких набегов. Популярность Мономаха еще более выросла после киевской революции начала XII века, когда он искусной дипломатической социальной политикой (уступками мелкому городскому люду и смердам) восстановил спокойствие.

Но рядом со следами сочувственного отношения к этим князьям, сохранными по преимуществу в застывших хвалебных эпитафиях, мы наблюдаем в былинах явную тенденцию к снижению образа князя, идущую, как это уже было отмечено, от настроений младшей дружины. Выше мы видели черты беспомощного и в то же время несправедливого «властителя», которому вместе с его «князьями-боярами» противопоставляются младшие дружинники-богатыри, совершающие труднейшие подвиги и часто не получающие за это от князя должной награды. Эти отголоски социальных взаимоотношений раннего феодализма должны были особенно приттись по вкусу боярской и купеческой среде тех богатых торговых городов, которые соперничали и вели борьбу с князьями-феодалами. Здесь эти черты, ведущие к развенчанию князя, получили особое усиление и дальнейшее развитие. Владимиру присваивают роль сводника, поддерживающего интригана Алешу всеми неблагоприятными средствами,

вплоть до угроз и обмана, заставляющего жену Добрыни Никитича «от живого мужа» итти под венец с Алешей. Заключительный укор Добрыни по адресу Владимира в целом ряде вариантов данной былины оттеняет и подчеркивает неблаговидность поступка князя.

Владимир ежечасно посрамляется не только богатырями, но и боярами, и «гостями», приезжающими из других городов и мест, при этом заключительное разрешение униженным Владимиром: «а торгуи в нашом во-о граде во Киеве, ты во Киеве во граде век без пошлныи» — выпукло передает основную направленность той среды, в которой культивировалась былина на определенном историческом этапе.

Наконец, на том же образе былинного Владимира сказались впоследствии и впечатления от московских царей и обстановки их двора.

С одной стороны, в него вносятся черты деспотизма, например, рассказывается об отсылке неугодных Владимиру богатырей на «службу великую» с целью их гибели, с другой стороны — резкое изображение князя, обезличенного «боярами толстобрюхими», в которых он «думу думает» и против которых он «ничего говорить не смет», — переносит нас в сферу тех настроений московского помещичьего дворянства и купечества, которые подготовили государственный переворот середины

XVI века, направленный на ликвидацию «боярщины».

Так видоизменялся и переосмыслялся былинный образ в период наиболее интенсивной жизни былины, в период ее сложения, с ранних времен феодализма вплоть до конца XVII века. Но и в среде последних носителей эпического наследия — крестьян — былина не застывает в определенных и неизменных формах, а продолжает жить творческой жизнью, изменяясь под воздействием социальной среды, местности и личных свойств исполнителя.

3

Проблема подвижности былинного текста в крестьянской среде не сразу была выдвинута в науке о былине. Наоборот, долгое время, начиная с 20—30-х годов XIX века, когда, собственно, и начинается научное изучение «устной словесности», вплоть до второй половины XIX века господствовало представление о механическом сохранении крестьянами эпического наследия, доставшегося им от далеких предков.

Это наследие понималось как результат глубокого в прошлом процесса некоего «коллективного», «безличного», «общенародного» творчества, отразившего «народную душу» и «народную мудрость». Отдельные же изменения в пересказах рассматривались как явления индивидуальной па-

жияти — забывание и вытекающее из него искажение, которое не следует принимать в расчет. Исследователь должен оперировать лишь исконным, подлинным текстом.

Такова была основная концепция в отношении фольклора мифологической школы. Это игнорирование непрекращающихся живых творческих процессов в фольклоре, вытекающее из общей тенденции славянофильства отыскать в прошлом и познать «истинную народность», находило как раз в области былины опору в действительно крепкой традиционности всего композиционного и ритмического ее строя.

Однако, когда новые научные течения второй половины XIX века, связанные с интересами крепнущей буржуазии, выдвинули задачу изучения конкретной действительности, то и в жизни былины были вскрыты следы живого индивидуального творчества, отразившего влияние окружающей обстановки.

Первые шаги в этой области принадлежат А. Ф. Гильфердингу и В. В. Радлову, почти одновременно опубликовавшим свои наблюдения над различным материалом эпического творчества, — Гильфердинг над северными былинами, Радлов над эпическими поэмами сибирских народностей.¹ Оба отме-

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873; Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, СПб., 1885.

чали в исполнении певцов-сказителей сосуществование унаследованной традиции и чисто творческих моментов. Эти последние сказываются преимущественно в «ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое», в воссоздании текста на основе усвоенного общего остова былины и «типических» мест. «В каждой былине, — говорит Гильфердинг, — есть две составные части: места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял ее; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий состав, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».¹ Но и типические места несут отпечаток личности сказителя, так как у каждого имеют свои особенности. По мысли Гильфердинга, как раз именно типические места «всею более отражают на себе личность сказителя», так как он производит определенный отбор из массы готовых типических картин.

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873, стр. XXVII.

Но дело не только в отборе, как думал Гильфердинг. Дальнейшие наблюдения показали, что и типические места сказитель перерабатывает, внося известные изменения и дополнения соответственно своему отношению к изображаемому, своим вкусам и настроениям. Так, при повторении выезда богатыря в погоню за врагом (сперва, например, Алеша Попович или Добрыня Никитич, потом Илья Муромец) обычно в точности повторяется картина снаряжения богатыря, в частности седлания коня. В публикуемом нами варианте «бой Ильи Муромца с сыном» при выезде Добрыни сперва передаются традиционные подробности:

Он ведь скоро седлат то своего коня доб-
рого,
Он седлат, все убирает коня богатырского.
Он двенадцать шелковых упругинок
застегиват... и т. д.

Когда же после возвращения напуганного врагом Добрыни едет сам Илья Муромец, то сказительница делает неожиданное противопоставление:

Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шелковых упру-
жинок застегивать...

Вообще особенно четко вырисовываются индивидуальные привнесения на фоне определенной традиции. Так, например, за-

ключительный эпизод былины о Соловье-разбойнике — известное описание исполнения соловьем свиста на дворе Владимира — развернут во всех былинах в традиционном плане изображения общего испуга. Картина эта дает большой простор для юмора. Некоторые сосредоточивают внимание на комической фигуре князя, падающего от страха со стула, укрывающегося «под куньей шубочкой» или под пазухой Ильи Муромца, другие переносят сатирический акцент на бояр, ходящих «окаракою», и т. п. В этих оттенках, в изменениях отдельных деталей не только проявляется степень одаренности исполнителя, его художественное чутье, не только сказывается влияние профессии и особенностей быта, но и находит выражение его социальная психология. Драгоценными штрихами являются, например, такие детали, как возражение князя Владимира послу, сватающемуся за его племянницу: «Моя племянница ведь царская дочь, а жених-то, може, есть батрак»; гневный ответ посла: «Я крестьянский сын и крестьянкую, а про богатство и не спрашивай», или следующая выразительная мотивация женой Добрыни Никитича ее согласия на замужество с Алешей Поповичем, данного под влиянием угроз Владимира взять ее к себе в работницы: «Под боярином жить да быдто под чортом, лучше итти мне за Алешеньку в замужество».

Вся эта индивидуальная чисто творческая деятельность протекает в пределах определенной и очень крепкой поэтической традиции. Выше было уже отмечено наличие в прошлом певцов-профессионалов, в руках которых и была выработана богатая и своеобразная художественная техника былины.

Некоторые черты былинной поэтики назывались нами попутно. Например, так называемые общие или типические места, то есть традиционные формулы, устойчивые, постоянные выражения и обороты, повторяющиеся в былинах с разным содержанием. Таково описание выезда богатыря в поле, седлание коня, скачки богатырские, единоборство богатырей; поклоны богатыря при входе в терем, вопросы, к нему обращаемые, его ответы, похвальба богатырей на пиру, сватовство, прощание с матерью и т. п. В четкую форму отлилась и сама композиция былины. Начинаясь чаще всего с «зачина», дающего обычно конкретные географические указания, откуда и куда едет былинный герой, она развертывает действие чаще всего в хронологической последовательности событий, эпизодов, связанных с главным действующим лицом. Направление сюжетного развития часто указано уже в самом на-

чале. Развитие это тормозится обстоятельными, подробными описаниями каждого действия героя и постоянными повторениями. В этом богатстве описательных деталей, в подробном разворачивании отдельных эпизодов — главная прелесть словесной ткани былины. Иногда былинне предшествует «запев» или «прибаутка», не имеющие прямой связи с содержанием былины и служащие лишь своего рода художественной прелюдией, увертюрой к былинне. Цель запева — создать настроение, подготовить слушателя к восприятию. Таков, например, знаменитый запев к былинне о Соловье Будимировиче в сборнике Кирши Данилова:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота океан море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.¹

Основным композиционным приемом в былинне, помогающим разворачивать действие, является антитеза — прием контраста. Черниговские мужики советуют Илье не ехать прямоезжею дорогою, — Илья Муромец едет и встречается с Соловьем Разбойником, Василий Буслаевич не слушается наставлений матери и озорничает во время путешествия в Перусалим и т. д.

¹ К и р ш а Д а н и л о в. Древнерусские стихотворения, № 1, изд. 3, М., 1878.

Контрастность самих выведенных лиц тоже часто служит основой для развертывания сюжета: Илья Муромец и Идолище, Илья и Сокольник и т. п. В целях дальнейшего движения сюжета широко используется диалог. Давая общую информацию о том, что произошло или происходит, он вызывает новое действие с вмешательством нового лица. Закачивается былина четкой развязкой, дающей разрешение конфликта. Некоторые былины сопровождаются еще особыми концовками, выражающими впечатление от изображенного, дающими сентенцию или величание.

То старина, то и деяние...

А тут Соловьёу ему и славу поют,
Ай славу поют ему век по веку...

Синему морю на тишину,
Всем добрым людям на послушание...

Неизбежным спутником былины, спецификой ее стиля является гипербола, обусловленная общей художественной целеустремленностью героической поэмы — стремлением поразить воображение слушателя грандиозностью подвигов силы и храбрости. Так богатыри бьются «день до вечера, с вечера бьются до полуночи, с полуночи бьются до бела света», богатырь скачет «выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего» и т. д. Многочисленные

и разнообразные повторения. с обычным соблюдением троечности с нарастанием, несут, кроме композиционных, изобразительные и эмоциональные функции. Наиболее часты повторения следующих типов: 1) повторение коренных, то есть смысловых частей слова: «У того ли Чернигова нагнано-то силушки черным-черно, ай черным-черно, как черна ворона» (Гильфердинг, № 74); 2) повторение синонимов: «Без бою, без драки, без кроволития»; 3) повторение путем отрицания протоположности: «А и холост хожу, не женат гуляю»; 4) повторение слов и выражений с нарастанием: «Калика эта старая, эта старая калика да седатая, седатая калика да плешатая» и др. Удерживая внимание на смысле повторяемых слов или путем нагнетания новых признаков постепенно разворачивая образ, повторения помогают более острому восприятию и сообщают образу художественную четкость.

Широко применяются в былине и сравнения, параллелизмы и постоянные эпитеты. В них мы часто находим не только отражение определенных эстетических вкусов (поле чистое, белая березка, красное солнышко), но и указания на историко-бытовые и социальные черты и исторические отношения (печка муравлена, терема златоверхие, бояра толстобрюхие, славный великий Новгород, татарин поганый и др.).

Былина издавна была связана с музы-

кой. Встарину она не только пелась, но и сопровождалась игрой на гусях. В крестьянской среде она лишь поется, обычно одним лицом, значительно реже хором. Этот последний способ исполнения существует главным образом у казаков. В противоположность песне напев былинны не так крепко и органически связан с текстом, он является лишь средством его подачи. Напев может сопровождать различные былинны, так же как самый текст может легко быть оторван от напева и существовать отдельно от него. Но в то же время освобождение былинны от напева влечет за собой обычно разложение былинны. Она теряет четкость своего ритма, рассказ становится более свободным, приближается к прозаическому пересказу.

Напев формирует стихотворный ритм былинны. Стих принадлежит к типу «вольного стиха», не укладываясь в строгие рамки классических размеров. В большинстве случаев он характеризуется четырьмя главными ударениями, из которых последнее, представляющее некоторое отягчение последнего слога, при пении обычно протягивается: «Из того ли то из города из Муромля, из того села да с Карачирова...». Но так как ударение последнего слога легче, чем третьего с конца, то окончания былинных стихов воспринимаются как дактилические. Рядом с таким преобладающим типом былинного стиха есть другие —

с меньшим количеством ударений и с двух-
сложными окончаниями. Такого рода стих
формируется и более короткими, быстрыми
напевами. Рифмы постоянной в былинах
нет, она появляется лишь в результате
синтаксического параллелизма и чаще всего
представляет неполное созвучие — ассонанс.

Там пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица, черный вороп не пролетыват,
Серый волк да не прорыскиват.

То все травушки-муравы уилетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаятся,
Темны лесушки к земли вси прикло-
няются.

(Гильфердинг, № 74)

Ассонансы и другие звуковые сочета-
ния мы встречаем часто и в середине
былинного стиха.

Различное использование и применение
указанных нами художественных средств
выражает личную творческую манеру.
Но былина несет на себе не только следы
индивидуальной поэтической деятельности.
Мы наблюдаем также наличие определен-
ных художественных школ в пределах
того или иного района. Так, например, от-
меченный выше социальный элемент в
характеристике Алексея Поповича различ-
ным способом используется в плане ком-

позиционном. В прионежской группе были он обычно включается в былинку о Дюке Степановиче, в которой социальные черты Алешки становятся препятствием для посылки его на охись «животов Дюковых».

Его глазищедка поповские,
Поповские глазищедка завидливы;
А ему оттоль с Иидей да не выехать!¹

В вариантах же, записанных на Мезени, этот мотив вносится в былинку о Добрыне и Алешке, где указанными чертами Добрыня обосновывает свой запрет жене выходить в случае его гибели за Алешу.

Вопрос о художественных школах в былевом эпосе совершенно не разработан, так же как не изучен и не выяснен вообще областной тип былинны. Мы видели, что былина впитала в себя целый ряд черт, идущих от различных социальных групп в различные исторические эпохи. На последнем этапе своего бытия в крестьянской среде она тоже получает отпечаток социальной среды определенной местности, в которой бытует. Так не случайным является в былинах, записанных в Средней России и в Поволжья, в районах крепостного землевладения, упорная замена «древнего боярина» — «баринном» или внесение в традиционную

¹ Гильфердинг. Онежские былинны, М 132, СПб., 1873.

формулу похвалы на пиру следующего основного штриха: «Барин хвалится своими крестьянами». Интересно также сплетение в северных былинах черт южного пейзажа, сохраненного креникой традиционностью былины, с географическими бытовыми чертами севера. «Раздолье чистое поле», «дуб кряковистый», часто совершенно неизвестные северному крестьянину, перемежаются со «щельями-каменьями», «мхами и болотами», «мелкими озерками», полями, на которых пахарю Микуле приходится «вывертывать» камешки, — типичные черты северного, в частности карельского пейзажа.

5

Основные массивы эпического наследия были открыты преимущественно на севере: в районе нынешней Карелии и в Северном крае: в бывшей Архангельской и отчасти Вологодской губерниях, по рекам Ваге, Онеге, Пинеге, Мезени, Печоре, в Поморьи, на Терском и Зимнем берегах Белого моря. Кроме того былины оказались еще у казаков — донских, терских и оренбургских, в Поволжье и, наконец, в Сибири, как Западной, так и Восточной. Во все эти места былина заносилась вместе с колонизацией, идущей из Новгорода, игравшей большую роль в сложении и оформлении эпоса. Среди России и Украины, места, где тоже создавалась часть былевого

эпоса или те песни, которые послужили ее основой, оказались наиболее бедны, дав всего несколько отдельных и случайных записей. Бурная смена исторических впечатлений, с одной стороны, крепостное право, с другой, привели к исчезновению здесь былинной традиции, остатки которой до нашего времени лучше всего сохранились в наиболее глухих и менее всего затронутых промышленным духом местах. Общие черты бытового уклада северных крестьян, особые условия, способствовавшие сохранению эпоса, как, например, некоторые промыслы, обеспечили здесь эту сохранность.

В средних же районах из всего эпического наследия сохранились более поздние былины балладного типа, по складу почти перешедшие в песню, и другой вид эпического творчества — исторические песни.

Но и на севере процесс постепенного угасания былинной традиции налицо. Засвидетельствованный еще первыми собирателями конца XIX века, он значительно усилился в условиях современной революционной деревни, приобщенной даже на самых отдаленных окраинах к общим интересам и заботам социалистической стройки. Этот процесс исчезновения, однако, совершается медленно и в разных местах в разной степени. В некоторых районах, как, например, в Поморьи, на Карельском

п Терском берегах, в северных частях Заонежья, знание былины чуть теплится, жалкие остатки эпоса хранятся в памяти лишь немногих преемников бывшего сказительства. В других районах, на Индиге, в Южном Заонежье и Пудожьи, былина еще бытует, но сказители исполняют ее чаще для себя; былина все больше и больше замыкается в узком кругу любителей и редко находит аудиторию за пределами семьи. Наконец, есть и такие места (Мезень, Печора), где еще в последние годы (1928—1929 гг.), былина бытовала в полной мере. Сказителей здесь было довольно много, они исполняли былины и в тесном кругу семьи, и для себя во время работы, и для односельчан. Бывали даже случаи специальных собраний для совместного пения. Знание былины зарегистрировано здесь и в среде более молодых. Отмечена также забота сказителей о пополнении своего репертуара. Однако и здесь заметно общее падение былинной традиции. Репертуар сокращается. В Усть-Цильме, по данным 1929 года, репертуар свелся к двадцати пяти сюжетам вместо сорока восьми, записанных Ончуковым. Различные степени сохранности и живучести былинной традиции обусловлены различными темпами и характером социально-экономического роста районов.

Стремление записать все, что еще сохранилось из эпического творчества, в виду

**Максим Григорьевич Антонов,
современный мезенский сказитель**

его несомненного падения, а также новые задачи, выдвинутые советской фольклористикой, требовавшие повторных изучений, привели к ряду новых обследований. Последние записи, среди которых мы находим еще целый ряд прекрасных, художественных текстов, все же в значительной своей части обнаруживают явные моменты разрушения: тенденцию к ускорению действия, что приводит к разрушению былинной обрядности и к обеднению былинного стиля, освобождению текста от напева, при котором текст подвергается опрозрачиванию, и т. п.

Медленность угасания творчества, идеалы и образы которого — глубокая архаика, говорит с несомненностью о том, что былина включает в себе какие-то жизнеспособные элементы, долго удерживавшие ее от окончательного исчезновения. Мы уже видели, что былевой эпос включает ряд таких идеологических моментов, которые были привнесены в него оппозиционно настроенными слоями: отдельные ноты социального протеста, критика господствующих классов, бунтарство против устоев. Благодаря этому некоторые мотивы и образы могли наполняться новым содержанием и становиться близкими передовым слоям крестьянства.

Былина как одно из самых значительных явлений фольклора вызвала обширную научную литературу. Ее богатое истори-

ческое, социальное и художественное содержание привлекло, как мы видели на примере былии об Илье Муромце, внимание представителей различных научных течений.

К былино также не раз обращаются поэты, писатели, художники, композиторы, вдохновляясь эпическими образами и используя их для воплощения своих творческих замыслов. На этом пути мы находим идеологов различных классов и социальных групп, насыщающих свои стилизации определенными социальными тенденциями (например, Чулков, Львов, Карамзин—XVIII и начало XIX века, Лермонтов, Ал. Толстой—XIX век, Бальмонт, Брюсов—XX век). С точки зрения художественной, эти произведения тоже далеко не равноценны. Часто мы видим слабые, слащавые, фальшивые подделки, но мы имеем и такие вершины поэтических достижений, как лермонтовская «Песня о купце Калашникове».

Эта замечательная поэма живо свидетельствует о том, каких художественных высот можно достичь путем подлинного и глубокого проникновения в богатство эпического наследия.

Проблема освоения этого наследия с большой силой выдвинута и поставлена в наши дни.

В. И. Ленин высоко ценил фольклор в художественном и социально-политиче-

ском отношении. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Когда однажды зашла речь об устно-поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему просмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он. — Я бегло просмотрел вот эти книги, но вижу, что нехватает очевидно рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных». ¹

А. М. Горький, который неустанно подчеркивал необходимость обращаться к фольклору как к «началу искусства слова», как к богатейшему источнику высоких образов и словесного мастерства, не раз также отмечал огромное значение былинных образов.

«Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, — говорил он на Первом съезде писателей, — созданы фольклором, устным творчеством трудового народа». ² В галерее ярких мировых образов, в создании которых, по его

¹ «Ленин о поэзии». «На литературном посту», 1931, № 4.

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 г. Стенографический отчет, М., 1934, доклад А. М. Горького, стр. 8.

словам, «гармонически сочетались радио и интуиция, мысль и чувство», наряду с именами Геркулеса, Прометей и Фауста А. М. Горький называл также образы, созданные русским былевым эпосом.

А. Астахова.

Б Ы Л И Н Ы

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А как первая была поездка Ильи Муромца
А из Мурома до Киева.

А как клял-то он да промож собой ведь
заповедь
Меж заутреней поспеть к обедне воскре-
сенския.

А пошел-то он да на широкой двор.
А седла, уздал своего коня, да лошадь
добрую:

Что накладывал на спину лошадиную-ту
войлучок,

А на войлучок накладывал седёлышко
черкальской,

Вот затёгивал-то он двенадцать отужинок,
А застегивал-то он двенадцать пряжочок;
’ише¹ отужинки были шелкóвыя,

А как пряжочки были да золочёныя,

А как шпёнышки были булатныя,

А того-то белого булата заморского, —

Что не ради-то красы, да ради крепости,
Ради тех-то приспехов богатырских.

Он приковывал-то палицу ко стремяну
булатному;

¹ Ише́, ишше́ — еще.

А ка клал-то он к палице заповедь великую,
Чтобы от Мурома до Киева-то палицы-то
не отковывать.

А как одевалсе доброй молодец да в платье
богатырское,

А прошиналсе он с отцом да с рѡдной
матушкой:

«Ты прошай-ко-се, да мой рѡдной
батюшко!»

Он ведь лѣгко скакал да на добра коня.

А как видели тут молодца сряжающись,
А не видели-то ёго поездки богатырския.

Он поехал из города из Мурома,

Из того жо села да Карачаёва.

А как подъезжает к городу к Черни-
городу, —

Тут стоит-то под Черни-городом сила
великая,

А хотят-то розбить, розорить-то город
Чѣжевец,

А божьи церкви хотят да под конюшни
взсть.

А сидит-то старой на добром конѣ да при-
задумалсе:

«А что клал-то я себе-то заповедь вели-
кую,

Что от Мурома до Киева да палицы-ты
не отковывать;

Как прости меня, господь, да в таковой
вины!

Я не буду боле-то класть заповеди великия».

Отковал-то он ведь палицу тяжелою,

Он ведь постѣгал коня да по крутым бедрам,

А заехал во ту силу великую;
А да вперёд махнёт, дак сделает улидей,
А назад махнёт — дак переулками;
Коё бьёт, больше конем всё мнёт.
Он прибил, притоптал всю силу великую.
А как стречают, мужики-ти города Черни-
города,
А стречают, отпирают ёму ворота
городовья,
А стречают, ёму низко кланется:
«А приди ты к нам хошь князём живи
в Черни-городе, хошь боярином,
Хошь купцом у нас слови, гостем торговым.
Мы ведь много даим тебе золотой казны
несчётныя».
Говорит-то старой таковы речи:
«Не хочу-то у вас-то жить не князём, не
боярином,
Не купцом, гостем торговым жа;
Мне ненадобно-то ваша золота казна
несчётная:
Золотой казной мне ведь не откупатисе!
Только вы скажите в красен-от Киев-град
дорожку прямоезжую:
Кольке времени ехать какой дорогою?» —
«Прямоезжою дорогою надоть ехать три
месяца,
А окольною дорогою надоть ехать три года;
Заросла-то прямоезжая дорожка равно
тридцать лет,
Заросла-то она лесым тёмным жа;
А как есть на сії три заставушки великия:
А как перва-та застава — лёсы тёмныя,

А втора-та застава — грэзи чѣрныя,
А как третья-та застава есть водъ реченька
Смородинка,
А у той-то у речки есть калинов мост;
А тут есть-то, тут Соловьёшко живёт
Рохманьёвич:

А сидит-то Соловьёшко да на девяти дубах,
А как ревёт-то Соловьёшко да по-звериному;
А свистит Соловейко по-соловьинному,
А сидит-то собака, пищит он по-змеинному.
А не конному, не пошому проходу нет,
А не серому волку прорыску нет,
А не ясному соколу пролёту нет». —
«Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку
прямоезжую!»

Он поехал по той дорожке прямоезжою.
А как он присхал к лесу тёмному,
Соходил-то он да со добра коня,
А левой рукой-то он коня ведёт,
А правой рукой дубье рвёт да ведь
с коренём,
С коренём рвёт да ведь мост мостит:
Он проехал-то лесы тёмныя,
А проехал-то он да грэзи чѣрныя,
А доехал до той жа реченьки Смородинки.
Как увидя ёго Соловьёшко Рохманьёвич,
Зашипел-то Соловьёшко по-соловьинному,
Заревел-то Соловьёшко да по-звериному,
Как ведь зашипел он Соловьёшко
по-змеинному;

Ише мать сыра земля да потрясалася.
А сыр дубье да пошаталосе;
Как потнулсе ёго конь, на колени пал,

А от того от свисту соловьиного,
 А от рёву-ту он от звериного.
 А как бил он коня да по крутым бедрам:
 «Ужь ты волчьа пасть¹ да травяной мешок?
 Не слыхал ты разе свисту соловьиного,
 Не слыхал ли ты реву звериного,
 А не слыхал шилотку-ту всё зменного?»
 А как брал-то он да свой розрывчат лук,
 Натягал-то он тетивоньку шолковую,
 А накладывал-то он стрелочку калёную,
 Сам ко стрелочки да приговаривал:
 «А лети моя стрела да по-под-небёса,
 А не падай не на воду, не на землю, не в
 сырой дуб.
 А пади-тко-се Соловьёшку во правой глаз».

А как полетела стрелочка да по-под-небёса.
 А как падала стрела не на воду, не на
 землю, не в сырой дуб,
 Она падала стрелочка Соловьёшку во
 правой глаз.

А как падал Соловьёшко да на сыру
 землю;
 Подъезжал тут старая стариньшина да под
 Соловьёшка,
 А приковывал-то Соловьёшка да за белы
 руки,
 Подымал Соловьёшка да на добра коня,
 А приковывал ёго ко стремени булатному,
 А подымал он Соловьёшка-то на добра
 коня;
 А поехали они ко городу ко Киеву.

¹ Вместо «сыть». Примеч. собир.

А как мимо ехали Соловьево высокое
 подворьицо,
 А высокое-то дворьицо, высок терем;
 Как увидели Соловьёшка да родны дочери,
 А больша-то говорит: «Как батюшко-то
 едёт, мужика везёт».
 Да втора-то сёстра говорит: «То — мужик-
 от едёт, везёт батюшка».
 А как едут они к Соловьёшку да к широку
 двору,
 Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
 А хотела убить да Илью Муромця;
 Подхватил-то старый казак да Илья Муромец
 да подворотину,
 Ухватил-то ей да из белых-то рук;
 Тут он хватил своё востро копьё,
 А сколол-то его большую дочь.
 Говорит Соловьёшко Рохманьёвич:
 «Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
 Не грубите, не гневите сердца
 богатырского;
 Выкупайте мя да из неволюшки:
 Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
 А три-то мисы чиста сёребра,
 Насыпайте три-то мисы меди, всё
 козárочки».
 А поехал он ко городу ко Киеву,
 А не зашел-то он к Соловьёшку в высок
 терем.
 А приехал в славной Киев-град,
 Ко ласкову приехал князю на широкой
 двор,
 Как ведь соходил-то со добра коня,

А вязал-то коня да среди двора,
Среди двора к дубову столбу да к золоту
кольцу;

Как заходит на крылечико косисчато,
Со красна крыльца в полаты княженецкия;
А он крест-от кладёт да по-писаному,
А поклон-эт ведёт да по-учёному,
А как бьёт челом-ту князю во рученьку
во правую:

«Уж ты здравствуй, князь Владимир
стольне-киевской».

«Уж ты здравствуй-ко, дородней доброї
молодец!»

И не знаю твоего не имени, не отчины —
Величить тебя по имени, называть по
отчеству».

А князям, боярам всё — во левую.

«Уж ты гой еси, дородней доброй
молодец!»

Ты садись-ко за ти столы окольния,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за разноличиния».

А как сел-то Илеюшка за столы за
белодубовы.

Как от-пир идёт навёсели,
Красно-то солнцё идёт на ёсени,
А как красно-то солнцё идёт ко западу,
Ко западу идёт, ко закату;
А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны,
веселы,

Пьяны, веселы сидят, хвастают:

А как всё богатой-от хвастат золотої
казной.

Иной-от хвастат широким двором,
Как иной-от хвастает добрым конём,
Сильн-ёт хвастат своей силою,
Умной-от-то хвастат родным батюшкой,
А разумной-от хвастат родной матушкой,
А неразумной-от ведь хвастает родной
сестрой,

А как глупой-от хвастат молодой женой.
Как Владимир-от по гридни-то похаживат.
А белыма-ти ручками розмахиват,
А желтыма-ти кудрями принатряхиват.
А как сам он говорил да таковы слова:
«Уж у́ мя вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ише вси у мя на честном хвастают;
А как приезжай-от гость сидит, нечѣм не
хвастает.

Уж ты что жо, дороднѣй молодѣцъ, нечѣм
не хвастаёшь?» —

«А как чим-то я буду всё ведь хвастати?
Иные тим рази ведь я похвастаю, —
Промежду заутреней, обедней воскресен-
ския

Хотел-то я приехать из города из Муром, Из села-то приехать Карачеева.

А как ехал тут-то я путем-дорогою,
А стоит под городом Черный-городом сила
 великая,

А великая сила, немалая;
Я тут побил ту силушку великую;
А приехал я ко городу Черни-городу
А спросить у мужиков города Черни-
города,

А спросить про дорожку прямоезжую.

Не слышал я ёго свистотку соловьиного.
А не слышал-то я рёву звериного,
А не слышал-та я да шипотку змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьюшко

Рохманьёва,

А заставь его свистеть-реветь да
по-звериному,

Шипеть ёго да по-змеиному».

Пошли они да на краснó крыльцё;

Выходили тут бояра кособрюхия

А смотреть, слушать рёву соловьиного-
змеиного.

А как говорит-то старьй казак да Илья
Муромец:

«Уж ты гой еси, Соловьюшко Рохманович.

Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,

А реви-тко-се пол-рёву ты звериного,

Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё
змеиного».

А не послушал он да Ильи Муромца,

Засвистел-то он во весь свист-от
соловьиныя,

Заревел во весь-то рёв звериныя,

Как зашипел он во весь-то шипоток
змеиныя.

Ише мать сыра земля да потрясаласе,

Полаты княженецки зашаталасе,

А как у князя резвы ножки подломилисe,

Буйна голова с плеч да подкатиласе.

Захватил князя Илья Муромец во праву
руку к себе под пазуху,

А княгиню захватил под руку-ту всё под
левую;

А как дѣржит-то их в охапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь
замертво.

А как закрывал старѣй да зычным
голосом:
«Уж ты гой еси, вор-розбойник Соловей
Рохманьѣвич!

Тебе полно реветь да по-звериному,
Перестань свистеть по-соловьинному,
Перестань шипеть да по-змеинному».
А как тут бояринка поверли, забоелисе.
А как соходила старѣй со красна крыльца,
А отковывал от стремена булатныя,
А отсек Соловьишку-ту буйну голову.
А как Соловьишку у князя на двори да
смерть кончалася.

БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

А во далече, далече во чистом поле
Там ведь стоял-то шатёр белой полёт-
няной;

Да во том во шатру новом полётняном
Было жило пять могучих богатырей:
Что первой-от богатырь Ванюшко,
боярской сын,
Да второй-от Ванька, егеральской сын,
Да третей-от Олёшенька, поповской сын,
Да четвёртой Добрынюшка Никитич млад,
Иише пятой-от — старая старыньшина,
Иише старая старыньшина Илья Муромед,

Илья Муромед был, да свет-Ивановиц.
Пробужайтсе Илья да от крепкого сна;
Он свежой водой ключевой умывается,
Тонким белым полотенцем утирайтсе,
Он ведь молитсе всё спасу пречистому
Да царице небесной богородице;
Еи выходит на широкую светлую улицу,
Он берёт свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на четыре во вси
стороны:

Что во далече, далече во чистом поле,
Там ведь ездит богатырь по чисту полю,

Ишше ездит по чисту полю, полякуёт;
Он ведь мечёт всё палицу тяжелую,
Он ведь мечёт-то палицу сорока пудов,
Он берёт-то одной рукой, с коня нейдёт,
Не'становит он своего коня доброго;
На кони-то сидит будто сильней бугор.
Ишше тут-то Илья Муромец при-

ужахнулся,
Приужахнулся, со страху прирздумался:
«Мне кого бы послать-то во чисто полё.
Во чисто полё послать мне, попроведати?
Мне послать ведь разве Ванюшу бояр-
ского, —

Не простых-то родо́в, — роду боярского,
Утеряёт в чистом поле буйну голову.
Мне послать ведь разве Ваньку
иниральского, —

Ениральцького роду пришел, нежного;
Утерает-то в чистом поле буйну голову;
да послать разве Олёшеньку Поповица;
Он ведь роду как всё поповского, —
Потеряет в чистом поле буйну голову;
Мне послать разве всё брателка кресто-
вого

Как того ли Добрынюшку Никитича».
Услыхает Добрынюшка таковы речи;
Он ведь скоро выходит из белá шатра,
Он ведь скоро седлат-то своего коня
добрého,
Он седлат, всё убират коня богатырского;
Он двенадцать шолко́вых упругинок
застёгиват;

Ише сам он коню да приговариват:

«Уж ты шок всё не рвись, да ты убор не
гнись!»

Но не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырский.
Как поехал Добрынюшка во чисто поле.
Не наехал богатыря в чистом поле;
Он поехал Добрынюшка поближе ко синю
морю

И увидал богатыря всё пресильнѣго;
Он скрычал ведь, богатырь,¹ во всю
голову:

«Ты стой-ко, богатырь, сам ты мне
скажись,
Ты скажись-ко мне, богатырь ты
могучей жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как
съедемсе».

Как услышал богатырь такую похвалбу,
Поворачиват своего коня доброго;
Как зарыснула² у коничка права нога, —
Мать сына-та земля да потрясалася,
Ине синѣе море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливалася.
Иине тут ведь Добрынюшка испугантсе;
Подломилсь у Добрынюшки ножки
резвья,

Припунали у Добрынюшки ручки белыя,
Приудрогло у Добрынюшки ретиво сердце,
Номутились у его-то очи ясныя,
Прокатились у его жо горячи слёзы:

¹ Вместо «богатырю». *Примеч. собир.*

² Задела за землю, за корешок ли. *Примеч. исполн.*

«Уж я сколько по чисту полю не езжи-
вал, —

Уж я адахого богатыря не видывал.
Поворачивал Добрынюшка добра коня
Ко своёму-ту он да ко белу шатру,
Ён поехал-то всё прочь ко белу шатру.
Как стречат-то старышнина Илья
Муромец:

Недосуг Ильи коня учасывать-утлаживать,
Недосуг ему двенадцать шолоковых
опружнинок застёгивать;
Ишо сам говорит да таковы речи:
Ишо мне-ка во чистом поле смерть не
писана;

Я поеду с богатырем побратаюсь,
Я поеду с могучим поздороваясь».
Приезжает Илья да во чисто поле;
Он наехал богатыря в чистом поле;
А богатырь-то ездит, забавлянтсе,
Он как детекима-боярским забавами;
Ишо сам-то он налице приговариват:
«Приклоню-ту свою налицу тяжелую,
Приклоню-ту я тебя прямо на краёи
Киев-град.

Как на матушку тебя, да камешу Москву».
Ишо те слова ведь старой ведь старыш-
нины

За беду-ту ёму стали за великую,
Приезжает к богатырю близёхонько,
Он ударил свсей-то ведь налицей тяжелою,
Он ударил богатырю по буйной головы.
Как богатырь-то си-ит, сидит не думает,
Он не думает сидит-то, сам не обернитсе

Не обёрнитсе сидит, да не зглѣнѣт же.
Иише тут ведь Илья да призадумалсе:
«Разве силушка у мя уж не попрержному,
Не попрержному сила, не по-старому?»
Он отъехал всё за вѣрсту за мерную,
Он нашел в поли горючей серой каменок,
Он ударил по камешку палицей тяжелою; —
Разлетелся-то камень на мелкіі куски.
Подъезжат опять к богатырю во второй
након,
Он ударил его по буйной головы;
Ай богатырь-то сидит, всё не думает.
Ише тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй
након, —
Разлетелся ведь каменок в мелкіі куски.
Приезжает к богатырю во третей након.
Он ударил-то палицей по буйной головы;
Да тогда-то богатырь усмехнулся-то;
Тут не лютое зелье разгорелосе,
Богатырско-то сердце роскишелосе;
Говорит-то Илья Муромец таковы слова:
«Уж ты гой еси, богатырь ты могучей же!
Уж мы съедемсе с тобой разве, ударимсе». —
Они съехали с им да всё ударились;
Востры сабельки у их да поломалисе,
Востры копында у их всё потупилисе
Всё от ихних же лат да богатырских;
Иише стали они да рукопашкою;
Иише мастёр Илья-то да был боротисе;
Модкорючил богатыря правой ножочкой;
Ише пал-то богатырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.

А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменнѣ
Москву

Отыскать тебя, старого, седатого;
Но дошод, она велела, всё низко кланяться,
Называть тебя велела всё рѣдным
батюшкой;

Да дала она перстень на правѣ руку.
Как увидел-то старая стариньина,
Он ведь свой ведь увидел всё именной
перстень,

Он со той-ли со 'ставочкой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за правѣ руку,
Целовал он его в уста сахарныя:
«Как моё ты, моё чадо милоё,
Чадо милоё моё ты, всё любимое,
Ты ведь младенькой мой всё
Подсокольничок!»

Целовал он в уста-то его в сахарныя,
Он ведь стал-то ёму скоро рѣсказывать:
«Я ведь был-то ходил-то да по синю морю;
Замѣтало-то меня погодушкой великою;
Я тогда подарил перстень твоей рѣдной
матушке:

«Какого ты родишь, да тому отдай:
Хошь ты сына родишь, бывает, ясна
сокола,
Хошь ты дочку родишь, ты красну
девицу».

А пѣехали они тогда во белѣй шатѣр;
Как на радости пили да трои суточки.
Подсокольничок-то ведь на ёго зло думает,
Зло-то думает он, чтобы зло бы сделать:

«Не послушаю я матушки наказанья да, —
 Ухожу я своего-то родна батюшка!»
 Как ведь тут же Илья всё как заснул же,
 Как крепким-то сном заснул богатыр-
 ским же;
 Иише взял Подсоколыничок-от востро
 конё,
 Как направил ёму всё в ретиво сердце;
 Сохранил ёго господь-от, всё помиловал;
 Розлетелось конё-то Ильи-то в белы груди;
 Ише был-то у ёго на шен навешан золотой
 же крест,
 Золотой-от ведь крест был во вси груди;
 Он ведь тем же крестом от смерти всё
 избавился.
 Он ведь взял Подсоколыничка за жолты
 кудри,
 Он бросал-то его-то ведь высоко же,
 Он ведь вышю ёго-то лесу стоячёго.
 Он пониже всё облака ходёчого;
 Он ведь тут-то его же не убил вовсе;
 Привязал он к своему¹ к добру коню;
 «Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь
 добрал,
 Увези Подсоколыничка во своё место,
 Чтобы не ездил к нам больше во чисто
 полё.
 Во чисто к нам полё, чтобы в красён
 Киев-град;
 Не допушу ёго до матушки славной
 каменной Москвы».

¹ То есть к его коню, Подсоколыничка.

Побежал-поступал-то тут ведь доброй
конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Еи крычал-то скоро ведь да зычным
голосом:
«Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родимая моя, матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисчато окошечко,
Посмотри-тко на своёго чада милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко
кланеться;
Ише стар-от ведь надо мпой как
надругалсе-то:
Привязал-то меня взял ко добру коню;
Розвяжи ты меня, маменька, скорё-
шенько».
Розвязала она его скорёшенько,
Ише стала сама про то высирашивать:
«Уж ты было ли, чадышко, на святой
Руси?»
Он ведь взял своё-то всё востро копьё,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь
в белу грудь;
Ише тут ведь она-то скоро предста-
вилась.
Ише сам-то собака похваляйтсе:
«Уходил-то теперече родну матушку;
Как теперече мне будёт воля вольная.
Законою ту все я русския чёрны карабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многих
людей;
Разышу-то тогда жа Илью Муромца,
Отсеку я по плёд ему буйну голову».

Как пришло-то об одну пору, прикатилосе,
Уже и сотня чернёных-то пришло кáраб-
лей;

Захватил-то он, вси-то зáбрал-то,
Заполонил он народу всего да право-
славного.

Как приходят ёрлычки скоро скоро-
письчаты,

Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Что во матушку приходят в камениу
Москву:

«Захватил-то Подсокольничок чёрны
кáрабли,

Заполонил-то Подсокольничок людей
добрых.

Да матросичков он да всих карабель-
ничков»

Как недолго тут Илья, немного он
роздумыват,

Он скорёхонько-скоро да собирайтсе;
Он ведь скоро поехал тут к Подсо-

кольничку,
Он прибил всех со старого до малого,

Он отсек у Подсокольничка буйну
голову,

Пригонил вси чернёны-ти свои кáрабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру...

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Приезжал Идолище поганое в стольно-
Киев град,
Со грозою, со страхом со великим,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру
И говорил посланник таковы слова:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой
великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться».
Тут Владимир князь ужаснулся,
Приужаснулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
Поеду я в раздольище чисто поле
И убью-то я Идолища поганого».
Обуя Илья лапотники шелковые,
Подсушок одел он черна бархата,

На головушку надел шляпку земли
греческой,

И пошел он к Идолищу ко поганому.

И сделал он ошибочку не малую:

Не взял с собой палицы булатная,

И не взял он с собой сабли вострыя.

Идет-то дорожкой — пораздумался:

«Хоть иду-то я к Идолищу поганому,

Ежели будет не пора мне-ка не вре-

мячко,

И с чим мне с Идолищем будет попра-

виться».

На ту пору, на то времячко

Идет ему встречу каличище Иваннище,

Несет в руках клюху девяноста пуд:

Говорил ему Илья таковы слова:

«Ай же ты, каличище Иваннище!

Уступи-тко мне клюхи на времячко,

Сходить мне к Идолищу к поганому».

Не дает ему каличище Иваннище,

Не дает ему клюхи своей богатырской.

Говорил ему Илья таковы слова:

«Ай же ты, каличище Иваннище!

Сделаем мы бой рукопашный:

Мне на бою ведь смерть не написана, —

И тебя убью, мне клюха и достанется».

Рассердился каличище Иваннище,

Здынул эту клюху выше головы,

Спустил он клюху во сыру землю.

Пошел каличище — заворыдал.

Илья Муромец едва достал клюху из

сырой земли,

И пришел он во палату белокаменную

Ко этому Идолищу поганому,
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
«Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас богатырь Илья Муромец?»

Говорит ему Илья таковы слова:
«Толь велик Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?»

Говорит Илья таковы слова:
«По стольку ест Илья, как и я,
По стольку пьет Илья, как и я».

Говорит ему Идолище поганое:
«Экой ваш богатырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю».
Говорил ему Илья таковы слова:
«У нашего Илья Муромца батюшка был
крестьянин

У его была корова одучая:
Она много пила-ела и доинула».
Это Идолищу не слюбилось.
Схватил свое кинжалище булатнее,
И махнул он в калику перехожую
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромец в сторо
нушку малешенько,
Пролетел его мимо-то булатный нож,
Пролетел он на военную сторону с про
стеночком.

У Ильи Муромца разгорелось сердце
богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли
греческой
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы.
Тут ему Идолищу славу поют.

ИЛЬЯ В ССОРЕ С ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнѣ-Киевской
Ай сделал как задѣрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русских,
Чтобы всяко званнѣ да шло туды,
А на тот, на тот да на почестный пир,
А к стольнѣму князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богатыря,
А старого казѣка Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу
пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть.
И тут-то Илья да роззодорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой тѣгой лук,
А кзал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
«А что мне молодцу будѣ поделати?
А я нынѣ молодец е розгневанной,
А я нынѣ молодец есть раздраженной».
Как он-то за тым тут повѣдумал,
А стрѣли-то он тут по божьим церквам,
А по тым стрѣли по чудным крестам,

**Трофим Григорьевич Рябинин, заонежский
сказитель второй половины XIX в.**

А по тым маковкам золоченым.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру землю,
Да сам он закрывал тут во всю голову:
«Да ай же вы были голи мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси.
А обирайте маковки вси золоченыи.
А подѣмте-ко вы да со мной еще,
А тот-то на тот да на царѣв кабак,
Как станем нунь пить да зеленá вина,
Да станем-то пить да заодно́ со мной».
Да как тут-то эты да голи были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,
Обирали маковки тыи золоченыи,
Самы оны к ёму да прибегают все:
«А батюшко ты да отец наш был!»
А пили тут оны да зелепó випо,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-та пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скорым-скоро,
А скорым скорó, скорó скорёшенько,
А сделал он задернул тут почётный шир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнѣ-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
«А думайтѣ-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайтѣ-тко, братцы, думу крепкую.

А думайте думу, не продумайте:
А нам кого будёт послать да Илью по-
звать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казѣка Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью по-
звать?»
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовый,
А крестовый-то братец да названный,
Дак он-то, бывает, его послушает».
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здоровствует он братца да крестового:
«А здоровствуй-ко, братец мой крестовый,
А крестовый братец мой названный!»
Да как старын-казак Илья Муромец,
Да как он-то его да также здоровствует:
«Ай здоровствуй-ко, брат мой крестовый,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?»
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о маломе.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были пописанный,
А заповеди да поположонный,
А слушать-то брату да меньшому,
А меньшому слушать брата большого.
Да еще-то как у нас да есте с тобой,
А слушать-то брату ведь большому,

А ѿ большому слушать брата меньшого.
Да тут говорит Илья таково слово:
«Ах ты, братец да мой да был крестовый!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то по́ниси да были ведь попи́саны,
А заповеди были понолѡжены,
А слушать-то брату ведь меньшому,
А меньшому слушать да большого,
А большому слушать брата меньшого.
Кабы не братец ты крестовый был,
А не́кого бы я не послушал zde!
Дак послушаю я брата нунь крестового,
А крестового брата я названого.
А тот ли-то князь стольнѣ-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя братец же послушаю».
Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старын казак да Илья Муромец,
А со тым с Добрынюшкой с Микитичем.
А со братом со своим до со крестовым.
А дают ему тут место не меньшое,
А не меньшое место было — большое,
А сядят-то их во большѡй угол,
А во большѡй угол да за большѡй-от стол.
Да как налили тут чару зеленѧ вина,
А несли эту чару рядом к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой.
А вынул он чару во единый здох.
А другѡу наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядом к ему,

А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали мёду сладкого,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелиси, нанились вси, накушались,
Да стали тут оны да вси пьянёшеньки,
А стали тут оны вси веселёшеньки,
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
А послал-то брата ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послушал zde,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в gridню во столовую,
А я убил бы ты князя со княгиною.
За это я тебе-то нуль прощу
А эту вищу да ту великую».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛЫ КАБАЧКИЕ

Во славном во Киеве городе,
Были сильныи славные богатырь Илья
Муромец.

Он ездил далече далече во чистом поли,
Он ездил много времени.

Цветно платье его истаскалосе,
Золота казна у его издержаласе.

Приезжаё во Киев град,
Захотел он с пути-дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,

Говорит чумакам целовальникам:
«Ай вы, братцы чумаки целовальники!

Я ездил долго в чистом поли,
Цветно платье у меня истаскалосе,

Золотая казна у меня издержаласе,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,

Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые

Зелена вина безденежно».

Говорят чумаки целовальники:

«А й ты, старая собака, седатый пёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина».

Да не много-то Илья у их спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.

Приходил он ко подвалу кабачному,

Он пинал правой ногой двери подвальных,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую,
Третью бочку он ногой катил.
Выходил Илья да на зеленый луг,
Закрывал оп во всю голову человеческую,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
«Ай вы, братцы мои пьяницы,
Да вы, голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у меня зелена вина добьяна,
Да вы молитесь бога за старого».

Да собирались пьяницы голи кабацкие.
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки целовальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу
 соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лужечку зеленому,
Он ко шубы приговаривал:
«Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне бог волочить собаку царя
 Галина¹,
Да по этому лужечку зеленому,
А ему от моих больших рук плакати».

Услыхали эти речи чумаки целовальники,
Приходили ко князю Владимиру,

¹ Вместо Калина.

Они били челом, низко кланялись.
«Да уж ты наш свет государь-де Влади-
мир князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо
сотворилось,

Да не знаем, кто пришел:
А чорт ли пришел, али водяной пришел
К нам на царев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ёму вина не дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не горазно с нами разговаривал,
Шел ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальные правой
ногой,
Браз он бочку сороковую под пазуху,
А другую браз бочку под другую,
Да третьюю бочку ногой катил.
Да й выходил он сударь на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,
Во всю головку человеческу,
Во всю силу свою богатырскую:
«А й вы, братцы мои, вы, товарищи,
Пьяницы голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы покажите ко мне на зеленой луг,
Да вы пейте у меня зелена вина без-
денежно».
Приходили тут пьяницы голи кабацкие,
На зеленой луг,
Роспойл оно вино им безденежно.
Да скинал с себя шубу соболиную,

Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да и волочил по лужечку зеленому,
Да он ко шубы приговаривал:
«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да судит ли мне бог волочить собаку
князя Владимира,

Да по этому лугу зеленому». —
Да нам нечем, сударь, Владимир князь,
Нечем буде за вино расчет держать».
Вскричал князь Владимир стольнѣ-Киевской
Своим громким голосом:

«Посадить его в погреб глубокие,
В глубокий погреб да сорока сажень.
Не дать ему не пить, не есть да ровно
сорок дней,

Да пусть он помрёт собака и с голоду».
Как узнала про это честная вдовица
княгиня Апраксия,

Что посажен Илья Муромец да во глубок
погреб,

Она сделала подкопъ ту тайную,
Да во тот ли погребъ глубокие,
Кормила-поила Илью равно сорок дней.
Да прошелъ тутъ слухъ по всемъ землямъ, по
всемъ ордамъ,

Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Кieve во городе
Славного богатыря Ильи Муромца.

Из той земли из Корельские
Подходил тут под Киев град
Собака Галин дарь,
Со своей силой армией.

Да и не много не мало было силы нагонево,

Да колько было в лиси¹ лесу стоячего,
Да и на лесочку-то прутья весучего,
А на прутьях листочку зеленого.
Он нишѣ во Киев град ко князю Владимиру,
Да ли пишѣ к ѣму со угрозами:
«А и ты, князь Владимир стольний-Киевской!
Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град,
Без бою-то драки великие,
А если добром не дашь Киева,
То я возьму его силою,
И князей-бояр твоих всех повырублю,
Да и княгини-боярыней живых в полон
возьму,

А тебя князя Владимира
Предам смерти скорые».
Тех-то угроз Владимир князь испугается,
Об Ильи Муромце схватается.
«Как бы был у мня жив несудимый
богатырь Илья Муромец,
Да я не слышал бы я этой угрозы
великие».

Да приходит честная вдовица княгиня
Апраксия

Ко князю Владимиру.
Она бьет челом да и поклоняется:
«Да уж ты, свет государь, наш Владимир
князь.

Да ты прости меня, я виновата есть:
Да жив-то Илья да ведь Муромец,
Он сидит во тѣмном во погребе,
Я сделала подкоп тут тайную

¹ в лесе.

Да во тот ли во погреб глубокие,
Я поила-кормила его сорок дней.
Да говорит ей Владимир князь:
«А ѿ же ты, честная вдова, княгиня
Апраксия!
Если правду говоришь, до любви буду
жаловать,
А если нет жива, буду казнить твою
голову».
Приходил князь во погреб глубокие,
Тот погреб сорока сажень.
Он приходит к Ильи, поклоняется,
Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:
«Ты прости, сударь Ильюшенка, во первой
вины,
Этому делу были виновны целовальники».
Да приходит во погреб честная вдова
княгиня Апраксия,
Да приходит Ильи поклоняется:
«А ѿ же ты, сильный богатырь Илья
Муромец!
Послужи ты за веру христианскую,
Да и за землю российскую,
Да за славный за Киев град,
За вдов, за сирот, за бедных людей,
За меня, молодую княгиню Апраксию,
За князя за стольного Владимира».
Говорит тут Илья-де Муромец:
«А ѿ же ты честная княгиня вдовица
Апраксия!
Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую.
Да и за стольные Киев-град,

За вдов, за сирот, за бедных людей
И за тебя молодую княгиню Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира,
Да не вышел бы я вон из погреба».
Выходил-то Илья из погреба глубокого,
Он седлал-уздад своего коня доброго,
Он садился на добра коня,
Брал он в руки шалыгу железную,
Да железню шалыгу дорожную,
Да котора была весу ровно сто пудов.
Да поехал он во чисто полё,
Где стояла сила собаки царя Галина.
Только увидели молодца на коня ведь
саждаючи,
Да не увидели, куда его поедучи.
Он как взял этой шалыгой помахивать,
Да и по татарам пощалкивать,
Дак куда ли махнё — улица падё,
А назад отмахнё — переулицы,
Да исприбил он всех до единого.
Приезжал ко шатру-де он царскому,
Да он берёт-де в полон самого царя Галина,
Предал его смерти скорые.
Да тем решилося царство татарское,
Покорилась земля-де Корельская
Да стольнёму князю Владимиру,
Да стази татарове
С той поры дань платить,
И тем это дело прикончилось.

А еще того поглубже до белых грудей;
Становилась ко камешку ко серому,
Она клала-то книгу на сер-горюч камень,
А стояла она да от зари до зари,
А читала она книгу от доски до доски,
Она сколько читала, вдвое плакала. —
«Ох, вы, глушьи туры, да дети малыи!
Ох, вы, глушьи туры да неразумныи!
Не девица выходила да млада-красная,
Пресвята госпожа мати-богородица.
Она чует над городом незгодушку,
Она чует над Киевом великую:
Кабы Скурла-де царь до подымается,
Скурлыта-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племянником со Киршаком;
Объявил он, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорок тысячей,
По праву руку, собаки, сорок тысячей,
По леву руку, собаки, сорок тысячей,
Позади его, собаки, да числа смету нет.
Выезжал он, собака, на чисто поле,
Хорошо он, собака, да шатры выстроил.
Баско-хорошо, собака, да верхи выкра-
сил,
Во шатры-де, собака, да столы выставил,
Он писал-де ерлык да скору грамотку,
Выбирал он тотарина самолучшего,
Кой получше, побольше, попроворнее всех,
Кабы сам он тотарину наговариват:
«Ты посдь-ко, удалой доброй молодец,
Через заставы едь да каравульныя,

Через стены ты едь да городовая,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придвер-
ников,

Станови ты коня да середь улицы,
Не приказана коня, да не привязана,
Заходи ты ко князю ко Владимиру,
Заходи ты во гриню во столовую,
Ты положь-ко ерлык да на дубовой стол,
Ты положь-ко ерлык, да скоро вон поди».
Как увидел-то солнышко Владимир-князь,
Он увидел ерлык да скору-грамотку,
Говорит-то тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой есь Добрынюшка Никитич сын!
Ты читай-ко ерлык да скору-грамотку».
Как читат-бы Добрынька усмехается:
«Как дают город добром, дак я добром
возьму;
Не дают город добром, дак я боём возьму,
Как боём-де возьму, да кровозитьичом,
Самого-то князя я под меч склоню,
Как Опраксию княгиню да за себя возьму,
Как соборны ихны церкви все на дым
спущу».

Кабы это-де князю да за беду стало,
За досаду показалось за великую,
Кабы стал-то тут солнышко снаряжатисс,
Кабы куню-ту шубу на одно плечо,
А пухов-де колпак да на одно ухо,
Он пошел по городу по Кневу,
Кабы встречу ему большая подсушина:
«Уж ты здравствуй-де, бо́льшая под-
сушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Влади-
мер-князь!

Уж ты что-же идёшь да не по-старому?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясные».

«Ох ты ой еси, бо́льшая подсушина!
Как есь у меня над городом незгодушка,
Кабы есь у меня над Киевом великая,
Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —
«Уж ты, батюшко, солнышко Владимир-
князь!

Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».

А оттоль-де-ка солнышко вперёд пошел.
Кабы встречу ему средня подсушина:

«Ужты здравствуй-ко средня подсушина!» —
«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимир-
князь!

Уж ты что-же идёшь да не по-старому?
Повеся да дёржишь буйну голову,

Потопя-де дёржишь да очи ясные?» —
«Ох ты ой есь, средняя подсушина!

Кабы есть у мня над городом незгодушка!
Кабы есть у мня над Киевом великая,
Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —
«Уж ты, солнышко, батюшко, Владимир-
князь!

Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».

А оттуль-де-ка солнышко вперед пошел.
Кабы встречу ему меньшая подсушина:

«Уж ты здравствуй ты, меньшая под-
сушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Влади-
мер-князь!

Уж ты что-же идёшь не по-старому?

Повеса ты идёшь да буйну голову,

Потопя ты идёшь да очи ясныя». —

«Ох ты ой еси, меньшая подсушница!

Кабы есть у мня над городом незгодушка,

Кабы есть у мня над Киевом великая,

Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —

«Ох ты, солнышко, батюшко, Владимир-
князь.

Ты поди-ко по городу по Киеву,

На царевы ты зайди да больши кабаки,

На кружала ты зайди да на восударевы;

Как на той-же на печке на муравленке,

Тут лежит-де удалой доброй молодец;

Не креста у его нету, не пояса,

Не рубашечки нет на ём полотняной,

Под одной он лежит да рогозиною,

Кабы всё на вине у ёго пропито,

Во царевом кабаки да всё заложено,

Он и спит нынче тут да трои суточки».

Как оттуль-де-ка солнышко вперед пошел

Он идёт-то по городу по Киеву,

Он заходит на царевы да больши кабаки,

На кружала заходит восударевы,

Он и смотрит на печку да на муравленку

Он увидел удала да добра-молодца:

«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,

Молодой ты, Василий, сын Игнатъевич!

Тебе полно-ле спать да нынь пора ставать

От великого хмелю да просыпаться,

Уж ставай ты, Василий, сын Игнатъевич,

Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменюю.
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы кличѣт-то солнышко во второй

након:

«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
Тебе полно-ли спать, да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися,
Уж ставай-ко, Василей сын Игнатъевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменюю.
Как на то-де Василей не ослышался,
Кабы кличѣт-то солнышко во третей закон:

«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатъевич!
Тебе полно-ле спать, да понь пора ставать,
От великого хмелю да просынатися,
Ты ставай-ко, Василей сын Игнатъевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменюю.
А топерѣ Василей разбужаитсе,
От великого хмелю просынаитсе,
Говорит-то Василей Игнатъевич:

«Уж я рад-бы служить, хоть голову
сложить,

Как болит-то моя буйна голова». Називает князь чару зелена вина,
Це большую, не малу в полтора ведра,
Кабы турей-де рог да мѣду сладкого,
На закуску колач да бел-круписчатой,
Подавает-то солнышко обема руки,
А берѣт бы Василей единой рукой,

Во царевом кабаки да всё заложено.
Как пошел тут солнышко Владимир-князь.
Он пошел к чумакам, да целовальникам:
«Ох вы ой есь, чумаки, да целовальники!
Отдавайте всё Васеньке безденежно.
Кабы отдали гзё Васеньке безденежно,
Кабы стал-то Василей снаряжатисе,
Кабы стал-то Василей сподоблетисе,
Как седлал он, уздал да коня доброго,
Как садился Василей да на добра коня,
Как тугой-от-де лук да принатсгивал,
Калену свою стрелку припаправлявал,
Кабы сам ко стрелы да приговаривал:
«Шлети-ко ты стрелочка калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячего,
Залети-ко ты стрелка во чисто поле,
Залети-ко Скурлы ты да глазом правым,
Уж ты выйди-ко стрелка ухом левым».
Как садился Василей на добра коня,
Погонил-де Василей во чисто полё,
Кабы сива-то грива да расстиляется,
Кабы хвост-де трубой да завивается,
Кабы из роту коня да пламя мечется,
Из ноздрей у коня да искры сыплются,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Пригонил-то Василей во чисто полё,
Как приехал он на заставу татарскую,
Выбирал он тотарина самолучшего,
Как получше, побольше, потолще всех,
А схватил он тотарина за резвы поги,
Кабы стал он тотарином помахивать,
На праву руку махнет дак цела улица,

На леву руку махнёт — с переулками:
«Хоть ты тонок на жилах — не сорвешься,
Хоть и сух на кости да не изломисься».
Он и всю тут силушку повыкрошил,
Он и добрым конем да всех повитоптал,
Как поехал он ко князю ко Владимиру,
Приезжат он ко князю ко Владимиру.
Как заходит во гриню да во столовую,
Как садит его Солнышко за дубовой стол,
Как поит-то его да зеленым вином,
Как поит-то его трои суточки.
Собирались все бояре толстобрюхие,
Собирались ко князю ко Владимиру,
Как по полу Солнышко похаживат,
Тихосмирную речь да выговариват:
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
А чего-ж тебе да нынче надобно?
Ты бери-ко города да с пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями».
Говорит-то Василей сын Игнатьевич:
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо села да со деревнями,
Ты дозвожь-ко-ся мне чего мне надобно:
Я куды-де пойду, да куды победу.
Мне-бы пити-де вино везде безденежно»
Говорят на то бояра толстобрюхие:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А тоцере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи:
«Уж ты, Солнышко, батюшка Владимир-
князь!
А еще-ле я вам Васенька понадобится?»

Говорят-то бояра во второй након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи:
«А еще-ле я вам Васенька понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во третей након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Как скочил-то Василей на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровыи,
Он убил всех бояр да толстобрюхих.

СУХМАТИЙ (СУХ МАН)

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимира,
Тут ведь было у его собран почесен пир,
А почесён-от пир всё на весь-от мир,
На князьей-то было, всё на бояров,
На сильных, могучих богатырей.
Иные все на пиру да напивались,
Иные вси на чесном да паедались;
На пиру-ту вси сидят да они хвастают:
Иные глупой-от хвастат молодой женой,
А разумной-от хвастат родным батюш-
ком,
Разумной-от хвастат родной матушкой.
Ай Владимир-от ведь по цокатушкам
похаживат,
Иные сам он говорит да таковы слова,
Говорит своим могучим всем богатырям:
«Ише что у мня богатыри сидят, не
хвастают?
Я спрошу же у тебя, да доброй молодец,
Уж ты русской сильней всё богатырь мой
Ише тот-ли Сухматий-свет Сухматьевич:
Ты не пьёшь-то у меня, сидишь не
хвастаёшь?»
Говорит-то Сухматий-свет Сухматьевич:

«Уж ты гой еси ты, красно наше сол-
 нышко,
 Ишо тот-ли ты князь да всё Владимир-
 свет!
 Я ведь тѣм разве тебе теперь похвастаю,
 Что привезу я тебе лебёдушку всё из
 чиста поля,
 Я нерапену тебе, всё некровавлёну,
 Привезу тебе лебёдушку живу в руках». —
 «Уж ты гой еси, Сухматий свет Сухматьё-
 вич!
 Привези мне-ка лебёдушку-ту завтра ты
 по ўтру мне-ка раннему.
 Он отходит тут скоро почесён пир;
 Ишо вси-ти с пиру скоро расходятся.
 Тут выходит-то дородней доброй молодец
 Что по имени Сухматий свет Сухматьё-
 вич,
 Он выходит тут из-за столов-то бело-
 дубовых,
 Из-за тех-ли из-за скатертей шолкóвых,
 Он ведь бьёт-то чёлом, кланяется князю
 со княгиною,
 Что со той-ли с Опраксеей с короле-
 вичной;
 Он скорёшенько седлат своего коня
 доброго,
 Он берёт-то всё ведь саблю свою вострую;
 Поезжает во чистое поле доброй молодец,
 Из чиста поля на тихи всё на заводи.
 Он не мог найти лебёдушки да не одной
 негде,
 Не найти их-то да он не на заводах,

Не на матушке не он на Почай-реки.

Приехал дородней доброй молодец:

«Эко горюшко мне теперь да добру
молодцу!

Не поеду я во красен теперь в Киев-град,

И поеду, съезжу я теперь всё ко Непрё-
реки».

Присажает, свет, он ко Непрё-реки:

А водь Непрё-то-река течёт всё пому-
тилася;

Проговорила она всё с им языком
человеческим:

«Уж ты гой еси, дородней доброй моло-
дец,

Уж ты сильней богатырь со святой Руси,

Ты по имени Сухматий свет Сухматьевич!

Не гляди-тко на меня, на матушку Непрё-
реку;

Поглядишь ты на меня, да ты не бойсе
всё;

Я ведь, матушка река, из силушки по-
вышла всё:

Там стоят-то за мной, за матушкой Непрё-
рекой,

Стоит-то татаровей поганых десять
тысячей;

Как поу́тру-ту они да всё мосты мостят,

Всё мосты́ они мостят, мосты́ ка́менные:

Они утром-то мостят — я ночью всё у их
повырою;

Помутилася я, матушка Непрё-река,

Помутилася-то всё да я изби́лася».

Тут поехал-то дородней доброй молодец,

Он за матушку поехал за Непрѣ-реку
По тому-то всё по мосту по калинову;
Он ведь стал-то тотар да побивать да всё
поезживать,
Он конём их стал топтать да всё на саблю
востру брать.
Как один-от был идолино поганое.
Он стрелял-то всё в дородня добра
молодца
А в того-ли то в Сухматия Сухматьевича;
Он направил свою всё калену стрелу,
Он прострѣли у его да все как правой
бок;
Ише вышла пуля-та всё в левой бок.
Тут ведь спал-то со добра коня дородней
доброй молодець
Ише тот-ли Сухматий-свет Сухматьевич;
Он ведь взял-то травы да всё сорвал
лишков,
Он обкладывал листьями всё раны свои
крававые;
Он с того-то всё ише с горя великого,
Он выдѣргивал лесину из сырой земли,
Он как стал-то лесиночкой посвистывать,
Он ведь стал-то дубиночкой помахивать;
Он прибил-то ведь поганных всех тотар-то
тут,
Не оставил он ведь силы всё на семена.
Да восталось дубиночки-то всё один
обломочек;
Тут ведь скоро он сажалсе на добра коня;
Приезжает ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Владимиру;

Ай выходит скоро князь ёго стречать всё
на широкой двор,
Говорит-то он ёму всё таковы речи:
«Ты привёз ли мне, дороднёй доброй моло-

дцу
А по имени Сухматий свет Сухматьёвич,
Ты привёз ли мне лебёдочку перанену,
Ты перанену лебёдочку, всё некровавлену,
Ты живёу-то мне в руках хотел привезти
да всё немертвую?»

Говорит-то Сухматий свет Сухматьёвич:
«Мне-ка было, моё ты красно солнышко,
Мне ведь было всё ведь тут не до лебё-
душки:

Подошла-то тут силушка татарская,
Ай у матушки стоит всё у Непрё-реки,
Ай стоёли татар всё десять тысячей,
Всё мостили мосты они казиновы;
Они утром-то мостят, да ночью выроёт
Ишше матушка-те всё-то уж Непре-река:
Вода-та всё в реки да помутилассе.

Я избил-то ведь тут поганных всех татар-то
их,

Не оставил я ведь их силы на сёмина».
Ай спроговорит ведь тут да нашо красно
солнышко,

Как Владимир всё, князь да стольне-
Киевской:

«Посадите-ко дородня добра молодца,
Ай во ту его во тёмницу во тёмную;
Ай пустым-то всё он хвастает, напрасным
тут».

Посадили-то в темницу добра молодца.

Посылат скоро Добрынюшку-ту всё ведь
 князь проведывать:
 «Уж ты съезди-ко, Добрынюшка Никитич
 млад,
 Съезди, съезди ты ко матушке к Непрё-
 реки,
 Розыщи-ко, рассмотри да силу битую».

А приехал Добрынюшка к Непрё-реки, —
 Намошоны тут мосты, мосты калиновы;
 Ай прибита все силушка тотарская;
 Да нашел-то Добрынёчка обломочёк,
 Всё обломочёк нашел этой дубиночки;
 Он привёз-то князю всё на посмотреньицо.
 Они свесили-то ету всё дубиночку, —
 Потянула дубина девяносто пуд.
 Говорил-то Владимир князь да стольиё-
 Киевской:

«Вы отмыкайте-тко подите скоро тёмну
 тёмницу;
 Уж я буду Сухматья-та Сухматьёвича,
 Я ведь буду-то его да теперь миловать,
 Буду миловать его да буду жаловать:
 Надарю я ёму города да всё с посёлками».

Отмыкали-то его да скоро тёмну тём-
 ницу,
 Выпускают-то дородня добра молодца,
 Нише сильнёго могучёго богатыря
 Да того-ли Сухматья свет Сухматьёвича.
 Говорят-то ему да всё рассказывают:
 «Уж ты гой еси, богатырь святорусския,
 Ты по имени Сухматий Сухматьёвич!
 Да ведь хочёт тебя князь Владимир, хочёт
 миловать,

Хочёт миловать тебя да хочёт жаловать,
Подарить-то хочёт город всё с посёлками
Говорит-то тут Сухматий свет Сухмать-
ёвич:

«Не умел меня Владимир-князь ведь
жаловать!

Я теперече поеду во чисто поле».
Он сядилсе тут скоро на добра коня,
Он поехал скоро во чисто поле;
Он приехал во чисто поле роскятисто.
Он отдернул-то листки от ран кровавых
всё,

Говорил-то ведь сам да таковы слова:
«Уж ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко-се из ран да всё Сухман-
река,
Что Сухман-то протеки-тко, река
быстрая,
Хоть у бедного дородня добра молодца,
Хоть у русского могучёго богатыря,
У того-ли у Сухматья свет Сухматьёвича!»
Протекала тут ведь Сухман, да речка
быстрая,

Выбегала у ёго всё кровь горячая.
Наказал инё своему коню доброму:
«Уж ты, конь, ты всё конь, моя да
лошадь добрая!

Ты не стой, не плачь у тела
богатырского,
Ты поди-ко-се, беги да куды хонь поди,
Во луга ступай-поди да во зелёныя,
Ты питайсе-ко всё травой шелкóвою,
Ходи пей-ко-се ключóву-ту свежú воду,

Что ис той-ли ты из матушки Сухмань-
реки».

Иные тут-то ведь Сухматью свет

Сухматьёвичу

Тут славы-ти всё поют, да он представилсе,

Он представилсе тут да всё прескончилсе;

Всё славы про то поюг, всё в старинах
скажут.

НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ

Как во славном граде, в стольне Киеве,
Ай у ласкова князя у Владимира
Начиналсе стол, почёсён пир.
Не от ветра палаты покачалисе,
Не от вихоря ворота открывалисе. —
Заходил в их Добрынюшка Микитич млад.
Как за им зашли князя всё, многи бóяра
Многи русскии могучии богатыри.
Вполсыте оне да пасадалисе,
Впопьяниé оне да напивалисе,
Оне вси на пиру да порасхвастались.
Уж как тот тем хвастаёт, новóй новым;
Ишше умной хвастат отцом матерью,
Ай безумной хвастат золотой казной.
Как Добрынька-ка хвастат молодой женой,
Молодой Настасьёй, дочерью Микуличной.
Оне вси на пиру да посмеянулисе,
Друг на друга на чёсном да оглянулисе, —
Промежу собой разговор ведут:
«Видно, нечем уж Добрынюшке похва-
стати, —
Дак уж хвастаёт Добрынька молодой женой
Молодой женой Настасьёй, дочерью
Микуличной!»
Не ясен сокол с тёмла гнезда солятывал,

Не белой кречет с тёпла гнезда сопар-
хивал, —

Соходил-ли тут да сам Владимир князь
Со своего места с княженецкого.

Он по гридне столовая похаживат,
Сам таки он речи поговариват:

«Уж как все-ти добры молодцы росхва-
стались;

Мне-ка нечем, князь-Владимеру, похва-
стати.

Как во далече, далече во чистом полі

Там лётат Невежа чёрным вороном,

Уж он пишет мне-ка со угрозою,

Уж он кличѣт-выкликаѣт поединника.

Мне кого послать с Невежой битьсе-
ратиться,

Очищать дороги прямоезжия,

Постоять на крепких заставах?»

Уж как большой-от туляitse за среднёго,

Илине среднёй-от хоронится за меньшого;

Ай от меньшого Владимир у ответу нет.

Из-за заднёго стола-га белодубова

Вышел первой богатырь наш граду
Киеву,

Илине старой казак да Илья Муромец.

С ним по гридне столовая похаживат,

Он такие речи поговариват:

«Я теперь недавно из дорожочки.

На заставах стоял целых двенадцать
лет,

Как Невежа, чёрной ворон, не казал мне
глаз.

Кабы видя я Невежу, чёрна ворона,

Пострелил бы я собаку из туга́ лука.
Нам послать было Добрынюшку Никитича
Он зашпыта будёт граду Киеву,
Оборона будёт нашої крепости».
Выпивал Добрынька чару зелёна́ вина,
Не большую пил, не малу — полтора ведра
Как покончили почесён пир, пошел с пиру
Он невесёл пошел и нерадосён.
Приходил в полаты в княжецкия,
Как не белая берёзка к земли клонитсо,
Не зелёныя листочки расстилаются, —
Припадат Добрыня к своей матушки:
«Уж ты вой ёси, матушка родимая,
Ты честна вдова Офимья Олександровна!
Ты почто меня несчастного спороди́ла,
Ай почто ты бесталанного отроди́ла.
Спороди́ла бы меня ты, рódна матушка,
Лучше маленьким катушим серым камеш-
ком,
Завернула бы меня да в полотёнышко,
Опустила в глубину, на дно-синё-морё.
Там лёжал бы я óт веку до́ веку;
Буйны ветры хоть меня да не завейли,
Добры люди про меня де не забаяли;
Дак не ездил бы я да по святой Руси,
Не губил бы я да християнцких душ,
Не слезил бы я да отцой, матерей.
Не вдовил бы я да жон молодых,
Не сирóтал бы я да малых детушок.
Ай тепере пать ехать во чисто полё,
На заставушках стоять целых двенадцать
лет».

Ай спроговорит Офимья Олёксандровна:

Закатайтсе ведь наше красно солнышко,
Ай заходит за горы за высокия:

Поезжат Добрынька с широка двора.

Ты скоси-тко на широкой двор скорё-
шенько,

Поспроси-ко у Добрыньки хорошихонько,

Он далёко ли едёт, куда путь держит,

Скоро ждать ли, дожидать да нам домой
велит,

Велит скоро ли в окошечко посматри-
вать?»

Как скочила Настасья дочь Микулична,

Выходила на широкий двор скорёхонько

В одной тоненькой рубашочки, без пояса.

В одних тоненьких чулочиках, без чёбо-
тов;

Забегаёт Добрыньки со белá лица,

Припадает к стремечку к булатному:

«Ай же ты, моя любимая державушка,

Молодой ты Добрынюшка Никитич блад!

Ты далёко ли едешь, куда путь дёржишь,

Скоро ждать ли дожидать да нам домой
велишь?»

Ай спроговорит Добрынюшка Никитич
блад:

«О же ты, моя любимая семеюшка,

Молода Настасья дочь Микулична!

Когда ты у меня, бедна, стала спрашивать,

Дак же я теперь начну тебе рассказывать:

Как пройдёт тому времени и три года,

Уж ты три года прождёшь да друга три
прожди;

Как Добрыня твой назад не изворотитсе,

Дак втогда тебе, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой сиди, да хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина;
Не ходи только за бабьёго надсмешника,
За судейного за перелетника,
Ай за смелого Олёшу за Поповича:
Как Олёша-та собака мне — названой брат;
Ай названой-от брат ведь паче родного».
Только видели Добрынюшку как седучись,
Не видали Добрыньки как поедучись.
Не дорогой он ехал, не воротамы, —
Черё' стену скачёт городовую,
Мимо башню машот наугольною,
Уж он с горушки на горушку поскакиват,
Уж он с холма на холм перепрядыват,
Вси он речки, озёра перескакиват,
Уж он мелкие роздоля промеж ног
спушшат,
Куды падали копыта лошадиныя,
Тут очудились колодецьки глубокия,
Уж как дёничек за дёничком как дождь
дождит,
Ай неделька за неделкой как трава
ростёт,
Иише годичек за годичком сокол летит.
Как прошло тому времени и три года,
Поскоре сказать, прошло и целых шесть
годов.
Приходил к им Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:
Ай убит лёжит Добрынька во чистом
поли,
Он головушкой лёжит да чрез рокитов куст,

Уж он резвыми ногами во ковыль-траву,
Руки, ноги у Добрыньки поразмётаны,
Уж как буйна-та головка поразломана,
Ясны очи выклёвали вороны.

С того начали к Настасьюшке похаживать,
Уж как начали Микулисю посватывать.
Ишше сватом-то ходит сам Владимир

князь,

Уж как свахой — Опраксия королевисня:
«Ай тебе ли жить, Настасья, молодой
вдовой,

Молодой твой век одной корótати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смелого Олёшу за Поновича».
Она свата дарит одной шириночкой,
Она сваху дарит другой шириночкой,
Она смелого Олёшу калёной стрелой.
«Как исполнила я всю-ту мужню

заповедь —

Прожила теперь да целых шесть годов, —
Дак исполню свою я женску заповедь:
Проживу ишше да целых шесть годов,
Дак втогда ишше успею всё взамуж
пойти».

Опять денчик за денчиком как дождь
дождит,
Неделька за неделкой как трава растёт,
Годичек за годичком как сокол летит, —
Как прошло тому времени и шесть годов,
Поскоре сказать, прошло целых двенад-
цать лет.

Приходил опеть Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:

Как убит лёжит Добрынька во чистом
 поли,
 Все уж косточки ёго да порастасканы.
 С того начали к Настасьюшке похаживать,
 Опять начали Микуличну посватывать.
 Ишше сватом ходит сам Владимир князь,
 Уж как свахой — Опраксия королевична:
 «Ай тебе ли жить, Настасья, молодой
 вдовой,
 Молодой твой век одной коротати?
 Ты поди хоть за князя, за боярина,
 Хоть за смелого Олёшу за Поповича».

Пораздумалась Настасья, прирасплакалась:
 Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
 Ей не честию берут да не охвотою.
 Как ведётся пир у их по третей день,
 А сёго дня нать ити во церковь божью,
 Принимать с Олёшей по злату венцу.
 Как пошла Настасья, с широка двора,
 Ай садилась Офимья Олёксандровна
 'на под светло косисчато окошечко,
 Уж как плакала старушочка с причё-
 тиком:

«Ай давно уж закатилось солнце красное;
 Закатайтсе, видно, и светёл месяц!»
 Походит Настасья с широка двора.
 Как из далече, далече из чиста поля
 Вышадала пороха снегу белого;
 По тому снежку, белой порошенько
 Уж как ехал детина Заолёшенни.
 На ём платице тако звериное;
 Под им конь-от косматой быдто лютой
 зверь.

Не дорогой он едѣт, не воротамы,
Черѣ' стену скачѣт городовую.
Приѣзжал к полаты к белокаменной,
Уж он пнул столбы, ворота своим чѣбо-
том;
С боку на бок столбы все росшатнулись,
Ай широкие ворота отворпилисе.
Проводил коня да привязывал,
Проходил в полату без докладушок.
Уж он крест кладѣт да по писаному,
Ай поклон ведѣт он по учѣному,
Поклоняйтсе на вси чѣтыре стороны,
Он старушочки кланялсе особенно:
«Уж ты здравствуй, Офимья Олѣксан-
дровна!
Ай же ты, Добрынюшкина матушка,
Тебе сын Добрынюшка поклон послал.
Мы сѣго дни с им с вечѣра разъехались:
Ай Добрынька поехал ко Царюграду,
Уж как я поехал к граду Киеву.
Говорил мне Добрынька таковы речи:
«Если судит бог бывать да в граде
Киеве,
Попроведай про родиму мою матушку,
Попроведай про любимую семьюшку,
Молоду Настасью дочь Микуличну».
Ай спроговорит Офимья Олѣксандровна:
«Ай же ты, детина Заолешенин!
Не тебе бы надо мной да надсмехатисе,
Не тебе бы досажать победно ретиво
сердцѣ.
Без угару болит буйна головушка,
Без досады шумит да ретиво сердцѣ.

Приходил к нам Олёшенька Лёвонтъё-
вич,
Приносил к нам весточку нерадостну,
Что й убит лёжит Добрынька во чистом
поли;
Он головушкой лёжит да через рокитов
куст,
Уж он резвыма ногамы во ковыль-траву;
Ручки, ножки у Добрыни поразмётаны,
Уж как буйная головка поразломана.
Ясны очи вы́клёвали вороны.
Иссушила я победно ретиво́ сердце,
Тяжелёшенько по сыне своём плакала.
С того начали к Настасьюшке поха-
живать,
С того начали Микуличну посватывать:
Уж как сватом-то ходит сам Владимир-
князь,
Уж как свахой Опраксия-королевична.
Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
Ей не честию берут да не охвотою.
Как ведётся пир у их по третей день;
Ай сёгодня пойти нать в церковь божью,
Принимать с Олёшой по злату венцу».
Ай спроговорит детинка Заолешенин:
«Говорил мне Добрыня таковы речи:
За кого пойдёт Настасья дочь Мику-
лична, —
Дак велел мне сходить на пир, на
свадѣбку,
Ай тебе он велел брать золоты́ ключи,
Отпушшаться в погрѣбы глубокия,
Ай достать мне-ка одежду скоморошную,

Ай достать мне-ка шубочку-кошулёчку,
Ай достать мне-ка сапожочки — зелён
сафьян,

Ай достать мне-ка шляпочку пуховую,
Пушистую, ушистую, завесисту,
Да достать мне-ка гусёлышка ярёвчаты».

Ай брала Офимья золоты́ ключи,
Отпущшалась в погрёба́ глубокия,
Как достала одежду скоморошную,

Ай достала гусёлышка ярёвчаты,
Ай достала шубочку-кошулёчку,
Достала сапожочки зелён сафьян,

Подавала чёрну́ шляпу пуховую,
Ай пуховую шляпу ушистую.

Уж он брал ведь палицу сорок пудов:
«Чтобы нас на свадьбе не обидели».

Он пошел к Владимиру стольне-киев-
скому.

У дверей стоят тут все придверники,
У ворот стоят приворотники, —

Не пропушшают удалу скоморошину.

Уж он брал их за шею, прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты в княже-енецкия.

Как идут за им да все придверники,

Ай идут за им все приворотники,

Ай творят оны велику ёму жалобу:

«Уж ты гой еси, солнышко Владимир
стольно-киевский!»

Айй кака-та удала скоморошина!

Уж он брал нас за шею, прочь оттал-
кивал,

Смело проходил в полаты княже-енецкия».

Тут проговорит удала скоморошина:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольпе-
 киевский,
 Со своим ты с князём с первобрачным,
 Со своей княгиней второбрачная!
 Иише где-ка моё место скоморошное?»
 Испроговорит Владимир стольно-киевский:
 «Ай твоё ведь место скоморошное
 На брусовой печке ды и в запечью».

Уж он в этом месте не обрезуёт,
 Залезал на печку на брусовую,
 Вынимал он гусёлышка яровчаты,
 Уж он клал на колена молодецкия,
 Уж он начал струпочки натягивать,
 Уж он начал по гуселькам похаживать,
 Уж он стал на гусёлышках выигрывать:
 Уж он игрыши берёт да со Царяграда,
 Ай выигрыши ведёт до града Киева.
 Ай стоит Настасья за столом да бело-
 дубовым,
 Худо видит вольный белый свет;
 У ей слёзы-то скачут из ясных очей,
 Не в один скочили ручей — ровно в три
 ручья:

«Я была как за любимой-то державушкой,
 У его были ведь эки же гусёлышка,
 Уж он так же по гусёлочкам похаживал!»
 Ай спроговорит Владимир стольне-
 киевский:

«Ай же ты, удала скоморошина!
 Слезай со печки со брусовыя.
 За твою игру за весёлую
 Я даю тебе три места три хороших:
 Ай перво тебе место — подле меня,

Ай друго тебе место — супротив меня,
Ай третьё тебе место — куда сам
похошь».

Не сядилсе скоморошина подлѣ князя,
Не сядилсе он да супротив князя,
Он сядилсе к Настасьи дочери к
Микуличны

Говорил скоморошина таковы речи:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир
стольне-киевский!

Ты позволъ-ко мне-ка налить чарку
зелена вина,

Поднести мне чарку, дѣ кому я хочу.
Кому задумаю, кого пожалую».

Говорит Владимир стольне-киевский:

«За твою игру да за весѣлую
На моём пиру да что ты хошь твори».

Наливал он чарку зелѣна вина,
Подносил Настасьи дочери Микуличны,

Уж он сам говорил да таковы речи:

«Всю ты вышей чарочку до донышка;
Не допьѣшь до дна — дак не видать

добра».

Как брала Настасья чарку во белы руки
Выпивала чарочку до донышка;

Подкотилсе какой-то ей злачѣн перстень.

Уж как видит Настасья дочь Микулична,
Что й была с Добрынькой в церкви

божня,

Принимала с Добрыней по злату

венцу, —

Выходила иза столов да белодубовых,

Она падала Добрыньки во резвы ноги:

«Ты прости меня, вины да виноватую!
Я наказу твоего да не исполнила.
Меня силой берут и неволею,
Не честью берут, не охотою,
Свatom был сам Владимир-князь,
Свахой Опраксия-королевична».
Как спрoгoворит Добрынюшка Никитичъ
блад:

«Не дивую я уму женскому;
Уж как бабей волос долог, а ум короткий;
Как дивую я брату-ту названому
Иише на имя Олешеньке Поповичу.
Да иише дивую князю я Владимиру:
У жива мужа да отымат жону!»
Уж как вышел Олеша за столов да
белодубовых,
Уж он кланялся Добрыши во резвы ноги:
«Ты прости меня, вины да виноватого». —
«Уж как в той вины да тебя бог
простит,

А в другой вины я не прошу тебя:
Ты зачем ходил к родимой моей матери,
Приносил ей весточку нерадостну,
Досажал ее победно ретиво сердце?»
Уж он брал Олешу за жолты кудри;
Водит он его по гридине столовая,
Уж он сам на гуслях да выговариват,
А Олеша тут поахиват.
Как от буханья не слышно было оханья.
Пригодилсе в беседы Илья Муромецъ;
Захватил Добрыню за могуты плеча,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Не убей ты за напраслину богатыря:

Хоть он силой-то не силен, а напѣском
смело.

Тут Владимиру ко стыду пришло;
Потупил он ясны очи во кирпичен пол.
Брал Настасью Добрыня за бѣлы руки.
И встречала Офимья Александровна:
«Не красное солнышко повызошло,
Не мелкие звездочки рассыпались, —
Пришел Добрыня на широкий двор!»
Остался Олѣша Леонтьевич,
Садилсе покрай лавочки брусовыя,
Уж он сам говорил таковы речи:
«Всякій на свети женитсе,
Да не всякому женитьба издавайтсе:
Издадась только Ставрѹ сыну Годѣнову
Да млáдому Добрынюшке Микитичу».

АЛЕНА ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ ЗБРОДОВИЧЕЙ

Во славном городе во Киеве,
У князя было у Владимира,
Столованище было, пиrowанье, почестен
пир

На многие князи и бояра,
На сильных могучих богатырѣв
И на все паленицы удалые.
На пиру все были шьяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались:
Иной хвастает добрым конем,
Новый хвастает своей ухваткою,
А бояре хвастают животом своим.
При том пиру, при беседушке,
Сидят два брата, два Петровича;
Сидят они братаны, не веселы,
Свои буйны головы повесили.
Князь Владимир стóльный-киевский
Стал по гриднице похаживать:
«Что вы, братаны, не веселы,
Что вы ничем не похвалитесь?» —
«Князь Владимир стóльный-киевский!
И нечем нам, братанам, похвастати:
Добры кони у нас не удалы,
Молоды жены не изродные;

Есть у нас у братьев родна сестра.
Свет Наталья Збородовична:
Сидит она во высоком тереме,
Сидит, заперта двумя дѣрями,
Она замкнута тремя ключами;
Ее красно солнушко не огреет,
И буѣны ветры ее не обвеют.
Ясный сокол мимо терема не пролетит,
На добром коне мимо молодец не проседет.
При том шире при беседушке
Случилось быть Алешишке Поповичу;
Попович говорил таковы речи:
«Но чѣм же вы, братаны, хвастаете,
Не добром вы, братаны, похваляетесь;
Довольно я видал вашу сестрицу
Свет Настасью Збородовичну,
А бывали и такие насы,
Что у ней и на грудях леживал!»
Збородовичам братьям за беду палю,
За беду палю, за великую;
Хватали они по ножкишку по булатному,
Метали ими в Алешу Поповича.
Горазден Алеша был ножки хватать.
Хватал за черенья за ножевые,
Сам говорил таковы слова:
«Ой вы гоѣ еси, два брата, два Петровича!
Поезжайте, братаны, к своему двору,
Соймите с себя платье цветное,
Отдавайте его любимым кошухам,
Оболокайтесь сами в платье черное,
Чтоб вас жены не опѣзнали;
Дождитесь ночки седьма часу,
Поезжайте тогда во чисто поле,

Захватите комулю снега белого,
Метните ее во окошечко во слухово:
Услышите отвестье Настасьи Збородовичныи.

Снимались братаны со пира вполньяна,
Сажались они на добрых коней,
Поезжали братаны к терему высокому,
Захватили комулю снега белого,
Метали его во окошечко во слухово.
Услышала брѣкот Настасья Збородовична,
Сама держит скорое отвестице:
«Уж ты гой еси, Алешинька Попович
млад!

Без тебя у меня кушанья прозачѣрстнули,
Питища медвяны застоялися!»
Тогда два брата Збородовичи
Ко высокому терему сбегалися:
Ломали двери теремовые,
Захватили свою родну сестрицу,
Свет Настасью Збородовичну,
Везли ее в поле во Куликово,
Хотят ей срубить буйну голову.
Тогда Алеша Попович млад
Крычал-зычал зычным голосом:
«Ой вы два брата, два Петровича!
Не губите своей Настасьи Збородовичны,
Отдайте мне-ка в замужество!»
Остоялись братья Збородовичи,
Низко кланялись они Алеше Поповичу!
Отдавали ему во замужество
Свет Настасью Збородовичну.

СТАВЕР

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи на бояры,
На всех-тых гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.
Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Иный хвалится добрым конем,
Иный хвалится шелковым портом,
Иный хвалится селами со приселками,
Иный хвалится городами с пригородками
Иный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Из тыя из земли Ляховицкня
Сидел молодой Ставер сын Годинович,
Он сидит за столом, да сам не хвастает.
Испроговорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты что сидишь сам да не хвастаешь?
Аль нет у тебя села со приселками,
Аль нет городов с пригородками,
Аль нет у тебя добрых комоей,
Аль не славна твоя родна матушка.

Аль не хороша твоя молода жена?»
Говорит Ставер сын Гоудинович:
«Хотя есть у меня села со приселками,
Хотя есть города с пригородками,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хотя есть у меня добрых комоней,
Добры комони стоят — все не ездятся,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хоть славна моя родна матушка,
Да и то мне молодцу не похвальба;
Хоть хороша моя молода жена, —
Так и то мне молодцу не похвальба:
Она всех князей-бояр да всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет». —
Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Ты, солнышко, Владимир стольно-киев-
ский!»

Засадим-ка Ставра в погреба глубокие:
Так пущай-ка Ставрова молода жена
Нас князей-бояр всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!»
А был у Ставра тут свой человек.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую
Ко той Василисты Микуличной:
«Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!
Сидишь ты, пьешь да проклаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Гоудинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,

Что «князей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не
выкупить;

Мне-ка силой выручать Ставра — не
выручить;

Я могу ли, нет, Ставра повыручить
Своею догадочкою женскою!»

Скорешенько бежала она к фельшарам,

Подрубила волосы по-молодецки-де,

Накрутилася Васильем Микуличем,

Брала дружинишки хоробрыя,

Сорок молодцов удалых стрельцов,

Сорок молодцов удалых борцов.

Поехала ко-ó граду ко Киеву.

Не доедучи до-ó града до Киева,

Пораздерила она хорош-бел шатер,

Оставила дружину у бела шатра,

Сама поехала ко солнышку Владимиру.

Бьет челом, покланяется:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-
киевский

С молодой княгиней со Опраксей!»

Говорил Владимир стольно-киевский:

«Ты откудашной, удалый-добрый молодец,

Ты коей орды, ты коей земли,

Как тебя именем зовут,

Нарекают тебя по отчеству?»

Отвечал удалый-добрый молодец:

«Что я есть из земли Ляховицкия,

Того короля сын Ляховицкого,

Молодой Василий Микулич де;

Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве

На твоей любимыя на дочери».

Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу — со дочерью подумаю».

Приходит он ко дочери возлюбленной:

«Ах ты ей же, дочь моя возлюбленная!

Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,

Того короля сын Ляховицкого,

Молодой Василий Микулич де,

Об добром деле — об сватовстве

На тебе, любимыя на дочери.

Что же мне с послом будет делати?»

Говорила дочь ему возлюбленная:

«Ты ей, государь родной батюшко!

Что у тебя теперь на разуме:

Выдаешь девчину сам за женщину!

Речь-поговоря — все по женскому;

Перески тоненьки — все по женскому:

Где жуковинья были — тут место знать;

Стегна жмет — все добра бережет».

Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу посла да поотведаю».

Приходит к послу земли Ляховицкия,

Молоду Василью Микуличу:

«Уж ты, молодой Василий сын Микулич де.

Не угодно ли с пути со дороженьки

Сходить тебе во парную во баенку?»

Говорил Василий Микулич де:

«Это с дороги не худо бы!»

Стопизли ему парну баенку.

Шокуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байпы идет — ему честь отдает:
«Благодарствуй на парной на баенке!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал?»
Говорил Василий Микулич де:
«Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княженецкое;
А наше дело посольское, —
«Недосуг-то долго нам чваниться,
Во баенке долго нам цариться;
Я приехал об добром деле — об сва-
товстве»

На твоей любимыя на дочери».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу — с дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:
«Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия
Об добром деле — об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорит как дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщицу!
Речь-поговоря — все по женскому;
Перески тоненьки — все по женскому;
Где жуковинья были — тут место знать».
Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу посла да поотведаю.
Приходит ко Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де!
Не угодно ль после парной тебе баенны
Отдохнуть во ложне во теплыя». —
«Это после байны не худо бы!»
Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкие плеча богатырские.
Говорит посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовство
На твоей любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я пойду — с дочерью подумаю». —
Приходит ко дочери возлюбленной:
«Ай же, дочь моя возлюбленна!
Приехал посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де,
За добрым делом — за сватовством
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родно! батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!»
Говорил Владимир стольно-киевский:

Я схожу посла да поотведаю». —
«Ах ты, молодой Василий Микулич де!
Не угодно ли с моими дворянами потешиться

Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тоя в острини ножовыя,
Расколоть-то стрелочка надвое,
Чтобы были мерою равненьки и весом равны».

Стал стрелять стрелок перво князевый:
Первой раз стрелил — он не дōстрелил,
Другой раз стрелил — он перēстрелил,
Третий раз стрелил — он не попал.

Как стал стрелять Василий Микулич де,
Натягивал скоренько свой тугий лук,
Палагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тоя острей во ножевал, —
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны.
Сам говорит таково слово:

«Солнышко Владимир стольно-киевский.
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей на любимыя на дочери,
«Что же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу-пойду — с дочерью подумаю».
Приходит к дочери возлюбленной
«Ай же ты, дочь моя возлюбленна:
Приехал есть посол земли Лиховицкия,
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве

На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послем будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Что у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаваешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по женскому:
Перески тоненьки — все по женскому.
Где жуковинья были — тут место знать». —
«Я схожу, посла поотведаю».

Он приходит к Василью Микуличу.
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де,
Не угодно ли тебе с моими боярами
 потешиться,
На широком дворе поборотися?»

Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич де,
Того схватил в руку, того в другую.
Третьего склеснет в сердочку,
По трою за раз он на зень¹ ложил,
Которых положит — ты с места не стают.

Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты молодой Василий Микулич де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семяна!»

Говорил Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь, — возьму не с чести,
А не с чести возьму, — тебо бок набью!»
Не пошел больше к дочери спрашивать,

¹ На землю.

Стал он дочь свою просватывать.
Пир идет у них по третий день,
Сего дни им итти к божьей церкви:
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что же ты, Василий, не весел есть?»
Говорит Василий Микулич де:
«Что буде на разуми не весело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщиков,
Поиграть во гусельшка яровчаты?»
Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, — все не весело.
«Нет ли у ты молодых затюремщичков?»
Повыпустили младых затюремщичков.
Все они играют, — все не весело.
Говорит Василий Микулич де:
«Я слыхал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Годинович
У тебя во погребѣ глубокие:
Он горазд играть в гусельшки яровчаты».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне повыпустить Ставра —
Мне не видеть Ставра;
А не выпустить Ставра —
Так разгневить посла!»
А не смет посла он поразгневати, —
Повыпустил Ставра он из погребѣ.
Он стал играть в гусельшка яровчаты, —
Развеселился Василий Микулич де,
Сам говорил таково слово:
«Помнишь, Ставер, памятуешь ли.

Как мы маленьки на улице похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-та была сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченое?
Я-то попадывал тогда-сёгда,
А ты-то попадывал всегда-всегда?»
Говорит Ставер сын Гоудинович:
«Что я с тобой сваечкой не игривал!»
Говорит Василий Микулич де:
«Ты помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:
Моя была чернильница серебряная,
А твое было перо позолочено?
А я-то помакивал тогда-сёгда,
А ты-то помакивал всегда-всегда?»
Говорит Ставер сын Гоудинович:
«Что я с тобой в грамоты не учивался!»
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский!
Спусти ко Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне спустить Ставра, — не видать Ставра,
Не спустить Ставра, — разгневить посла!»
А не смеет он посла да поразгневати:
Он спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.
Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хорош-бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
«Теперича, Ставер, меня знаешь ли?»

Говорит Ставер сын Годинович:
«Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю Политовскую!»
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Не есть хвала добру молодцу,
Тебе воровски из Киева уехать:
Поедем-ко свадьбы доигрывать!»
Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский,
За что был засажен Ставер сын Годинов
У тебя во погреба глубокие?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Похвастал он своей молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет».
«Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!
А нынче что у тебя на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту, за Микуличну?»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришла
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Ставер сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киевс,
Во Кieve во граде век беспощинно!»
Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Тут век про Ставра старину поют,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

ДЮК

Во той было Индеи во богатых,
А был молодой боярин Дюк Стенанович.
Он ходил по тихим по заводям,
Стреляя серых гусей и лебедей.
Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы.
Он трем-то стам цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного,
Убил он три орла, он три орловища.
А не тех убил, которые летают по святой
Руси,
Он тех убил, которые летают по синим
морям.
Как едут гости корабельщики,
Поднимают это перушко орлиное.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перышко в подарочек
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А он сам стрелял молодой боярин Дюк
Стенанович.
Он с таких-ли великих со радостей,

Пошел он к государыне родной матушке
 Просит прощеньица с благословеньицем
 Ехать ко граду ко Киеву,
 Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
 Он прямой дорожкой не окольною.
 Как проговорила его государыня родна
матушка,
 Родна матушка Мальфа Тимофеевна:
 «Я не дам тебе прощеньица с благосло-
веньицем,
 Ехать ко граду ко Киеву,
 Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
 Прямой дорожкой не окольною.
 А прямой дорожкой не окольною.
 Есть три заставы там да великия:
 А первая-то застава есть горы там
толкучин:
 В другой раз столкнутся, а в другогоры
истолкнутся;
 Тут тебе, Дюку, не проехать,
 Тут тебе, молодому, живу не быть.
 Есть там другая застава — птицы кле-
вучия,
 Они тебя, Дюка, и с конем склюют.
 Тут тебе, Дюку, не проехать,
 Тут тебе, молодому, живу не быть.
 Есть третья там застава — лежит змеища
горынчища,
 О двенадцати змея о хоботах,
 И тая тебя и с конем сожрет.
 Тут тебе, Дюку, не проехать,
 Тут тебе, молодому, живу не быть».
 А он, молодой боярин Дюк Степанович,

Он не слушал своей да государыни родной
матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
Он пошел во конюшенку стоялую,
Взял он уздицу да ведь тесмяную,
Он взял бурушко да ведь кавурушка.
Как у бурушка по колен поги в землю
зарощены.
Он кормил бурка́ пшеном да белояровым,
Он поил бурка́ питьцем медвяным,
Он седлал бурка́ в черкасское седельшко,
Он потнички-то клал на потнички,
На потнички он клал да ведь войлочки,
А на войлочки черкасское седельшко.
Он натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый клал для ради крепости,
Чтобы конь с-под седла не выскочил.
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги-ты были шелковые,
Шпеньки у подпругов бузатния,
Пряжки у него да красна золота.
А как шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на кони сидит, не стареет.
Он садился на добра коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Как пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
На прощенье ему да наказывала:
«Ай ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Если бог тебе судит быть во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Ты не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками вдовиными!»

Перво поприще бурке скочил целу персту,
И припадывал к земли сыро-матерой,
Испроговорит человеческим голосом:
«Ай же ты, хозяин мой любимыи!
Опускайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под право,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не странно было сидеть на мне, да
на добром коне».

Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он опускался ведь да со добра коня,
А он брал земли да сыро-матерой,
Он подвязывал под плечико под правое,
Да подвязывал под плечико под левое,
И садился он да на добра коня.
Тут стал бурушко-кавурушка поскакивать,
С горы на гору, да с холмы на холму,
А реки озёра перескакивать,
Широкий раздолья между ног пущать.
А приехал он кó граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Засхал он среди бела двора,
Поставил он своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А он сам взошел в столову во переднюю,
Он крест кладет по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
А на все на четыре на стороны,
А княгине Апраксии в особину.
А спроговорит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Вы здравствуйте, княгиня Апраксия!

А где солнышко Владимир стольне-киев-
ской?» —

«А солнышко Владимир стольне-киевской

Ушел он во божью церковь,

К обедни да ко ранняя.

Молодой боярин Дюк Степанович,

Он вышел на улицу на широкую,

На тую дуброву на зеленую,

Пошел он во божью церковь.

Мостовые были землею призасынаны,

Их подняло водою дождевою,

Замарал он сапожки зелен сафьян.

Пришел он во божью церковь,

Он крест кладет да по-писаному,

Поклон ведет да по-ученому,

На все на четыре на стороны,

А князю Владимиру в особину.

Испроговорит Владимир стольне-киевской:

«Ай же ты, удалый добрый молодец!

Ты из какой земли, из какой орды,

Да как тебя, молодец, именем зовут,

Нарекают по отчеству?» —

«Я из той Индии из богатых,

Молодой боярин Дюк Степанович.

Отстоял дома раннюю заутреню,

А сюда приехал ведь к обедни-де».

Как проговорят князи-бояра,

А также говорят и мелка чета:

«А не быть это молодцу Дюку Степановичу!

А какой-нибудь детинушко залётаник.

Он убил князя либо боярина,

Он на пятачке свое да ведь поглядывать.

Как и вышли из церкви из божия

На тую улиду на широкую,
На тую дубраву на зеленую,
Мостовые были земелькой принасышаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Как проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Я слышал от родителя от батюшки,
А что Киев очень красів-добрист,
Ажно в Киеве все не по-нашему.
Церквы у вас деревянные,
А маковки на церквах да осиповые.
А у нас-ли во Индои во богатия
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбѣлены,
На церквах-то маковки самоцветные,
На домах-то крышечки золоченые,
Мостовыя рудожолтыма приусыпаны,
Сорочинские суконца прирозастланы,
Не замараешь тут сапожков зелен сафьян.
Вот зашли они во полаты княжецецкие,
Садилсь за дубовый стол хлеба кушати,
Стали крупивчатых колачииков оны рушати.
Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он мякіш-то ест, а корочку под стол мечет.
А проговорит Владимир стольце-киевский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
А ты почто мякіш ешь, а корочку под
стол мечешь?»

Как проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Я слышал от родителя от батюшки,
Что Киев очень красів-добрист,

Ажно в Киеве все не по-нашему.
У вас печки-то каменные,
А помелочки у вас да сосновые.
А как пахнут-то колачки крупивчаты
На тую серу на сосновую,
На сосновую серу на кипучую,
На кипучую серу на горючую,
Не могу я есть колачиков крупивчатых.
Как у мѡей государыни у родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
У нас печки все-то муравленые,
А помелочки у нас да шелковые,
А пекет она колачки крупивчаты,
Как колачик-то съешь, так другой хочется,
А другой-то съешь, по третьем душа
горит,
А как третий съешь, четвертый с ума
нейдетъ.
Тут проговорил Владимир стольний-киев-
ский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степа-
нович!
А ты, молодой боярин сам захвастливый.
Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой
Пленковичем о велик заклад:
Чтобы ездить вам во чисто поле по три
году,
А по три году да еще по три дни,
Чтобы на всякий день копи были сменные,
Чтобы смешные и переменные,
А шерсти такой да бы не было,
А платье на всякий день было сменное,
Чтобы цвету такого да не было,

А на третій день вам итти да ко божье
церкви.

А который из вас добрее выступит,
А другому из вас да голова рубить».

И не спустили тут Дюка Степановича
Съездить за платьем за цвѣтным,
Во ту Индею во богатую.

Он сел, боярин, закручинился,

Закручинился да започалился,

Он повесил свою да буйну голову.

Утупил-то ясны очи во сыру землю.

Он сажился ведь да на ременчат стул,

Писал скорописчатые ёрлычки

Ко своей-ли государыни родной матушке

К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне,

Как по Чуриле-то Пленковичу

Держали порукушку двумя грады:

А первым градом Киевом,

А другим градом Черниговом.

А молодому боярину Дюку Степановичу

Держал поруку крепкую

Тот-ли владыко Черниговский,

Его-ли крестовый он батюшко.

Клал на бурушка сумки переметныя,

Сам он говорит таково слово:

«Ай ты, бурушко-ковурушко!

Когда прискачешь во Индею во богатую

К моей-то государыне родной матушке,

Ты заржай-ко голосом лошадиным!»

Услыхала голос лошадиный

Его-ли государыня родна матушка,

Выбегала на крылечико переднее,

А сама говорит да таково слово:

«Видно, нет жива моего дитятки,
Молода боярина Дюка Степановича!»
Как увидала сумки переметные,
И говорит да таково слово:
«Как мой-ли молодой боярин Дюк Степа-
нович захвастливый,
Захвастливый, да, знать, захваченной!»
Вынимала скорописчатые ёрлычки,
Кладывала туды платица на каждой день;
На каждой день по три платица,
Сменные и переменные по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка-ковурушка,
Сама говорит да таково слово:
«Как прискачешь ты во Киев-град,
Во Киев-град на княженецкий двор,
Ты зарикай-ко лошадиным голосом!»
А молодой боярин Дюк Степанович,
Услыхал он своего добра коня,
Он взял сумки да ведь переметные.
Тут посхали во чисто поле поляковать,
А Чурилушка Пленкович погнал коней он
целым стадом,
А молодой боярин Дюк Степанович,
Пораньше-то он повыстанет,
Бурка в росы он повыкатаст,
На бурке-то шерсть да переменится.
И тут они проехали по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А сегодня итти им ко божьей церкви.
А тому-ли Чурилушке Пленковичу
Во своем-ли ему городе да дается,
Становился он на крылоса на правое,

А молодой боярин Дюк Степанович,
Становился он на крылосо на левое.
А Чурилушко Пленкович взял он плеточку
шелковую,

Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки,
Плывет змеицо горынчицо,
О двенадцати змея о хоботах.
Как испроговоят князи-бояра,
И также говорит и вся мелка чета:
«Как у нашего Чурилушки Пленковича
Есть отметочка против молодца боярина
Дюка Степановича!»

А молодой боярин Дюк Степанович,
Он повесил свою да буйну голову,
Утупил ясны очи во сыру землю.
Он взял-то плеточку шелковую,
Стал плеточкой по пуговкам поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки
Налетели тут птицы клевучии,
Наскакали тут звери рыкучии.
А тут в церкви все да о зень пали,
О зень пали, да ины обмерли.
Тут проговорит Владимир стольный-киев-
ский:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович
Приуми-тко ты птиц тых клевучиих,
Призакличь-ко тых зверей рыкучиих,
Да оставь-ке ты народу хоть на семна.
Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Я сегодня не твое ем, да кушаю,
Не хочу тебя и слушати!»
Как проговорит владыко-то Черниговский,
Его-ли крестовый батюшко:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Призакличь-ко ты птиц клевучних,
Приуйми-тко ты зверей рыкучних,
Ты оставь-ко народу нам на семена».
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Послушался крестового он батюшки,
Призакликал птиц он клевучних,
Приунял зверей тех рыкучних.

Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Ай же, солнышко, Владимир стольный-
киевский!

Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Как возговорил Чурилушка Падикович:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Ты ударь-ко со мною о велик заклад.

А который из нас перескóчит через Пучай-
реку,

А который из нас да не перескочит, —
Тому из нас да голова рубить,

А Пучай-река да на два поприща!»

Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович:

«А твоя ли похвальба наперед зашла!

Ты скачи-ко прежде чрез Пучай-реку».

Он скакал Чурило чрез Пучай-реку:

О полу реки Чурило в воду вверзился.

А как молодой боярин Дюк Степанович

Скоро-наскоро скакал да чрез Пучай-реку,

Он скорее того поворот держал,
О полу реки он на воды припадывал,
И Чурилу за желты кудри захватывал,
Повытадил Чурилушку с концем с воды
И сам он говорит да таково слово:
«Ай ты, солнышко, Владимир стольний-
киевский»

Пам которому с Чурилою голова рубит
Тут проговорил Владимир стольний-
киевский

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович
Не руби-тко ты Чурилы буйной голове
Ты оставь-ко нам Чурилу хоть для памяти
Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович»

«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
А пусть ты князем Владимиром упро-
шеный»

А киевскими бабами уплаканый.
Ты не сзди-то с нами, со бурлаками,
Ты не сзди во чисто поле поляковать,
А живи ты во граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами!»
Тут Владимир стольний-киевский
Посылаа он тут общенщичков
Во тую-ли Индею во богатую
К пречестной вдове Мальфы Тимофеевич
Во-первых старого казака Илью Муром
А в-других молода Добрынюшку Ни-
тича

А он в-третийх Олешушку Поповича.
Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович

«Ай ты, солнышко, Владимир стольный
киевский.

Не посылай-ко ты Олешишку Поповича.
У него глазишечка-ты поповский,
А поповския глазишечка завидливы,
Не выехать ему из той Индеи из богатых.
Не берите-ко бумаги на три месяца,
Вы берите-ко бумаги на три году,
На три году, да еще на три дни».
Тут солнышко, Владимир стольный-киев-
ский,

Отправлял-то старого казака Илью
Муромца,
Отправлял-то молода Добрынюшку Ники-
тича.

Как приехали под Индею под богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индею да богатую,
Сами говорят да таково слово:
«Как молодой боярин Дюк Степанович,
Знать, послал он весточку к своей матушке,
Что зажгана Индея та богатая».

Как приехали в Индею ту богатую,
А тут церкви были все каменные,
Стены известочкой отбелены,
На церквах маковки самоцветныя,
На домах крышечки да золоченыя,
Мостовые рудожелтыми песочками при-
ушыаны,

Сорочинские суконца приразостланы.
Вот зашли они в полаты белокаменные,
Вот сидит жена да стара-матера,
Стара-матера да и вся в золоте.

Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка!»
Тут прошли они в полаты во передния,
Тут сидит жена да стара-матера,
Она боле того да и вся в золоте.
Они бьют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка.
Я есть-то Дюковой матушки колашница». —
«А где-же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговорит жена да стара-матера:
«А Дюковая матушка
Ушла она в божюю церковь,
К обедне-то ко позднеей».
Как идет-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведут ее под руки,
А и сама говорит де таково:
«Вы здравствуйте, мужички да вы
оценщички!
Вы зачем сюда да ведь приехали?
Знать, животнщечков сиротских
описывать?»
Тут прошли они в полаты белокаменны.
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столом они да кушати,
И крупивчатых колачиков рушати.
Как колачик-то съешь, дру́гой хочется,
Другой съешь, по третьем душа горит,
А третий-то съешь, четвертый с ума
нейдет.

Тут пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
Привела их в погреба глубокий,
Ко тем ли сбруям лошадиным,
Да тут они писали по три годы,
По три годы, да еще по три дни.
Еще привела: висит бочки красна золота,
А другие висят чиста серебра,
А третьи висят скатна жемчуга.
Потом вывела на улицу да на широкую:
Течет-то струйка золоченая,
И тут они не могли и сметы дать.
Сама говорит таково слово:
«Ай же вы, мужички да вы оценщички!
Поезжайте вы ко граду ко Киеву,
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру:
Он на бумагу продаст Киев-град,
А на чернила продаст весь Чернигов-град, —
А тогда приедет животишечков сиротских
описывать».

Как старый казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич,
Они приехали-то ко граду ко Киеву,
К солнышку князю ко Владимиру,
И сами говорят да таково слово:
«Наказывала Дюковая матушка
На бумагу продать весь Киев-град,
На чернила продать Чернигов-град, —
Тогда приехать животишечков сиротских
описывать».
Тут проговорил Владимир стольний-киев-
ский:
«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!

За твою ли за великую за похвальбу,
Ты торгуй-то в нашем во́ граде во Кіевѣ
А во Кіеве во граде да без пошлинны!а
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Он садился на своего добра коня,
Он поехал-то в Пидею во богатую
Ко своей государыни родной матушке,
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевнѣ,
А он сделал с нею доброе здоровьице.
А тут век про Дюка старину скажут,
Синему морю на тіпшицу
Добрым людям на послушанье.

ПРО ЧУРИЛУ

В Новом городе было
Как не во пору пороха выпадала,
Как не во пору да не во времё,
Середь лета было о Петрово дни.
По той по порохе снегу белого
Не бел горностазь да шел-проскакивал,
Да шел-прошел да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Плёнкович.
Да пята шилом носки были остры
Да под пату хоть воробей лети,
Кругом носка хоть ещё кати.
Да шубоцька на ём семисот рублей,
На шубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у шубы чёрна соболя,
Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя заморского.¹
Да пуговики у его были вальичный,
Того ли вальяку краскозолоту.²
Да петелки то были шёлковы.
Да того де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шел-то он да ко чужу двору,

¹ «Это с Камчатки». (Примеч. сказителя).

² «Это дорогое золото». (Примеч. сказителя.)

Ко чужу двору ко Перемётыну,
Перемету дома нелучилось,
Свот Васильевна не погодилося,
Уехал он да ле во чистó полё
Да бить гусей да белых лебедей,
Да серых малёньких утицей.
Бежал-то он да ле на краснó крыльцо,
Стучит, бречит он да за златó кольцо,
Дергал ремешок да семишолковый,
Выходит ле Настасья да дочь Викулишна,
Сама говорит она да ле таково слово:
«Да кто ю ворот стоит, толкантсе,
Стучит, гремит да во златó кольцё,
Дергат ремешок семишолковый?» —
«Да я ле, Настасья дочь Викулишна,
Да я у ворот етом толкаюсе
Тебя ли, Настасья, дожидаяся».
Открыват она тут да новы́ ворота,
Брала Чурилу за белы руки,
Вела его, Чурилу, да по новы́м сеням,
Да по новы́м сеням да в пóву горницю.
Да разделся Чурила чуть не дóнага,
Да розулся Чурила ведь дóбоса,
Да шубоцьку он на грядоцьку,
Да шапку, рукавки на лавоцьку,
Сапожки, чулочки под кроватоцьку,
Кормила она его вить поньце дóсыта,
Понла она поньце дóньяна,
Ложился Чурила вить с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут девоцька служаноцька,
Сама говорит да таково слово:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,

Живёшь ты нонь не по-дорожному,
Живёшь ты нонь да по-домашнему,
Разделся ведь ты чуть не донага,
Розулся ты уж ведь ноньде добоса,
Спишь-лежишь да со чужой женой,
Со чужой женой да с чужой мужьей же.
Скажу Перемёту я Васильевичу.
Говорит Чурило да таково слово:
«Гой еси ты, девушка черनावушка,
Не сказывай, девушка черनावушка,
Куплю я тебе в косу лентоцку,
Которая лента стоит сто рублей». —
«Не надо мне твоя лентоцка,
Котора стоит хош и сто рублей, —
Скажу Перемёт я Васильевичу». —
«Не сказывай, девушка служаночка,
Куплю сарафан тебе на золоти,
Который стоит восемьсот рублей». —
«Не надо сарафан мне твой на золоти,
Который стоит хоть и восемьсот рублей,
Скажу я Перемёт я Васильевичу». —
«Не сказывай, девушка служаночка,
Куплю тебе шубку камчатную,
Котора стоит девятьсот рублей». —
«Не надо мне-ка твоя шубодька,
Хоть котора стоит девятьсот рублей,
Скажу Перемёт я Васильевичу». —
Выходила она тут на красно крыльце,
Смотрела она во чисто поле.
Да едет детина из чиста поля
Да конь по ним да аки лютый зверь,
На кони молодец да как ясён сокол.
Приворачиват да он ко тому двору,

Ко тому крыльцю ко Перемётыну,
Снимат то он свой пухов колпак:
«Да здравствуй ты, девушка служакоцка,
Спасибо тебе, хоть меня встретила,
Да где же у меня noch молодая жена,
Почему она меня не встретила?
Пировать ушла ли, столовать ли ушла,
Ли неврёмя како случилось?»
Говорит тут девушка служаночка:
«Не пировать ушла, не столовать ушла,
И неврёмя шикако мне случилось,
Богатство к твоей жены привязалось:
Прибежал ведь конь из чиста поля,
Заскочил ведь конь да во зелёный сад,
Принял то ведь травоньку шелковую,
Да принял питья да всё медяные».
На то Перемёт то он догадливым был,
Соскакивал да со добра коня,
Привязал коня да к золоту кольцу,
Бежал то он на красное крыльце,
На красное крыльце по новым сеням,
На красное крыльце да прямо в горницу.
Перемёт от по горенке похаживат,
В пол коньём да подпираетце,
Сабелька да изгибаетце,
Из кольца в кольцо да извиваетце,
Ясненько везде высматриват,
Увидел он ведь уж на грядочки,
На грядочки да висит шубочка.
«Это што у ты пошнё, это што у ты нащё?»
Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговню,

Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
На людях вижу — на тебе сударь люблю.
Перемёт от по горепке похаживат,
Сабелькой в пол подпирайтце,
Да сабелька изгибайтце.
Из кольца в кольцо извиваецце,
Ясненько везде высматриват.
Увидел он уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцька,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
«Это што у тебя поштё, и это што у тебя
наштё?»

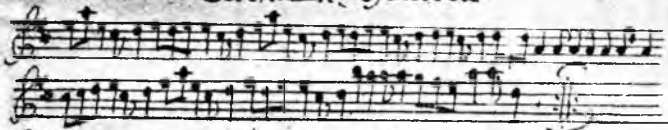
Говорит Настасья дочь Викулишна:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищу,
Купила я тебе ведь шапоцьку,
Шапку купила ведь да и с рукавками,
На людях вижу — на тебе, сударь, люблю.
Перемёт то по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираецце,
Да сабелька изгибайтце,
Из кольца в кольцо извиваецце.
Ясненько везде высматриват.
Увидел он да под кроватоцкой,
Под кроватоцкой лежат да сапожечки,
Сапожки лежат да со чулоцками.
«Это што у тебя поштё и это што у тебя
наштё?»

«Ой, Перемёт от сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищу,
Купила я тебе уж сапожечки,
Сапожки купила и с чулоцками.

На́ людях вижу — на тебе, судáрь, люблю».
Перемёт от по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо пзвиваетце,
Яснёшенько везде высматриват.
Увидал он ведь на кроватоцке,
На кроватоцке да лежит мóлодец.
Ставал то Чурило с кроватоцки,
Да падал ему он во резвы́ ногы.
«Да здравствуй ты, брателко названой мой».
Говорит Перемёт от таково слово:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,
Да рано тебе ведь я уж сказывал,
Доселе, зная, я тебя уговаривал,
Што не знайся ведь Чурило с моей женой,
Доведет жена ведь до погибели».
Не ясён сокол как крылом махнул,
Ма́хнул крылом да крылом правым же.
Ма́хнул Перемёт да саблей вострою,
По той по шее по Чуриловой.¹
Говорит тут Настасья дочь Выхулишия:
«Где белу лебедю лежать,
Тут и белой лебёдушке».
Говорит Перемёт таково слово:
«Да я вашей заповеди не рушаю».
Не ясён сокол да как крылом махнул,
Ма́хнул крылом да крылом правым же,
Ма́хнул Перемёт да саблей вострою,
По той по шее по Настасьиной.
Он тут служанку взамуж взял за верность.

¹ «Голову отсек». (Приквеч. сказителя.)

Василѣя Буслаева

Въспитомъ великомъ нрѣ Градѣ аириѣ буслаѣ дѣла
 ностѣ лѣтъ (новбимъ-Тородомъ филъ нѣперѣхилъ)
 сомуфимъ новоторацкимъ нѣперѣхъ (овѣсна нѣтоваривалъ
 фивузи буслаи (отарѣлѣ (отарѣли нѣперѣстали) нрѣ
 ево вѣну до-Това аставала) ево фигтѣ бѣтѣ нрѣ
 ииеннѣ дворянѣ а(тала) матѣра вдова матѣра
 амѣлѣа тимофѣвна нѣставала) (адо милая ма(адо
 свѣнъ василѣи буслаевѣи бѣдѣтъ) василѣи (ели Тодѣ
 одавала матушкина родимая матѣра вдова амѣлѣа
 тимофѣвна улитѣ ево воТрамонтѣ аТрамонтѣ Емѣ
 внауѣи пошла при(иди)а нѣромъ ево пи(а)тъ пи(а)
 василѣю внауѣи пошло одавала нѣтѣю улитѣ дѣрновѣи

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

В славном великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новгородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи, Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставался его житье-бытье
И все именне дворяцкое;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставался чадо милое —
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васицька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте, —
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать, —
Письмо Васицьку в наук пошло.
Отдавала петью учить церковному, —
Метье Васицьку в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Новеграде

Сопротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы с безумницы,
С веселыми, удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиватися, —
А и, ходя в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То из . . . ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет,
Пошла-то жалоба великая, —
А и мужики новгородские,
Посадские богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевну
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить. —
Журьба Ваське не взлюбилася.
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хочет пить и есть из готового,
Валися к Ваське на широкой двор, —
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки;

В то же время поставил Васька чаш середи
двора,

Паливал чаш полон зелена вина,
Онушал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде
Грамотны люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкой двор
К тому чашу, зелено вино;
Вначале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор;
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом;
В половине было палито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд, —
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя, не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий, сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат,
А и аче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Тем молодцам стал радощен и веселешечек.
Пришли тут мужики Залешена:
И не смел Василий показаться к ним.
Еще тут пришло семь братьев Сбродовичи —
Собиралися, сходилися

Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал; —
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Васенька Буслаевич,
У мужиков новгородских
Канун варен, пива ячныя;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину:
«Не малу мы тебе сыпь платим:
За всякого брата по пяти рублей».
А за себя Василий даст пятьдесят рублей
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братчину в Никольщину
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячныя.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хораброю;
Пилилися они туто зелена вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого,
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячя,
От того бою от кулачного
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплеял;
А и тут Василий закричал громким

ГОЛОСОМ:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, режут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородские.
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напускаюсь я на весь Новгород
Битися, драться,
Со всею дружиною хораброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Новым
городом,
Буду вам платить дани, выходы по смерть
свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритесь,
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договоре руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая, —
А мужики новгородские,
И все купцы богатые,
Все они вместе сходились,
На млада Васютку напускались,
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новгороде,

Приблили уже много до смерти.
А и мужики повгородские догадались.
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича».
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка чернавушка,
Сохватала Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимыя,
Притащила Ваську на широкой двор;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хорабрая
Со теми мужики повгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то девушка чернавушка
На Волх реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного.
У того часу смертного».
И тут девушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,

Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новгородским, —
Прибила уж много до смерти,
И тут девка запыкала,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так
лежишь?»

Твою дружину хорабрую
Мужики новгородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны». —
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкой двор, —
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Новугороду,
По тем по широким улицам;
Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молодой глуздырь, не полетывай, —
Из Волхова воды не выинти,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопровтив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримища!
А и бжся я о велик заклад
Со мужики новгородскими,

Опричь почестного монастыря,¹
Опричь тебя, старца Пилигримища,
Во задор войду — тебя убью.
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележно о, —
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под
кололом

А и во лбе глаз — уж веку нету.²
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице.
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то молодцов думушки прибыло;
Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку, —
Со теми мужики новгородскими
Он дерется, бьется день до вечера;
А уж мужики покорились,
Покорились и помирились, —
Понесли они записи крепкия
К матерой вдове Амеффе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Осударыня матушка,

¹ А не с честным монастырем.

² Во лбу глаз уже давно нет.

Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебишков по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодцу повенечное,
С девцу повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опречь попов и дьяконов.
В та поры матера вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушку чернавущку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та девушка чернавущка,
Бежавши та девка заыхалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтен по улице валяются
Тех мужиков новгородских.
Прибежала девушка чернавущка,
Сохватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывать:
«Мужики пришли новгородские,
Принесли они дороги подарочки
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор,
Привела-то их к зелено вино;
А сели они, молодцы, во единой круг,

Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородских;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье навек залезено».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелье Тимофеевне.
В та поры мужики новгородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей, —
И затем у них мирава пошла;
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

Под славным, великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильмену
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает, поплавает червлен корабль
Как бы молода Василя Буслаевича,
А и молода Василя, со его дружиною
хораброю,

Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставляйте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкались,
Сходили бросали на крутой бережок,
Походил тут Василий ко своему он двору
дворянскому,
И за ним идет дружинишка хорабрая;
Только караулы оставили,
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому.

Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как выюн около ее убивается,¹
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Итти мне, Василью, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною хораброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна:
«Гойи еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,
А и не носи Василья сыра-земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распушается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Щобереги ты, Василий, буйну голову свою
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,

¹ Вместо: «убивается».

Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильмену;
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую, —
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда молодец поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики.
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Иерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года. —
На славном море Каспийским,
На том острову на Куминским,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, галеры,
Разбивают червлены корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленной вяз;
А бегите-ко, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко кругу берегу,
Походил Василий сын Буслаевич

На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хорабрая.
Будет Василий в полу-горе;
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость;
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валяться, —
А на той горе Сорочинския,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух».
Пошел на гору высокую, —
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
«А и кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавляться,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходит со дружиною хораброю;
Стали молодцы забавляться,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.

Пошли со горы Сорочинский,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят козаки-разбойники,
А стары атаманы козачие;
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий на пристань стал;
Сходни бросали на крут бережок, —
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испугалися;
Мно'о его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам козачним;
Атаманы спдят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого,
Это-де идет Василий Буславьевич;
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецка».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы козачие;
Пришли они, стали во единой круг.
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы козачие.
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы козачие:

«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебя просим за единой стол хлеба
кушати».

В та поры Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол;
Наливали ему чару зелена вина в полтора
ведра;

Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полу-ведра пить.
И хлеба с солью откушали.

Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль;

Дают ему атаманы козачие подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую — красна золота,
Третью — скатного жемчуга.

За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого

И сами с ним прощались.
Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хораброю;

Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому. —

Будут они во Ердань-реке,
Бросали якоря крепкие,
Сходни бросали на крут бережок;
Походил тут Василий Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
В Иерусалим-град;

Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буслаевича;
И обедню с панихидою служил
По родном своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался.
И расплатился Василий с попами и с
дьяконами;

И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны не считаючи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлеп корабль;
В та поры его дружина хорабрая
Купалася во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
А не кому купатися, опричь Василья
Буславьевича. —

Во Ердане-реке крестился сам господь
Иисус Христос;
Потерять его вам будет большого
Атамана Василья Буслаевича».

И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует ни в сон,
ни в чох».

И мало время поизойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей.

Приказал выводить корабль
Из устья Ердань-реки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы козачие
И стоят все на пристани корабельныя;
А и выскочил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы козачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич,
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не баит с ними,
Подав письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их молодцов.
В та поры атаманы козачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы коза-
чими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому к Нову-
городу.
А и едут неделю споряду,
А и едут уже другую;
И завидел Василий гору высокую
Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать, —
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в пол-горы,

И на пути лежит пуста голова, человечья
кость.

Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Проведится пуста голова:

«Гой еси ты, Василий Буслаевич.

К чему меня, голову, попинываешь

И к чему побрасываешь?

Я, молодец, не хуже тебя был,

Да умею валяться на той горе Сорочинския;

Где лежит пуста голова,

Лежать будет и Васильевой головею.

Плюнул Василий, прочь пошел.

Взошел на гору высокую,

На ту гору Сорочинскую,

Где стоит высокой камень,

В вышину три сажени печатный,

И через его только топором подать,

В долину три аршина с четвертью;

И в том-то подпись подписана:

«А и кто-де у камня станет тешиться,

А и тешиться, забавляться,

Вдоль скакать по камению,

Сломить будет буйну голову».

Василий тому не верует;

Стал со дружиною тешиться и забавляться,

Поперек камению поскакивати;

Захотелось Василью вдоль скакать,

Разбежался, скочил вдоль по камению,

И не доскочил только четверти,

И тут убился под каменем.

Где лежит пуста голова,

Там Василья схоронили.

Побежала дружина с той Сорочинской горы

На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду;
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Амелфе
Тимофеевне,

Прошли и поклонилися,
Все письмо в руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама
заплакала,

Говорила таковы слова:
«Гэй вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка черनावушка
К тем подвалам глубоким,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одевала
добрых молодцов».

В та поры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина;
Подносит девушка черनावушка
Тем удалым добрым молодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

САДКО

Во славном в Новеграде
Как был Садкѣ купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садкѣ.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садкѣ соскучился:
Как пошел Садкѣ к Ильмень озеру.
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садкѣ перѣпался,
Пошел прочь от озера во свой во
Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садкѣ соскучился:
Как пошел Садкѣ к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садкѣ перѣпался,

Пошел прочь от озера во свой во Нов-
город.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен шир.

По том Садкѣ соскучился:

Как пошел Садкѣ к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень

И начал играть в гуселки яровчаты.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,

Показался царь морской,

Вышел со Ильменя со озера,

Сам говорил таковы слова:

«Ай же ты, Садкѣ новгородский!

Не знаю, чем буде тебя пожаловать

За твои за утехи за великия,

За твою-то игру нежную:

Аль бессчетной золотой казной?

А не то ступай во Новгород

И ударь о велик заклад,

Заложь свою буйну голову

И выряжай с прочих купцов

Лавки товара красного,

И спорь, что в Ильмень озеро

Есть рыба — золоты перья.

Как ударишь о велик заклад,

И поди-связи шелковой невод,

И приезжай ловить в Ильмень озеро:

Дам три рыбины — золоты перья.

Тогда ты, Садкѣ, счастлив будешь».

Пошел Садкѣ от Ильменя от озера.

Как приходил Садкѣ во свой во Новгород,

Позвали Садкѣ на почестен пир.

Как тут Садкѣ новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садкѣ поцаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садкѣ стал похвастьявать:
«Ай же вы, купцы повгородские.
Как знаю чудо чудное в Ильмень озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень
озере».

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень озере рыбы —
золоты перья». —

«Ай же вы, купцы новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного». —
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень озеро:
Закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садкѣ поторговывать,
Стал получать барыши великие.

Во своих палатах белокаменных
Устроил Садкѣ все по-исбесному:
На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе мѣсяц, и в палатах мѣсяц,
На небе звезды, и в палатах звезды.
Потом Садкѣ купец, богатый гость,
Зазвал к себѣ на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбамамы все похвалялись.
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молоде-
чеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбамамы все похвалялись.
Что же у нас Садкѣ ничем не похвастает,
Что у нас Садкѣ ничем не похваляется?»
Говорит Садкѣ купец, богатый гость:
«А чем мнѣ, Садку, хвастаться,
Чем мнѣ, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.

А похвастать — не похвастать бессчетной
золотой казной:

На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары нового-
родские,

Худые товары и добрые,
Чтоб в Новеграде товаров в продаже боле
но было.

Ставал Садкѣ на дрúгой день раным ранѡ,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны,
И распушал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повысить товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На дрúгой день ставал Садкѣ раным ранѡ,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распушал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую нового-
родскую.

Опять выкупал товары новгородские,

Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садкѣ раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгород-
скую.

Как тут Садкѣ пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Още повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский,—
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садкѣ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;
На ты на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садкѣ по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во синее море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,

Насынал бочки сороковки красна золота,
чиста серебра,

Поезжал назад во Новгород,

Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,

Застоялись черлены корабли на синём
море:

А волной-то бьет, паруса рвет,

Ломает кораблики черленные;

А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садкё купец, богатый гость,

Ко своей дружины ко хоробряя:

«Ай же ты, дружинушка хоробряя!

Как мы век по морю ездили,

А морскому царю дани не плачивали:

Видно, царь морской от нас дани требует,

Требует дани во синем море.

Ай же, братцы, дружина хоробряя!

Взимайте бочку сороковку чиста серебра,

Спускайте бочку во синем море».

Дружина его хоробряя

Взимала бочку чиста серебра,

Спускала бочку во синем море:

А волной-то бьет, паруса рвет,

Ломает кораблики черленные;

А корабли пейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробряя

Брала бочку сороковку красна золота,

Спускала бочку во синем море:

А волной-то бьет, паруса рвет,

Ломает кораблики черленные;

А корабли всё нейдут с места на синем
море.

Говорит Садкѣ купец, богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны
Я сам сделаю на красном на золоте
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому итти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садкѣ делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды плывут,
А у Садка купца ключом на дно.
Говорит Садкѣ купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребей вольжаный».
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садкѣ делал жеребей вольжаный,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды плывут,
А у Садка купца ключом на дно.¹

.....

¹ Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дружине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовое; потом дружина делает жеребья липовые, а он дубовое. (Примеч. собирателя.)

Говорит Садкѣ купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяхную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяхную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именьеде отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье дружины хоробрыя.
Говорил Садке купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игривати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на
синем море».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.
Остался Садке на синем море.
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море, на самом дне.

Сквозь воду увидел пекучись красное
солнышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидел Садкѣ, во синем море

Стоит палата белокаменная,

Заходил Садкѣ в палату белокаменну:

Сидит в палате царь морской,

Голова у царя, как куча сепная.

Говорит царь таковы слова:

«Ай же ты, Садкѣ купец, богатый гость!

Век ты, Садкѣ, по морю езживал,

Мне царю дани не плачивал,

А новь весь пришел ко мне во подарочках.

Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:

Поиграй же мне в гуселки яровчаты».

Как начал играть Садкѣ в гуселки яровчаты,

Как начал плясать царь морской во синем
море,

Как расплясался царь морской.

Играл Садкѣ сутки, играл и другие,

Да играл еще Садкѣ и третьи,

А все пляшет царь морской во синем море.

Во синем море вода всколыбалася,

Со желтым песком вода смутилася,

Стало разбивать много кораблей на синем
море,

Стало много гинуть именьеидев,

Стало много тонуть людей праведных:

Как стал народ молиться Миколы

Можайскому.

Как тронуло Садка в плечо во правое:

«Ай же ты, Садкѣ новгородский.

Полно играть в гусельшки яровчаты».

Обернулся, глядит Садкѣ новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садкѣ новгородский:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай,
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенечков не пригодилось,
Не во что больше играть:
Приломались гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садкѣ, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти:
Позади идет девица-красавица,
Красавица-девица Черनावушка, —
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать во перву ночь,
Не твори с женой блуда во синем море:
Останешься навеки во синем море;
А ежели не сотворишь блуда во синем
море,
Ляжешь спать о девицу-красавицу,

Будешь, Садкѣ, во Новеграде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй дерковь соборную Миколы
Можайскому».

Садкѣ струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему дарь морской:
«Ай же ты, Садкѣ Новгородский!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
«У меня струночки во гуселках выдер-
нулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодилось».

Говорит дарь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говорит ему Садкѣ новгородский:
«У меня воля не своя во синем море».

Опять говорит дарь морской:
«Ну, Садкѣ, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».

Вставал Садкѣ поутру ранешенько,
Поглядит, идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Черनावушка:
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошел у них столованье почестен
пир,
Как ложится спать Садкѣ во перву ночь,

Не творил с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит, ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во
синем море:

«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинишку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарния.
Начал Садке выгружать со черленых
со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил деркву соборную Миколы
Можайскому.
Не стал больше ездить Садке на сине
море,
Стал поживать Садке во Нове-граде.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-за того острова Кадольского,
Из-за того ли моря за Дунайского,
Выходило, выбегало тридцать кáраблей.
Ино на тых было тут на кáраблях
Тридцать молодцев без единого,
Сам Соловѣй во тридцатых,
Тридцать одна его матушка родна.
Хорошо кáрабли изукрашены,
Хорошо кáрабли измаряжены:
И нос корма да по-туриному,
Широки́ бока по-лосиному
Парусы крупчатой камки,
Якори на кáраблях булатнии,
У якорѣв колечика серѣбрянии,
Кадолы-ты из семи шелков;
И место было руля повешено
По заморскому соболу по дорогомю,
Да руль-то был запала́женной.
И на том было как на кáраблѣ
Млад Соловейко Гудими́рович.
Сам сговори́л таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
Делайте дело повелѣное,
Слушайте бóльшого атамана.
Вы берите-тко трубочки подзорныи,

Глядите во славно во синё морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Наглядите в присталь карабельноюю.
И ставали во машты высокии,
Делали дело повеленое,
Слушали бóльшого атамана,
Глядели во славно синее морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Углядели присталь карабельноюю.
Скоро будучи с кáраблем под Киевом,
Забегали во присталь карабельноюю,
Пáрусы спускали крупчатой камки,
Якори бросали булатнии.
Згóворит млад Соловѣй сын Гудимировиц:
«Сходенку выкидывай серебряную,
Другу выкидай подзолоченую,
Третью выкидай испово́жаную.
Берите подарки умильнии,
Куниц вы лисиц да заморскихх».
Брали ёны во бѣлыи руки,
Матушка камочку узорчатую,
И сам берет гуселка ярóвчатый,
И сам идет по сходенки золоченыи,
Матушка идет по серебряныи,
Вся его двужина по испово́жаныи;
Приходят оны ко Владимиру на двор.
Приходит в палату грановитую,
Крѣст кладѣт по-писаному,
А поклоны-ты ведѣт по-учѣному,
На все три ведь на четыре он на стороны,
Тому ли Владимиру в особину.

Подают ему подарочки хорошие,
Матушку камочку узорчатую
Молодой княгини Опраксии.
Взимает княгиня на белѣи руки,
А взимает княгиня, дивуетси:
Да не дѣрога камочка заморская,
А ѣ дѣроги узоры заморскіи!
Стал его Владимир выспрашивати,
Стал его Владимир выведывати:
«Ты скажись, молодец, со коѣй земли,
Как молодца именѣм зовут?»
Подходит к ему поблизѣшенько,
Поклонился князю сам низѣшенько:
«З-за того я моря з-за Дунайского,
З-за того я острова Кадольского,
Душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловѣйко да сын Гудимирович». —
«Ты зачем же сюда побывал ко мни?
Торгом торговать ли на съезд ко мни,
Ли на съезд ко мни, ли на житьѣ пожить?»
Ответ держал Соловеюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«Неторгом торговать да не на съезд к тебе,
Я приехал к тебе как на житьѣ пожить.
Дай-ко мне да топерь мѣстечка
Подли себѣ да ты подли бочка.
Есть у тя молода племянница,
Молода Забавушка Путятична,
У ней как есть во зеленѣх садах
Дубьница вязь повѣрощеноѣ:
Позволь-ко мне-ка нуль су повырубити,
Из саду вон мне повыметати,
Построить мне да там три терема,

Со трѡими со сїнями¹ с нарядними». Згѡворит Владимир таковое слово:
«За тыи за речи умильнии,
За твои слова постановныи,
Ступай нынь теперь в зеленѣи сады,
Делай ты дело повеленое». Также приходит Соловьюшко,
Млад Сѡловей да сын Гудѣмирович,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцов без единого:
«Делайте вы дело повеленое,
Слушайте бѡльшого атѡмана,
Берите вы нынь да во белы руки
А и ты ль топорики булатнии,
Поделайте кирочки, лопаточки,
Поди вы таперь да в зеленыи сады —
Дубья вы вязья всё повѣрубите,
Да из саду вон да вы повѣмечите,
А тыи коренья вы повѣкопайте;
Постройте вы там да ровно три терема,
Со трѡима со сїнями с нарядними, —
Поутру мне-ка стать нынь-ка жить пойти». Делали дело повеленое,
Слушали бѡльшого атѡмана,
А имали топорики булатнии,
Поделали кирочки, лопаточки,
Дубья-то вязья повѣрубилѣи,
Из саду вон как тут повѣметали,
Построили оны весть тут три терема,
Со трѡима со сїнями с нарядними;
К утру свету они жить пошли.

¹ С сениями.

Поутру было как тут ранёшенько,
А ставала как есть пынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тут белёшенько.
Утиралась полотёнушком сушёхонько,
Она господу богу помолиласе,
Глядела она тут во окошечко,
Сама-то она тут счудоваласе.
Сама-то она тут сдивоваласе:
«Что это нынь чудо счудилосе,
Вино пиво да воспрокурилосе.
А во моих теперь зеленых садах
А дубышко вяза все повырублено.
А из саду вои оны повбиметаны». —
Как шубу надевала на одно плечо,
Баумачки надевала на босу ногу,
Пошла она Забава в зеленые сады,
Приходит она ко перву терему, —
В первом терему шопотком говорят:
Молится матушка ведь господу,
Умаливат за сына за любимого,
За молодого сына Гудимирова.
Приходит она ко другу терему, —
В другом терему стучит-гремит,
Стучит-гремит как золота казна:
Считает Соловей да золоту казну,
Золоту казну он тут бессчетную.
Приходила она ко третью терему, —
Там играют во гуселка яровчатин,
Тошцы ведут от Новá-города,
Други ведут-то от Ерóсолима,
Припевы припевают хорошие.
Заходила Забава Утятична.

Во тот ли она во белѡй шатѣр,
Крѣст она клала по-писанѡму,
Поклоны-ты вела как по-учѣнѡму,
На вси три ведь на четыре как на стороны
Той ли дружины в особину;
Сидилась на брусѡву пову лавочку,
Сидела она, видно, день с утра,
День с утра она до вечера,
А от вечера как до полуночи,
От полуночи как до белѡ свету.
Поутру было тут поранѣшенько
Приходит душечка удалый молодец,
Млад Соловейка сын Гудимирович,
Сам он говорит таковѡе слово:
«Чья у вас девица присватанная,
Чья у вас девица незнаемая».
Ставала Забава на резвы поги,
Поклонилась Забава до самой земли:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
Млад Соловейко Гудимирович.
Есть ты молодец ведь неженѣнный,
Я ли девица на выдаваньи».
Зговорит душка удалый добрый молодец,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«За всё тебя девица, за всё люблю,
За одно тебя девица я никак не люблю,
Ты сама себе девица просватала...
Стунай-ко девица ты во свой нынѣ дом,
Бей-ко челом, поклоняйси-тко
Князю ль тому же ты Владимиру,
Чтобы он завёл как нынѣ почестный пир».
Так пошла нынѣ девица как во свой тут
дом,

Била девица и челом она
Ко тому ко князю Владимиру:
«Ты послушай-ко нынь, мой ты дядюшка,
Ты Владимир князь-ко стольне-киевской.
Во своей полаты грановитыи
Для меня любимой племянницы
Заведи-ко ты ныни как почестный пир,
Чтобы было мне чим нынь похвастати».
А как завел ей ведь тут дядюшка,
Он завел нынь тут как почестный пир.
На том на пиру да было весело,
Пили, ели, проклаждалися.
Тогда приходит удалый молодец,
Млад Соловейко сын Гудимирович,
Берет её девицу за белы руки,
Пошли оны с девицей во божью церкву,
Златыми перстнями да обручались,
Златыми венцами да повенчались.
Приходит Соловёй ко Владимиру,
Приносит благодарность великую,
Делат почёт ему честныи,
Честныи почёт и благодарныи.
Пошел Соловёй да во свой тут дом,
Стал Соловёй-то жить и быть,
Мёжу собой времечки корótати.
Здунинай Дунай сын Иванович Дунай,
Сын Иванович Дунай про то дело не знай.
Мхи да болота в Помóрской стороны,
Щелья-каменья Подсёверной страны,
Претолстыи горы высокии,
Превысоки леса все дремучии.
А рострубисты сарафаны по Моше по реки,
Здунинай Дунай про то дело не знай.

ВОЛЬГА

Закатилось красное солнышко
За лесушки за темныя, за моря за
широкия,
Россаждалися звезды частыя по светлѹ
небу:
Порождался Вольга, сударь Буславлевич,
На святой Руси.
И рос Вольга Буславлевич до пяти годков,
Пошел Вольга, сударь Буславлевич,
по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах разбежались,
Птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались.
И пошел Вольга, сударь Буславлевич,
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких языков он разных;
Задался Вольга, сударь Буславлевич,
на семь год,
А прожил двенадцать лет,
Обучался хитростям-мудростям,
Всяких языков разных.
Собираал дружину себе добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать богатырей без единого,

Сам естановился тридцатым:
«Ай же вы, дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте большего брата атамана-то,
И делайте дело повелёное:
Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы кунци, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкопучных белых зайчиков,
Белых зайчиков, малых горностаюшков,
И ловите по три дня по три ночи».
Слушали большего брата атамана-то,
Делали дело повелёное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лесу, по
сырой земли,
Ловили по три дня по три ночи,—
Не могли добыть ни одного зверка.
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Повернулся он левым зверём;
Поскочил по сырой земли по темну лесу,
Заворачивал кунци, лисиц
И диких зверей, черных соболей,
И белых поскакучных зайчиков,
И малых горностаюшков.
И будет во граде во Киеве
А со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольга, сударь Буславлевич:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слушайте большего брата атамана-то
И делайте дело повелёное,
А вейте силышка шелковыя,

Становите силышка на темный лес,
На темный лес на самый верх,
Ловите гусей-лебедей, ясных соколей,
А малую птицу-ту, пташину,
И ловите по три дни и по три ночи.
И слухали большого братца атамана-то,
А делали дело повелёное:
А вили силышка шёлковы,
Становили силышка на темный лес на
самый верх;
Ловили по три дни по три ночи, —
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Науй-птицей,
Полетел по подоблачью.
Заворачивал гусей-лебедей, ясных соколей
И малую птицу-ту, пташину.
И будут во городе во Киеве
Со своей дружинишкой со доброю;
Скажет Вольга, сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте большого братца, атамана-то,
Делайте вы дело повелёное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевьи шелковые,
Выезжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжнику да безужинку,
Щученьку, плотиченьку
И дорогую рыбку осётринку,
И ловите вы по три дни по три ночи.
И слухали большого братца, атамана-то.
Делали дело повелёное:

И будет скоро во той земли Туредкою,
Будет у сантала¹ у турецкого,
А у той палаты белокаменной,
Против самых окошечек,
И слухает он речи тайные.
Говорит царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А ты знаешь ли про то, ведаешь?
На Руси-то трава растет не по-старому,
Цветы цветут не попрежнему,
А на Руси трава растет не попрежнему,
А видно Вольгѣ-то живаго нет.
А поеду я на святую Русь,
Возьму я себе дсвятъ городов,
Подарю я девѣтъ сынов,
А тебе, царица Панталовна
Подарю я шубоньку дорогу».
Проговорит царица Панталовна,
«Ай же ты, царь Туред-санта!
А я знаю про то, ведаю:
На Руси трава все растет по-старому,
Цветы-то цветут все попрежнему.
А ночесь спалось, во снах виделось:
Быв спод восточныя спод сторонушки
Налетала птица малая пташица,
А спод западней спод сторонушки
Налетала птица черной ворон;
Слетались оны во чистом поле,
Промежду собой подиралися;
Малая птица-пташица
Черного ворона повыклевала,

¹ Султана.

И по перышку она повыщипала,
А па вѣтер все новыпускала.
То есть Вольга, сударь Буславлевич,
А что черной ворон — Турец-санталя.
Проговорит царь Турец-санталя:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А я думаю скоро ехать на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу себе шубоньку дорогу».
Говорит царица Панталовна:
«А не взять тебе девяти городов
И не подарить тебе девяти сынов,
И не привезти тебе шубоньки дорогой!»
Проговорит царь Турец-санталя:
«Ах, ты, старый чорт!
Сама спала, себе сон видела!»
И ударит он по белу лицу,
И повернется — по другому,
И кинет царицу о кирпичен пол,
И кинет второй-то раз:
«А поеду я на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу себе шубоньку дорогу!»
А повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Повернулся серым волком,
И носкочил-то ён на конюшен двор,
Добрых коней тех всех перебрал,
Глотки-то у всех у них перервал.
А повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Малым горностаюшком,
Поскочил во горницу в оружейную,

Тугие луки переломал,
И шелковые тетивочки перервал,
И каленые стрелы все новыломал,
Вострые сабли новыщербил,
Палицы булатные дугой согнул.
Тут Вольга, сударь Буславлевич,
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Малою птицею-пташницей, —
И будет скоро во граде во Киеве,
И повернулся он добрым молодцом,
И будет он с своею дружиною со
доброю:

«Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемте мы во Турец-землю».
И пошли оны во Турец-землю,
И силу турецкую во полон брали:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Станем-те теперь полону поделять!»
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружие булатное по шести рублей,
Вострые сабли по пяти рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево — женский пол.
Старушечки были по полушечки,
А молодунечки по две полушечки,
А красные девушки по денежке.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга растётъ, матерётъ,
Похотелоя Вольги да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги во синних
морях,
Птицей-соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то вси рыбушки во глубокі моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.
Стал Вольга он растётъ, матерётъ
И сберал соби дружинушку хоробую,
Тридцать молодцев без единого.
Сам еще Вольга во тридцатых.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевской;
Жаловал его трема городама всё крестья-
намы:
Первым городом Гурчовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Высхал Вольга во чистó поле,
Ен услышал во чистóм поли ратоя;
А орет в поле ратой, понѹкиваетъ,
А у ратоя-то сошка поскрѣпываетъ,
Да по камешкам омешки прочѣркиваютъ.
Ехал Вольга он до ратоя,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орѣт-то в поли ратой, понѹкиваетъ,
А у ратоя сошка поскрѣпываетъ,
Да по камешкам омешки прочѣркиваютъ.
Ехал Вольга еще дрѹгой день,
Дрѹгой день с утра до пѣбедья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Ен наехал в чистóм поли ратоя,
А орет в поле ратой, понѹкиваетъ,
С края в край бороздки помѣтываетъ,
В край он уедет — другого нѣ видѣть.
То коренья камѣнья вывѣртываетъ,
Да великия он камѣнья вси в бóрозду
валитъ.

У ратоя кобылка солóвенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелкóвыя.
Говорил Вольга таковы слова:
«Бог теби помочь, орѣтающкó,
А орать да пахать да крестьяноватѣ,
С края в край бороздки помѣтыватѣ!»
Говорил оратай таковы слова:
«Да поди-ко ты, Вольга Святославгович!

Мни-ка надобно божья помочь крестья-
новать;

С края в край бороздки помётывать.
А и далече ль Вольга едешь, куда путь
держишь

Со своею со дружинишкой хороброю?»

Говорил Вольга таковы слова:

«А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурчѣвцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу».

Говорил оратай таковы слова:

«Ай же, Вольга Святославгович!

Да недавно был я в городе — третьего дни

На своей кобылке соловою,

А привез оттуль соли я два меха,

Два меха-то соли привез по сороку пуд,

А живут мужики там розбойники,

Ены просят грошѣв подорожных.

А я был с шалыгой подорожною,

А платил им гроши я подорожных:

А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,

А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит».

Говорил Вольга таковы слова:

«Ай же, оратай оратаюшко!

Да поедем-ко со мною во товарищах,

Да ко тем к городам за получкою».

Этот оратай оратаюшко

Гужики с сошки он повыстенул

Да кобылку из сошки повывернул,

А со тою он сошки со кленовенькой,

А й оставил он тут сошку кленовую.

Он сажился на кобылку соловешку;

Они сели на добрых коней, посхали
По славному роздолю чисту полю.
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославгович!
А оставил я сошку в бороздке
Да не гля-ради прохожего, проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколют, —
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повитряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст».
Молодой Вольга Святославгович
Посылает тут два да три добрых молодца
Со своей с дружинушки с хороброю
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повидернули,
Из омешиков земельку повитряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туды два да три добрых молодца
Ко этой ко сошке кленовой;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошку от земли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки
повидернути,
Из омешиков земельки повитряхнут,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброю

А ко этой ко сошке кленовой.
Приехали оны целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружком вертят, —
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повый-
дернуті,
Из омешиков земельки повыйтряхнуті,
Бросить сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единого.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единого,
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят, —
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повый-
дернуті,
Из омешиков земельки повыйтряхнуті,
Бросити сошки за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославгович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
А не могут оны сошки с земельки повый-
дернуті,
Из омешиков земельки повыйтряхнуті,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая.
Столько одна есте хлебоясть».
Этот оратай оратаюшко,
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,

Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному роздолю чисту полю.
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольгин тот конь да поскакивает
А у ратоя кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-тот конь оставаётся.
Стал Вольга покрывивати,
Стал колпаком Вольга помаховивати,
Говорил Вольга таковы слова:
«Стой-ко, постой, да оратаюшко!»
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай оратаюшко,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дал».
Говорил оратай таковы слова:
«Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот
рублей:

Этая кобылка конём бы была,
Этой бы кобылке и сметы нет».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай оратаюшко!
Как-то тебя да именём зовут,
Как звеличают по отчеству?»
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга ты Святославгович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,

Домой віволочу́, дома вй́молочу́.
Драни надеру да то я пй́ва наварю́,
Ийва наварю́, мужичко́в напою́,
Станут мужички мене поклі́кивати:
Ай ты, мо́лодой Микулушка Селя́ниновичу́!

СВЯТОГОР

Ездил-то Илья да по чисту полю,
Да наехал Илья на поляниду тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил ёво палицей по буйной главы,
Да ударил ён тут во другие раз,
Да ударил ён ведь тут да в третий раз,
И розгорелось у ёво сердце богатырско,
У тово ли у Самсона Святигора у
богатыря.

Дал-то-ко Илью да за белы руки
И положил-то-ко Илью да во карман к
себе,
И дал-то-ко Илью да во кармане у себя.
Еще стал тут ведь конь да попинатисе.
«Еще что ты тут, волчья сыть да
травяной мешок!

Еще что ты тут ведь да запинаешься,
Еще разве ты незгону мне-ка ведаёшь?»
И да проведиhsя ведь конь языком
человеческим:
«Еще где мне-ка возить да двух богатырей
с конём».

И вынимал тут Самсон Илью да из
кармана тут,
Да поехали с Ильей да по святым горам,

Еще стал Самсон-Святигор тут выспра-

шивать:

«Да велика ли в тебе да еще сила есть?» —

«А й во мне ведь еще сила небольшая есть,
Еще только побиваю я ведь храбростью
своей». —

«И да славные Илья да ведь ты Муромец!

Да ведь во мне-то сила да такая есть,
Кабы в земною-то обширности был столб,
Да как был бы-то в небесной вышины,

Да кабы было в столбѣ в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подвселенную».

И поехали-то тут они да по святым

горам,

И наехали на тех они на святых горах,

Да лежат тут да ведь две сумы переметные,

И говорит тут Самсон да таково слово:

«Уж ты славные Илья да ты Муромец!

Сходи-ко ты, Илья, да со добра коня,

И каки тут лежат две сумы переметные,

Поздымай-то ты сумы переметные».

Сходил-то-ко Илья да со добра коня.

И он примаётся за ты сумы за переметные,

Еще те ли сумы с места не здымаются.

Сходил-де ведь Самсон да со добра коня,

Еще сам-то за сумы да принимается,

Еще те ли-де сумы да с места не

здымаются,

А все жилы и суставы у Самсона

ропущаются.

И по колено-то в землю Самсон убирается.

(Тут Илья его и похоронил.)

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАВИЛЫ СО СКОМОРОХАМИ

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ней было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишла белую ишоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселье,
Веселье люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здравствуешь, честна вдова
Ненила!

У тя где чадо да нынь Вавило?» —
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишла белую ишоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдём к Вавилушку на ниву;
Он не идёт ли с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуешь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишла белая ишоница засевати,
Родна матушка тебе кормити!» —

«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли ведь тут да скоморошить;
Мы пошли на иинишшюё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ииша сына его да Перегуду,
Ииша зятя его да Пересвета,
Ииша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдём, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то чадо Вавило:
«Я ведь песён петь да не умю,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособитъ.
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцё, —
А и стало тут погудальцё;
Ииша были в руках у его да тут ведь
вожжи, —
Ииша стали шолковые струнки.
Иише то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые;
Он похóдит с има да скоморошить.
Он повёл их да ведь домой жа.
Ииша тут честна вдова да тут Невна
Ииша стала тут их кормити.

Понесла 'на хлебы-те ржаные, —
А и стали хлебы-те пшённы́е;
Понесла 'на куру-тѹ варёну, —
Ишла кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишла та вдова да тут Ненила
Ишла видит, люда тут да не простые,
Не простые люди-те, святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге.
На гумне мужик горох молотит.
«Тобе бог помѡшь, да ведь крестьянини,
На бѣло́ горѡх да мо́лотити». —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на и́нишнёѡ царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишла сына его да Перегуду,
Ишла зятя его да Пересвета,
Ишла дочь его да Перекрасу». —
Говорил да тот да ведь крестьянини:
«У того царя да у Собаки
А окол двора да тын железной.
А на каждой тут да на тычиньке
По человечей-то сидит головки,
А на трёх ведь на тычинках
Ишла нету человечих-то тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». —
«Уж ты ой еси, да ты крестьянини!
Ты не мог добра нам ведь и здумать.
Ишла лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек

А во звончатой во переладець;
А Кузьма с Демьяном припособятъ.
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигами шибати;
Зашибал, он думат, голубят-то, —
Зашибал да всех своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Ети люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Ииша я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге.
А на стречу им идё мужик горшками
торговати.
«Тобе бог помошь да те, крестьянин,
А-й тебе горшками торговати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на иинишоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ииша сына его да Перегуду,
Ииша зятя его да Пересвету,
Ииша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окёл двора да тын железной,
А на каждой тут да на тычиньке
По человечей-то сидит головке,
А на трёх-то ведь на тычинках

Нет человечиx да тут головок;
Тут вашим да быть головкам». —
«Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог да добра нам ведь здумать.
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели куроукі с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачми;
Ишша стали мужику-то по оглоблям-то
садитьсе.

Он ведь стал тут их да бити
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Розвязал да он да свой возочек, —
Полетели куроуки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел во своём-то он возочку, —
Ишше тут у его одны да черепочки.
«Ой! я тяжко тут да согрешил ведь:
Ето люди шли да не простые,
Не простые люди-ти, святые, —
Ишша я ведь им год не молился».
А идут скоморохи по дороге.
Ишша красная да тут девида
А она белё да полоскала.

«Уж ты зравствуёшь, красна девица,
На белѣ холсты да полоскати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на иинишоѣ царство
Переигрывать царя Собаку,
Еише сына его да Перегуду,
Еише зятя его да Пересвета,
Еише дочь его да Перекрасу».
Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ииша сына его да Перегуду,
Ииша зятя его да Пересвета
А п дочь его да Перекрасу». —
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты-ти ведь холщовы,
Ииша стали шолковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Ииша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге.
А идут на иинишоѣ царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек

А во звончатой во переладец, —
Ииша стала вода да прыбывати:
Ииша хочё водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
И во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
И пошли быки-те тут стадами
А стадами тут да табунами,
Ииша стали воду да упивати:
Ииша стала вода да убывати.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось иинишнёе царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привёз ведь тут да свою мать.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ

В стольном Новгороде,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской:
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентьище:
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тышишке по мавкоке,
А и есть по жемчужнике;
Ворота были валящатые,
Верен хрустальные,
Подворотина рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит —
Покрыша седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица то валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на середе кроватка стоит.
Да кровать слоновых костей.
На кровати перина лежит,
На перине зголовье ложит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,

**Мария Дмитриевна Кривоноженко,
финская сказительница конца XIX
и начала XX в.**

Со полуночи недюжна вся, —
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,

.
.
.

Говорила молодая жена Авдотья Ива
повна:

«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентьище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей;
Ты поди, дохтуров добывай,
Волхи-то спрашивати.
А в та поры Терентьище,
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал;
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет Терентьище
У честна креста Воздвиженья,
У жива моста Казинова;
Встречу Терентьищу
Веселые скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи очестливые,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствуй, богатой гость,
По имени Терентьище!

Доселева-то слыхом не слышать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентьище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая». —
А и на то-то он не сердится;
Говорит им Терентьище:
«А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не сам я Терентий зашел,
И не конь-то богатого завез;
Завела нужда, бедность;
... у меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.

Она с вечера трудна, больна,
С полуночи недужна вся, —
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утис в хребте,
Пустился недуг к сердцу,

.....

А кто-бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей —
Без единыя денешки».

Веселые молодцы догадались,
Друг на друга оглянулись,
А сами усмехнулись:

«А и ты гой еси, Терентьище,
Ты нам что за труды заплатишь?» —
«Вот вам даю сто рублей».

Повели его, Терентьища,
По славному Новугороду,
Завели его, Терентьища,
В тот во темный ряд,
А купили шелковой мех:
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленой ряд
Да купили червленой вяз,
А и дубину ремсчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за все десять алтын.
Посадили Терентьища
В тот шелковый мех,
Мехоноша за плеча взял,
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«А и вы гой еси, веселые молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в дому нет?»
Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А мы тебо челобитье несем
От гостя богатого,
А по имени Терентьища».
И она спохватилася за то:
«А и вы гой еси, веселые молодцы!
Где его видели,
А где про него слышали?»
Отвечают веселые молодцы:
«Мы его слышали,

Сами доподлинно видели
У честна креста Воздвиженья,
У жива моста Калинова
Голова по себе его лежит,
И вороны в... клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельды
И пропойте-ко песенку
Про гостя богатого,
Про старого ... сына,
И по имени Терентьища;
Во дому бы его век не видать».
Веселые скоморохи
Садились на лавочки,
Заиграли во гусельды,
Запели они песенку:
«Слушай шелковой мех,
Мехопоша за плечами,
А слушай, Терентий гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища,
Про старого ... сына:
Во дому бы тебя век не видать;
Шевелись шелковой мех,
Мехопоша за плечами,
Вставай-ко, Терентьище,
Лечить молодую жену,

Бери червеной вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ко, Терентьище,
По своей светлой грядке
И по середе кирпичатой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине, ко пуховая,
А лечи-ко ты, Терентьище,
А лечи-ко ты молодую жену
Авдотью Ивановну».
Вставал же Терентьище,
Ухватил червеной вяз,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,
Походил он, Терентьище,
По своей светлой грядке,
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молодой жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб,
Посмотрит Терентьище
На кровать слоновых костей,
На перину, на пуховую, —
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом собольим;
Он-то, Терентьище,
Недуга-то вон погнал,
Что дубиною ременчатою;
А недуг-от не путем
В окошечко скочил,
Чуть головы не сломил —

На корачках ползёт,
Едва от окна отполз.
Он оставил недужище:
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублей
В та поры Терентьище
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

ПТИЦЫ

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становилась зима да от морозов,
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тепло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего дунайского моря
Налетала малая птица певича.
Садилась птица певича
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садилась птички рядом,
И в одну сторону да головами,
И пачали птицу пытати:
«А й же ты, милая птица певича!
И кто у нас за морем большой,
Кто за дунайским меньшей?» —
«На море колник-от царик,
Белая колница царица.
На мори гуси бояра,
А лебедушки были княгини.
На море рябчик стряпчой,
И на море жерав¹ переводчик.

¹ Журавль.

Пожки беленьки, топешьки,
Пшаники синеньки, узеньки,
По морю ходит и бродит,
Пшаничков не смочит,
Каждую птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На мори дятел-от плотник,
Каждое дерево пытается,
С тово ради сыт пребывает.
А застужки были девицы,
Утужки молодицы,
Чаюшки водоплавы,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян розоряёт.
С того ради сыта пребывает.
А синюшка она худая,
Часто, милая, она хвораёт,
Долго она не умираёт.
Работы работать не умеёт,
Казаков нанимать не смыслил.
А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по омётам,
Всё она крестьян розоряёт,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы,
Кольё-жердьё подбирают
И загоры подпирают,
Всё они крестьян розоряют,
С тово ради сыты пребывают.

А голубь от на море попик,
А голубушки-попадьюшки.
А сорока, кабацкая женка,
С ножки на ножку ступаёт,
Черные чéботы топтаёт,
Высоко чéботы топтаёт,
Удалых молодцов прельщаёт.
Петушки казачки были донские,
Имеют по хозяйки и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянина,
Одну-то он жепку имеет,
А той нарядить не умест,
А бить-то ей бедной не смеёт.
Курица, победная птица,
По улице ходит и бродит.
Кто ведь ей изымаёт,
Всяк яйца у ей пытается.

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону,
В избе на дому,
На крутых берегах,
На печи на дровах.
Высота ли высота потолочная,
Глубока глубока подпольная,
А и широко раздолье перед печью шесток,
Чистое поле по полавичью.
А и синее море в лохани вода,
А у белого города у жернова
А была стрельба веретеная,
А и пупки мушкетеры горшечные,
Знамена поставлены панельные,
Востры сабли кокошники,
А и тяжкие палицы шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жерному,
О том пироге, о ячнем мучнике.
А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на тута на драку великой бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка, Никитин сын,
А и шуба то на нем была свиных хвостов

Болезтью опушено, комухой подложено,
Чирьи да вереды то пуговки
Сливные коросты то петелки

.
.
.
.

А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, они песни поют,
Бездырные бегут . . .
Безносыые бегут, понюхивают,
Безрукой в тоноры клеть покрал.
А на гумну безрукой за пазуху накла,л,
Безъязыкова того на пытку ведут,
А повешенные слушают,
А и резаной в тот в лес убежал.
На ту же на драку великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри.
А у первого могучего богатыря
Блищами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пронорono.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, ови горит
С репою со печенкою,
А и среди синя моря Хвалыпскова
Вырастал ли тут кряковист дуб,
А на том на сыром дубу кряковистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила, и детей она свела,
Сивеньких поросяточек,

Поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегались,
А в воду они глядят, притонуть хотят.
В поле глядят, убежать хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
Хоть вправо держи, хоть влево, затем
куда хошь,
Они на небо глядят, улететь хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и черт ли видел, что медведь летал,
Бурю корову в когтях носил,
В ступе де курица объягнилася,
Под шестком да корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася,
А и то старина, то и деянье.

СТАРИНА О ЛЬДИНЕ И БОЕ ЖЕНЩИН

Как во славном во городе во Туесе
Да жила была льдинушка клягиною;
Да до Петрова дни дарила да там
ростояла.¹

Да не стало у нас в городе управителя.
Роздразнися невески да со золовками
А боёвыми палками-мутовками,
Да вострыма копьями да всё верётнами.
Пироги они, шаньги да в полон брали,
Они кашу-горюшу-да обневолили,
Кабы кислы-ти шти да на уход ушли,
Еще ссть ли хозяин да во своём дому?
Прыкажи, сударь-хозяин, да старину
сказать,

Старину сказать да стародавнюю,
Кабы синёму морю да на утишину,
Кабы добрым людям да на послушанье,
Как черным-ле воронам да на пограяньё
Да лайдивым собакам да на полаяньё.

¹ Растаяла.

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылиця в лицах, небывальшника,
Небывальшина да неслыхальшина:
Ишша сын на матери снопы возил,
Всё снопы возил да всё коноплены.
Небылиця в лицах небывальшника,
Небывальшника да неслыхальшника:
На гори корова белку лаяла,
Ноги роширят да глаза выпучит.
Небылиця в лицах, небывальшника,
Небывальшника да неслыхальшника:
Ишша овця в гнезди йицё садит,
Ишша куриця под осеком траву секёт.
Небылиця в лицах, небывальшника,
Небывальшника да неслыхальшника:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками лапками пом хиват,
Он черным хвостом тут поправливает.
Небылиця в лицах, небывальшника,
Небывальшника да неслыхальшника:
По синю морю да жорнова плывут.
Небылиця в лицах, небывальшника,
Небывальшника да неслыхальшника:
Как гулял Гудейко сорок лет за пецью,
Ишша выгулял Гудейко ко пецьню столбу
Как увидел Гудейко в лоханки во аду;

«А не то ле, братци, синё морё».

Как увидел Гулейко, из дынки ложкой
шти хлебают:

«А не то ле, братци, кораблѣ бежат,
Кораблѣ бежат, да всё гребци гребут?»
Небылиця в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

ПАРОДИЯ

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уедено,
Не баско-хорошо было, не изношено,
На царев кабак да было сношено.
Походит Васенька на царев кабак,
Поносит шапочку пухов калнак,
Большими то тюеми он припахлапыват.
Слепыми те глазами он да

прироспилькиват;

Приходит Васенька да на царев кабак
Отдават шапочку пухов калнак,
Просит за шапочку пятьсот рублей,
А дают ему петь копеечек.

ПАРОДИЯ

Как во славном во городе Никове
Собиралисе ребятушка молоко хлѣбать.
Еще много людей да собиралисе,
Еще много людей соеждалосе,
И все на пиру молока досыта пахлебалисе,
И все были гóворы и все были вѣсслы,
А одной Куроптѣмнушки за бѣду пошло,
Она хватилась — Прокопья нет.
Побежали в тѣмны погребы,
Прибежала в погребы — Прокопий сидит
У обреза лнственничного.
Тут Прокопшию славы поѣтъ.

СКОМОРОШЬЯ ПРИБАУТКА

Ай чистыи поля были ко Опскову,
А широкі раздольица ко Кневу,
А высокия-то горы Сорочинскии,
А церковно-то строенье в камешной
Москвы,
Колокольніей-от звон да в Нове-гóроде,
А й тёртыя колачики Валдайскии,
А й шапливы щеголиви в Яросла́ви городи,
Дешевы поделуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синію морю,
А щельё каменьё ко сіверику,
А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Оне́ги по рекѣ,
Толстобрюхне бабенки Лёшмозёро́чки,
А й пучеглазыѣ бабенки Пошозёро́чки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боло петь вперед не знай.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Наименование «исторические» закрепилось за песнями, которые связаны с конкретными историческими событиями и определенными историческими лицами. Термин этот был выдвинут в эпоху господства мифологической школы как противопоставление термину «былина», в основе которой видели, главным образом, мифологическое содержание. Историческая школа, с ее тенденцией отыскивать и видеть в каждой былине отражение реального исторического факта, по существу стерла принципиальную разницу между былинной и исторической песнею. Былина стала рассматриваться как следующий за исторической песнею этап в развитии эпической поэзии. Процесс этот представлялся в следующем виде. Под впечатлением какого-либо события возникает историческая песня, насыщенная лиризмом. В дальнейшем происходит отмирание лирического элемента, разрушение четкости в передаче исторического эпизода, раскрашивание фантастикой. Все это вызывается потерей живой связи с историческим фактом как в результате

все большего отхода от него, так и попадания песни в новую среду — северных крестьян, стоящих в стороне от главной арены исторических событий. Как пример такой переработки лиро-эпической песни или кантилены в эпическую песню обычно приводились параллельно две песни о Михаиле Скопине-Шуйском — лирический плач, записанный вскоре после события, в 1619 году, и песня об отравлении Скопина, где факт его внезапного заболевания и последующей за ним смерти развернут в плане уже былевой песни.

Однако, как правильно отмечается некоторыми исследователями, историческая песня, соприкасаясь в части своего состава с былиной, отличается от нее по самому существу своего творческого метода: передача и истолкование определенного исторического факта является в исторической песне основным художественным заданием. Вот почему нельзя рассматривать историческую песню как начальный фазис в развитии былины. Былевой эпос в целом не развился из исторического, хотя ряд каких-то древних исторических песен, не дошедших до нас, и мог послужить материалом для создания некоторых былин. Но самое отношение к этому историческому материалу и характер его использования в былине — иные, чем это мы видим в песне исторической: здесь этот материал получает самодовлеющее значение как факт, подле-

жащий определенному творческому осмыслению и оценке.

Расцвет исторической песни относится к XVI веку и должен быть поставлен в связь с обострением классовых противоречий на почве расслоения в среде феодального боярства, усиления служилого помещичьего класса, роста купечества и т. п. В XVII веке на развитие исторических песен сильное воздействие оказали массовые движения, обусловленные усилением эксплуатации угнетенных классов. Песня продолжает создаваться и в последующие периоды, следуя всем законам фольклорного развития, изменяясь соответственно социальным тенденциям среды, в которую попадает, впитывая черты смежных фольклорных явлений, порой утрачивая свою историчность и превращаясь в бытовую песню лишь с некоторыми следами определенной эпохи. В отношении жанровых различий мы видим исторические песни, испытавшие сильное влияние былины, перенявшие в основном ее ритмический и стилистический строй, так же как и указанный выше способ исполнения. С другой стороны, мы находим собственно песню, в которой текст уже неразрывно спаян с напевом, песню, исполняемую хором, и т. п.

Первый собиратель, работавший подлинно научными методами, Петр Кирсеевский, впервые столкнувшись с исторической песней, был поражен ее разнообразной

тематикой и считал, что по песням удастся восстановить русскую историю. Действительно, диапазон исторической песни чрезвычайно широк. Она откликалась и на крупнейшие исторические события, и на разные мелкие частные эпизоды, имевшие часто лишь местное значение. Но огромный интерес и значение этой поэзии не только в широком охвате исторических фактов. Одной из главных особенностей ее следует признать четкость социальных тенденций в отличие от былины, в которой с таким трудом, вследствие специфики ее развития и сложности содержания, вскрывается классовая природа. Складывавшаяся в различных социальных группах, историческая песня, вопреки представлениям дореволюционных исследователей, готовых видеть в ней какие-то общие идеологические линии, заключает резко противоположные трактовки исторических событий и оценки исторических деятелей, воссоздавая часто, в совокупности отдельных песен и их вариантов, всю сложность социальной атмосферы определенного исторического периода. Таковы, например, песни, связанные с так называемым Смутным временем, с эпохой Петра I и др.

Особенно большую ценность представляют песни, создавшиеся или переработанные в группах, несших на себе всю тяжесть феодально-крепостнического строя, — в крестьянстве, казачестве, среди солдат. Каж-

дая из этих групп в определенный исторический период создает свои стилевые линии в области исторической поэзии, еще до сих пор совершенно не исследованные.

Районы распространения исторической песни значительно шире, чем былины. Она сохранилась и в тех местах, где былина исчезла. Наравне с былиной она живет в той же среде северного крестьянства, в сознании которого она часто и не отличается от былины и именуется тем же термином «старина», «старинка». Большое место она занимает в репертуаре казачества, где в противоположность северным районам она подчинила себе былину.

А. Астахова.

Пошла женка путем да дорогою:
Мелкие-то ручейки бродом брела,
Глубокие реки плывом плыла,
Широкие озера кругом обошла.
Чистые поля — разбойников о полночь
прошла
(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полден
прошла
(О полден люты звери да опочин держат),
Она так прошла да путем да и дорогою.
Пришла де во землю турецкую,
К царю Бахмы турецкому,
Понизешеньку ему поклонилася:
«Ты, батюшка, царь Бахмет туредкий!
Когда ты разорял старую Казань город
подлесную,
Полонил ты народа сорок тысячей,
У меня полонил три головушки:
Многого-то братца родимого
И мужа венчального,
Свекра любезного,
И пришла я к тебе выкупати хотя единыя
головушки
На дороги ли хоть на хорошие выкупы».
Отвечал ей царь, ответ держал:
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Как ты прошла путем да и дорогою?
У меня напущены были все реки-озера
глубокие,
И по дорогам были поставлены разбойники,
А во темных лесах были напущены люты
звери,

Чтобы никому ни пройти да ни проехати». Ответ держит ему Авдотья женка-Рязаночка:

«Батюшка, дарь Бахмет турецкий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пливом плыла,
Чистые поля — разбойников о полночь
прошла

(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полден
прошла

(О полден люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою». Говорит ей царь Бахмет турецкий:
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Когда ты умела пройти путем да и
дорогою,

Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единых;
А не умеешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову». Стоячись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
«Уж ты, батюшка, царь Бахмет турецкий!
Я в Казани-то была женка не последняя,
Не последняя я была женка, первая.
Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшкой;
Приживу я себе сына любезного,
Так у меня и сын будет;
Приживу я себе дочку любезную,
Воспою-скормлю, замуж отдам,

Так у меня и зять будет.
Не видать мне будет единыя головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».
Сижучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону Казань
город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца
родимого:
Не видать буде век да и по веку.
За твои-то речи разумныя,
За твои-то слова за хорошия
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном
братовстве».
Начала женка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела де полон во свою Казань город
подлесную,
Расселила Казань город по-старому,
По-старому да попрежнему.

ТАТАРСКИЙ ПОЛОИ

У колодеза у холодного,
Как у ключика у гремучего,
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Положили они красную девушку,
Полоня её замуж выдали
За младого за татарченка.

Как прошло тому ровно три года,
Положили они старую женщину,
Полоня ее стали делить,
Кому она достанется:
Как досталася теща да зятю.

Он заставил ее три дела делать:
Белыми руками тонкой кужель прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать.

Качает дитя — прибаюкавает:
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
Ты по-батюшки млад татарченек,
А по матушки родной внучек мне».

Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
«Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,

Качает дитя — прибаюкивает:

«Ты, баю, баю, моё дитятко,

Ты баю, баю, моё милос!

Ты по батюшки млад татарченко,

А по матушки родной внук мне».

Бежит, бежит молода жена,

В одной сорочке без пояса:

«Государыня моя матушка!

Для чего ж ты мне давно не сказалася?

Ты бы пила-ела с одного стола,

Носила бы платье с одного плеча!»

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни, белокаменной палаты,
От сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сон
рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что почесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделось;
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала;
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский,
А Иван сударь Васильевич, прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за
пятнадцать верст,
Становились они подконью под Булат-реку,
Подходили под другую, под реку под
Казанку,
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,

Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозри-
тель,
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему князю ответу нсту.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты, великий, сударь князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянуть.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом, —
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменные палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сынала соли на ковригу,
Она с радостью московско.о князя
встречала,

А того ли Ивана сударь Васильевича, про-
зрителя;

И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя он,
И вынял яслы очи косицами.
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую порфиру,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

ПОП ЕМЕЛЯ

Выпала порошина на талую землю;
По той по порошине шел тут обозец,
Не мал, не величек, да семеро саней,
Да семеро саней, по-семеро в саях.
Во первых-то саях атаманы сами,
Во вторых-то саях эсаулы сами,
А в четвертых саях разбойники сами,
А в пятых-то саях мошенники сами,
А в шестых-то саях да Гришка с
Маринкой;
А в седьмых-то саях сам поп-от Емеля.
Сам поп-от Емеля, а крест на рамени,
А крест на рамени в четыре сажени,
Рукой благословляет, крестом наделяет:
«Духовные дети, полезайте в кресты,
Головы рубите, а душ не губите;
Если бог поможет, попа не забудьте,
Если чорт обрушит, попа не клепните».
Попадья Олена на воду смотрела,
На воду смотрела, ворах говорила:
«Не ездите, дети, во чужие кресты, —
Будет вам невзгода, будет непогода».
Не слушались ворах попадьи Олены,
Сели-засвистали, коней нахлыстали.

ПОП ЕМЕЛЯ

После Покрова на первой неделе
Выпала пороша на тазу землю;
По той по пороше сжала свадьба:
Семеро саней, по-семеро в саях,
Семеро верхами, все с бердынями,
Семеро пешками, все с пазанами.
Встречу той свадьбы шёл поп Семён —
Крест на рамени, полутора сажени.
«Бог же вам в помощь, духовные дети,
Красть-воровать, на разбое стоять!»

ПЛАЧ О МИХАИЛЕ СКОПИНЕ

Ино что у нас в Москве училилося;
С полуночи у нас в колокол звонили?
А росплачутся гости москвичи:
«А теперо наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
А съезжались князи-бояря супротиво
к ним,
Мстисловской князь, Воротынской,
И между собою оне слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
«Высоко сокол поднялся,
И о сыру матэру землю ушибся».
А росплачутся свѣцкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила».
Побежали немцы в Нов-город,
И в Новѣ-городѣ заперлися,
И многой мир-народ погубили,
И в Латынскую землю превратили.

МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Поезжает Скопин-от да князь-от Михайло
Васильевич,

Поезжает Скопин-от за Москву-реку.
На наказывает Скопину-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
«Уж ты душенька, Михайло да ты
Васильевич,

Уж ты тот-ли князь да Скопин-от!
Ты не еди, Скопин, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то ведь не на пир
зовут,

Не на пир тебя зовут-то, не пировать
с тобой,

Они тебя — держат всё хрестника
У того-то у князя у московского.
Ты одёжишь своего хошь восприемника».
Говорит ему родна-та да его матушка:
«Ты не пей-ко-се у их да зелёна вина,
Ты не кушай-ко у их всё ествы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да дочь Малиотьева».
Он не слушает наказу-ту родной матушки,
Родной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поезжает-то Скопин-то князь Михайло-свет
Васильевич,

Он берет, берет коня-та всё богатырского,

Он уехал за матушку за Москву-реку,
 Приезжает ко князю-ту московскому:
 Да встречают Скопиня-та князя Михайла
 Васильевича,
 Да встречают его на широкой светлой
 улице,
 Приглашают его всё, почёсен пир,
 Да идет-то Скопин-князь Михайло
 Васильевич.
 Он идет-то да ничего-то всё не думает:
 Одержал же он своего всё восприемника.
 Собирает князь на радости тут почёсен
 пир,
 Он почёсен-от пир да он на весь на мир.
 На своих-то на князей да он на бояров.
 Для того-то собирает больше Скопиня-кума,
 Для того-ли-то князя Михаила Васильевича,
 Да садит он его всё во большо́е место,
 Во большо́е его место да ише всё к себе.
 Ише тут ведь бояра всё зло подумали:
 Разговорили они да всё княгиню тут,
 Насынали в стакан ему зелья мотого;
 Подносила кума всё ему крестовая.
 Выпивает Скопин, ничего не думает;
 Загорело у его ретиво́ сердце,
 Выходил-то он ведь скоро из чесна пиру,
 Говорит-то он кумы-то своей крестовою:
 «Уж ты го́й еси, кума ты моя крестовая!
 Онола ты, всё ты меня, безбожница,
 Онола меня ты да зѣльѣм лютым,
 Ты злодейка-кума, ты да змея лютая,
 Змея лютая ты, да дочь Малютина,
 Дочь Малютина ты, да всё Скурлатова!

Отвези ты меня, да кум крестовой мой,
Ко своей-то отвези меня к родной
матушке.

Ише-я то на вас-то да зла не думаю:
Уходила меня кума-злодейка зла,
Да злодейка-та зла, да дочь Малютиня.
Усзжает он скоро да к родной матушке,
К родной матушке, к своей-то он
к молодой жоны;

Ише тут-то заходит-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушки.
Он зашел-то сам слезно да уливаются,
Он всемирно во своих грехах всем он
кался,

Ише тут-то с души он скоро представилсе:
Да сгорело у ёго-то тут ретиво сердце.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Жыл-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской.
И выходит от ранней заутрени христь-
ской,

И ставится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа-государь-царь:

«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а и не продумать бы.
Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец».
А из больших бояр боярин вы-
ступает,

Он близенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорил великий боярин:

«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович
московской!

Благослови слово сговорити,
А не прикажи-тко за слово меня
сказнити:

А Смоленец есть строенье не
московско,

А Смоленец есть строеньице
литовско;
Во Смоленце силы нету, казны не
бывало:

Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия
И без большого кроволития».

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорил государь-царь:

«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, и не продумать бы.
Наступает на Смоленец король
литовский,
Станем ли за Смоленец постояти?»
Из средних бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит великий боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь, Михайлович
московской!

Благослови мне словцо сговорити,
А не прикажите за словцо сказнити:
А Смоленец есть строенье не
московско,
А Смоленец есть строеньице
литовско,
Силы во Смоленце нету, казны не
бывало:

Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволитья».

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорит государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:

«Ай же вы, князи и бояра!

Пособите государю дума думати,
Дума думать, а не продумать бы.
Наступает на Смоленец король

литовский,

Станем ли за Смоленец постояти?»

Из меньших бояр боярин выступает,

Поблизенько к государю подходит,

И низенько государю поклонился,

Испроговорит меньший боярин:

«Ай же ты, государь-царь,

Алексей сударь Михайлович

московской.

Благослови мне словечко сговорити,

А не прикажи за слово сказнити:

А Смоленец есть строенье не литовско,

А Смоленец есть строенье

московско,

В Смоленце силы сорок тысяч,

Казна есть бессчетна:

Надо нам постоять за Смоленец,

А не надо нам отдавати».

Испроговорит слово государь-царь,

Алексей сударь Михайлович

московской:

«Ты знаешь с государем говорити:

Поезжай-ко в Смоленец воеводой,

Постой за город Смоленец».

Этих первых двух бояринов

Приказал царь сказнити.

СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

Как во славном городе во Астрахани
Очутился, проявился незнакомый человек;
Он и щенотко по городу похаживает,
На нем бархатный кафтанчик параспа-
шечку,

Черна шляпа пуховая с прозументами.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет,
А водит он за собою голь кабацкую.
Как завидел губернатор из косящата окна,
Воскричал же губернатор слугам верным
своим:

«Вы подите, приведите удалова молодца!»
Как искали добра молодца по Астрахани,
По трактирам, кабакам, по питейным
домам,

Нашли, нашли молодца во царевом кабаке,
Во царевом кабаке, — зеленое вино пьет;
Как и взяли, подхватили под белые
рученьки.

Приводили молодца к губернатору на двор.
Воскричал же губернатор со высокого
крыльца:

«Ты скажи, скажи, детина, незнакомый
человек!

Ты ли княжеский иль барский, иль купе-
ческий сынок?

Ты с Москвы ли купец, или с Дону
молодец?»

Отвечает тут детина губернатору:

«Я не княжеский, не барский, не купеческий
сынок,

А со матушки со Волги, Стеньки Разина
я сын.

Как завтра мой батюшка хотел в гости
к тебе быть,

Ты изволь его встречать, изволь потчевать;

Он и пива не пьет, вина в рот не берет,

Он гостинчики свои на поклон тебе несет».

Воскричал же губернатор со высокого

крыльца:

«Вы возьмите, отведите в белокаменну

тюрьму!»

Как удаленький молодчик да посиживает,

И в окошечко на Волгу он поглядывает:

Уж на Волге на реке забелелися стружки,

Как во лодочке косной Стенька Разин

сидит сам,

Добры молодцы гребут, сами песенки поют:

«Уж мы этую тюрьму по камушкам раз-

берем,

Всех охотничков, невольничков мы повы-

пустим».

СТЕПАН РАЗИН

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Вынылают ли стружечки ссаульские,
На стружечках тех сидят гребцы бурлац-
кие:

Все бурлаки, все молодчики заволжские,
Хорошо все удалцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в питку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли, да пели песенки,
К островочку среди Волги становились:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелись тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет».

Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гоё еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские».
Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские;
Нам не дороги вещицы астраханские;
Дорога нам твоя буйная головушка».
Буйну голову срубили с губернатора,
Они брссили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехались:
«Ты добре ведь, губернатор, к нам
строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку
ссылавал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

СМЕРТЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью:
Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козак донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовскова,
Помешался весь козачей круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина;
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову».

Добрых молодцев, людей беглых.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистецем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

Не кулик по болотам куликает,
Молодой князь Голицын по лугам гуляет;
Не один князь гуляет, — с разными со
полками,
Со донскими козаками, еще с егарями.
И он думает-гадает:
«Где пройтись-проехать?
Ему лесом ехать, — очень тёмно;
Мне лугами, князю, ехать, — очень было
мокро;
Чистым полем князю ехать, — мужикам
обидно,¹
А Москвой князю ехать, — было стыдно».
Уж поехал князь Голицын улицей Тверскою,
Тверскою-Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухим переулком.
Подъезжает князь Голицын близко ко
собору,
Скидает князь Голицын шапочку
соболью,
Становился князь Голицын на коленки,
На коленки становился, сам богу молился,

¹ Затошчет ниву.

Богу помолился, дарю-государю низко
поклонился:
«Уж ты здравствуй, государь-царь, со
своими боярами,
Со своими боярами, с большими князьями,
А еще ты, государь-царь, с голубыми
лентами,
А еще ты, государь-царь, с разными
полками!
Ох ты, батюшка, государь-царь, ты наш
православный!
Ты зачем, государь-царь, черня-т разо-
ряешь?
Ты зачем больших господ сподобляешь?
Ты пожалуй, государь-царь, меня горо-
дочком,
Не большим городочком, Малым-Яро-
славцем».
«Нету, нету тебе, князю, нет ни городочка,
Ни малого, ни большого нету Ярославца!»

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗНЬ

Во далече, во далече в чистом поле,
А ещё того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталось:
Выезжает-то удалый-добрый молодец,
Ещё тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нём шанка до могучих плеч,
На нём тугой лук как светёл месяц,
Казены стрелы как часты звёзды.
Он и держит путь-дороженьку в камениу
Москву,
Он и горы и доли в перескочь скакал,
Тёмные леса между ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.

Возъезжает он во матушку камениу
Москву,
Приезжает ко дворечушку ко судареву.
Караульщников он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом,
Он и бьёт своего добра коня — не жалуёт,
Его добрый конь осержается,
От сырой матери-земли отделяется,

Перепрыгивал он стenuшку белокаменну;
Подъезжает он ко крылечушку ко
судáреву.

Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,

Во всеё Руси царь, Петр, сударь Лексеевич!
Ты за что, про что на нас, сударь,
прогневался,

Ты за что наш зеленый сад хочешь
выжечь-вырубить,
Все и ветвицы-кореньицы повысушить?

Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов,
простить?

Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороху судáрева.
Мы без ружеед, без сабелек без вострых,
Мы возьмем тебе город своей грудью
белою».

Выходил-то тут батюшка, православный
царь,

Во одних-то он чулочках он, без чоботов,
Во одних-то он чулочках он, без панцуров.¹

Воскричит-то он, возгаркнет громким
голосом:

«Ох ты гой, стрелецкой атаманушка!

Уж и вот-то я с боярами подумаю.

Ссенатóрами, с фельдмаршалами переведаю».

Уж возговорит тут стрелецкой атаманушка:

«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,

¹ Павцырь.

Во всё Руси царь, Петр, сударь, Алексе-
евич!

В глазах ты меня, сударь, обманываешь:
Не видать тебе меня у себя в дворце!»

Он и бьет своего добра коня, не жалуется,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивает он стелушку белокаменную,
Он и держит путь-дорожку водалече во
чисто поле;

Возвезжает он во стрелецкую армиюшку,
Воскричит-то он, возгрякнет громким
голосом:

«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!

Еще хочет нас православный царь всех
жаловать,

Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

КАЗНЬ АТАМАНА СТРЕЛЕЦКОГО

Из Кремля-Кремля, крепка города,
От дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, Большого Барина,
Что Большого Барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним едет грозен палач,
В руках несет остр топор,
А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты, дитя ли наше милое!
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует.
Оставь буйну голову на могучих плечахъ.
Каменест сердце молодецкое,

Он противится дарю, упрямятствует,
Отца-матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на Площадь Красную,
Огрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

ШВЕДСКИЙ ПОХОД

Собирался-то Большой Барин.
Он с тем ли войском со Россейским,
Что на Шведску-то границу.

Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле, при долине.
Россейским войском поле изуставил,
Россейскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король Шведский:
«Что-й-то в поле всё за люди?
Ни торгом приехали они торговати,
Ни нашего городу глядети?»

Что приходили только й силы,
Что ни люты зверки проревели, —
Что чугунные ядры проревели;
Сходилися туто й двои силы,
Что шибкие громы гремели,
Что ни люты звери проревели, —
Прогремели чугунные ядры;
Что между их протекали реки, —
Протекали реки, реки кровавые;
Что и силы полягло, — что и сметы нету.

ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру-то было раным-рано
На заре-то было, на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей-озёр подымались:
Подымались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые
На каналушку на Ладожскую,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отды-матери, молоды жены,
И со малыми со детками.

ПРУССКИЙ ПОХОД

Травынька-муравынька, кавылочик,
Не одной-то тебе, травыньке,

В поле тошно:

И нам, солдатушкам, жить не сладко!

Мы стояли во Прутскóй земле,

На границе,

Под Кистри́ном городочком три годочка:

Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;

На четвертым годочке весточка пала,

И за весточкой указы присылали,

Как у нас, братцы, на Свягой Русе

Не здоро́во:

Смутился-поменялся весь Тихо́й Дон.

Случилась бата́лья генеральна:

На славным чистым поле Лебедяне.

Поступает Прутскóй король очень

крепко.

Разбивает наш молодецкой новой корпус,

И со правого фланга да на левой:

Генералушки-бригадерушки испугались,

А полковники со майорами разбежались,

Из пушечек палили все сержанты,

Свинец-порох развозили маркитанты.

ЛОПУХИН-ПОТЕМКИН

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит, —
Король с армией валит,
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку;
Он не для того курил,
Чтобы пьяному быть:
Он для того курил,
Чтобы смелее подступить.
Таки речи говорит:
«Починайте-ка, ребята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить, —
Только сажига валит.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов:
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит,
Сам во грамотку глядит,
Таки речи говорит:
«Князь Потемкин генерал
Всеё силу растерял:
Коё пропил-промотал.

Коё в карты проигралъ.
А котора оставалась, —
И то по́-груди в руде;
А котора на горе, —
По колени во траве;
А котора под горой, —
Завалёна вся землей
Караулы крепки,
Перемены редки.
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

РАБОТЫ НА ЛИНИИ

Эх, да как задумали солдат набирати:
Уж не много — тысяч сорок и четыре,
Сорок и четыре, козаченьки молодые.
Да как погнажи солдат до Полтавы.
Вперед едут да всё генералы,
А по бокам едут да всё капитаны,
А позади едут да всё с барабанами;
Бьют-выбивают, — горе утешают,
Молодым солдатам жалоб не задавают.

Эх, да как погнажи солдат до Полтавы:
Их заставили и рыть и копати.
«Видно, нам же, братья, усем пропадати!»
Не будет знати ни отец, ни мати,
Ни отец, ни мати, ни родна родина,
Ни родна родина, жена молодая.

ПОЖАР МОСКВЫ

Ой, да нам не дорого, братцы, пиво пьяное.
Ой, да дорога, братцы, наша пир-беседушка-
от смиренная.
Ой, да во беседушке сидят люди добрые,
Ой, да говорят они речь-пословицу, все не-
годную,
Ой, да все не глупую речь-пословицу, все
старинную:
Ой, да отчего же Москва царская загора-
лася?
Ой, да загоралася Москва царская от
больших господ,
Ой, да от большого-то от барина, от
Гагарина.
Ой, да как у барина, у барина была
ключница,
Ой, да была ключница-ларошница, красна
девица,
Ой, да захотела же красна девица пива
пьяного,
Ой, да засветила красна девица свечу
сальную,
Ой, да заходила же красна девица в
потайной подвал,

Ой, да заронила же красна девица огню
искару,¹
Ой, да от того же Москва царская загора-
лася.

¹ Искру.

ЧЕРНЫШОВ ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ

За Костринским то было славным городом,
За Костринскими было за воротами,
Там стояла-де да темна-тёмнида,
Зла-злодеюшка да земляна тюрьма
И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти были укладныи,
Пробойчики были булатныи,
Замочик-от был да ровно три пуда,
Ключёк-от был да полтора пуда;
А сиделец-от был да тут донской казак,
Чернышов Захар да сын Григорьевич,
Сеньки Разина был племянницёк,
Оружейной был он заговорщичёк,
Карабельней был он постановщичек.
Во тюрьмы-то сидит он, посиживает.
И во гусельцы сам возыгрыват,
Таки речи да выговариват:
«Зла-злодейка ты, да земляна тюрьма!
Ты немшоная, да непажоная,
Наделу-ле ты мне досталосе?
Але на жеребью ты мне повыпала?
Але из роду мне-ка бог судья?»
Из-за галани ¹ тут хораб бежал,

¹ Гавани.

Бежал кораб, тут Брюнской король,
Ко тюрьмы кораб приворачивал,
У тюрьмы король стоял, выслушивал:
«Ой еси ты, донской казак,
Чернышов ты Захар Григорьевич!
Сколь служил ты да царю Белому,
Послужи ко мне друга столько.
Если послужишь, дак я и выпущу».
На то сиделец тут ответ держал:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
Послужил бы я тебо да по белой шее».

ПУГАЧЕВ

В тем сударыня ¹ простила, ²
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали:
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского козака,
Емельяна Пугача
Сын-Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся:
Стрельба была неспосна,
Стоять было не можно.
Он видит, что не взять:
Воротился взад.
С большой силой собрался
Под Яик поднялся:
Под Яик подходил.
Баталию сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,

¹ Императрица Екатерина II.
² Казаков.

Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка птишка со гнезда.
Мелка птишка со гнезда ¹
Укрепила Пугача
Сып-Ивановича.

¹ Новые сообщники.

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян
Иваныч,

Много ли перевешал князей и боярей?» —
«Перевешал вашей братьи семьсот семи
тысяч.

Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варóвинны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!»

Граф и¹ Панин испужался, руками спи-
бался:

«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева.
Поведите-повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите!»²

Все Московски сенаторы не могут судити.

¹ Только для стиха «и».

² Накажите.

ВОР ГАВРЮШКА

Ты, долина моя, долинушка, раздолье
широкое,
Ничего на тебе, моя долинушка, не
уродилось,
Уродился на тебе, долина, только садик
зелен;
Мимо садика, мимо зелена лежала доро-
женька,
Никто по той дороженьке не идет,
не проедет,
Проезжает же по той дороженьке один
вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троичках разно-
шерстных;
Перва троичка у него коней вороных,
Другая троичка у него-то коней гнедых
Третья троичка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой
три погони:
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья-то погонюшка — все козакки.
Не догнали вора Гаврюшеньку версты
за три, —

Приезжает вор Гаврюшенька в город
Воронеж.

Он атласу и бархату закупает, —
Никто-то вора Гаврюшу не признает,
Что за купчика Гаврюшеньку почитают.
Случилось итти вору Гаврюше мимо

темницы,
Признавала вора Гаврюшку своя братья:
«Уж ты, батюшка Гаврюша, разбей ты
темницу,

Уж ты выпусти нас всех, молодчиков,
на волю,

На ту же на волюшку — на матушку
на Волгу». —

«Уж вы, братцы мои товарищи, мне теперь
не время,

За мной гонят же за Гаврюшенькой три
погоны:

Первой-то я погонюшки не боюсь,

Второй-то я погонюшке не поклонюся,

Третьей-то я погонюшке — покорюся».

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

I

Ах по морю, по морю сишенькому,
Плавали-гуляли девяносто кораблей.
Как на каждом корабле по пяти́сот
человек,
Хорошо пловцы плывут, весело песни поют,
Разговоры говорят, всё Рачеева бранят:
«Ты разбестия, каналья, Ракчеев дворянин!
Всю Россию разорил, солдат бедных
погубил:
Пропиваешь, проедаешь наше жалованье,
Харчевое, пьяновое, третье денежное».
Как на эти деньжонки граф палаты
себе склал,
Хороши белы палаты, стены мраморные,
Из хрусталя потолок, позолоченный конёк,
Мимо этих ли палат быстра речка протекла;
Не сама собой прошла, фонтанами
возведена.
Как во этой ли во речке жива́ рыба
пущепа́,
Жива́ рыба пущепа́, серебряна́ чешуя.
Возле этой быстрой речки кровать нова
смощена́.
Кровать нова́ смощена́, периночка пухова.

II

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тут речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей:
Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезил».

ПЕСНИ О 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

I

**Молодой солдат да на часах стоит,
Стоячись-то солдат да расплакался,
Знаул ружьём солдат в сыру землю:
«Ты роздвинься, роздвинься, мать сыра
 земля,
Ты откройся, откройся, гробова доска,
Розорвись-кё, рёзорвися, рущата камка,
Ты восстань-ке, восстань, наш благоверной
 царь,
Благоверной царь Алексант Павлович!
У нас всё-то нынче не попржнему,
Придумали, братцы, боярышка думу
 крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть?
Государем быть, акитантом слыть?
Государем-то быть князю Вильянскому.
Акитантом слыть князю Волхонскому».
Вопрослышало его да ухо правое,
Рассадили их по тёмным кибиточкам,
Развозили-то их да по тёмным тюрьмамъ.**

II

Собирайтесь, мелка чернядь,
Собирайтесь на совет —
Время тяжкое приходит —
Ладит турка воевать.
С англичанином они скумились,
Не могли России взять...
Не в показанное время,
Не в указанные часы.
Не в указанные часы,
Да во самую-то полночь,
Во самую во полночь
Да царя требуют во сенот.
Царь не долго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Родну братцу говорил:
«Чтобы за мной погоней был».
Брат не долго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Ко сеноту подъезжал
Да часовых от переспрощал:
«Господа вы, часовые,
Часовые страждовы!
Не видали ль здесь, робята
Афицера со вестям,
Да государя со кистям?»

Друг на друга поглядили
И сказали: «Не видал».
Один солдатикок, провор,
Левым глази́ком повёл.
Никого князь не спрашале,
Часовых всех прирубал.
До сеноту доступал.
Трои двери изломал,
Он на четвёрты отворял, —
На коленях брат стоял.
Перед ним стоит полковник —
Сеноторская судья
И дёржит саблю на весу —
«Что царю голову снесу».
Царь да брата увидал,
На резвы́ ноги ставал:
«Те спасибо, братец милой,
Те спасибо, брат родной,
Помани́л бы час мину́ту,
Скоро не было меня,
Скоро не было меня,
Срубили голов у меня.
Нам не дороги сеноты,
Сеноторские судьи.
Из сеноту мы пойдём
Сенотóров сех прибьём.
Из сенотов вон пойдём.
Все сенóты все сожжём!»

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Среди богатого материала русских фольклорных песен мы выделяем эпические песни балладного характера.

Основной балладный материал можно определить (вернее — описать) следующим образом. Баллады характеризуются наличием сюжетного содержания (в отличие от песен лирического характера), причем сюжеты их обычно довольно драматичны в смысле напряженности событий, и вместе с тем эта внутренняя драматичность нередко находит выражение в диалогическом (то есть также драматическом) изложении. В отличие от были и еще более от исторических песен, баллады не связываются с конкретными единичными фактами или лицами. Они не говорят нам о богатырях и богатырских подвигах, не связываются с традиционными именами богатырей, князя Владимира, Новгорода, Киева и т. п.; нет в них, как правило, гиперболичности и фантастичности, присущей многим былинам.

Обычно мы не можем также точно определить, какой именно конкретный исторический факт лежит в основе баллады; и если даже иногда мы можем предположительно указать, о каких исторических лицах говорит песня (например, песня о князе Волконском и Ваньке-ключнике), то сами эти лица оказываются и менее известными, чем в «исторических песнях» (где перед нами проходят, например, Иван Грозный или Степан Разин), и менее определенными: о котором именно Волконском и о каком случае из истории семьи Волконских идет речь, мы не установим.

Самый стиль баллад, с одной стороны, несколько проще былинного, с другой — динамичнее и драматичнее: нет такой медлительности изложения, как в былинах; нет длительных повторений и мелочной детализации описаний; развитие действия значительно напряженнее.

Эти песни-баллады примыкают, с одной стороны, к былинам новеллистического характера, с другой — к так называемым семейно-бытовым и лирическим песням. Границы между различными группами песен неустойчивы, и в сущности мы имеем немало примеров песен, так сказать, переходного характера. Рядом с былинами собственно богатырскими стоят так называемые былины новеллистические, и эти новеллистические былины уже близки к песням-балладам; однако они связаны обычно с

теми же былинными героями, с конкретными лицами и местностями и потому обычно идут в числе были (таковы, на пример, былины о Добрыне и Алеше, о Добрыне и Маринке и т. п.). Особенно близки к балладам, и в сущности могли бы уже быть названы балладами, такие «былины» (как их обычно называют), как о госте Терпении или о Чуриле и Бермяте и т. п. (редкие случаи и прямого перехода той или иной песни (при сохранении основного сюжета) из одного жанра в другой (такова, например, только что упомянутая былина о Чуриле и Бермяте или былина об Алеше Поповиче и братьях Збродовичах).

Точно так же в числе лирических песен семейно-бытового характера нередко встречаются такие, в которых значительно развита повествовательно-сюжетная линия (таковы, например, песни о взаимоотношениях жены с мужем), и в отдельных случаях трудно решить, куда же именно следует отнести ту или иную песню.

Мы знаем баллады, как и большую часть нашего фольклорного материала вообще, по записям XVIII—XX веков в крестьянской среде. Однако самый характер баллад довольно ясно указывает на то, что среди них имеются песни и разновременного и различного социального происхождения.

Как правило, песни-баллады строятся по на мифологической основе. Мы найдем, однако, в них и мифологические представ-

ления. Можно даже выделить группу песен, для которых именно мифологические представления являются основой. Такова, например, песня «Змей Горыныч и княгиня» с древнейшим мотивом связи женщины со змеем, причем любопытно, что даже этот древнейший мотив отнесен к «княгине» (понятие феодального периода), да еще в сафьяновых башмачках и в чулочках:

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея на Горыныча.
Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белые груди,
В белые груди человеческие,
Целует ее в уста сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела.¹

И рождается от этой связи чудесный сын: он говорит еще в утробе матери и предсказывает, что будет богатырем и победит змея.

Несколько иного рода мифологические представления лежат в основе песни об

¹ «Памятники великорусского наречия», СПб, 1835, стр. 124.

**обращении женщины в дерево вследствие
заключения свекрови:**

Ты поди, моя невестка, во чисто поле;
Ты стань, моя невестка, меж трех
 дорог,
Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою...¹

К циклу тех же представлений о возможности превращения человека в дерево или перехода сущности, жизненной силы, человека в растение относятся песни, в которых изображаются деревья, вырастающие на могилах убитых. Такова, например, песня о «Софьюшке и Васильюшке» или «Цюрьильё-игуменьё».

И здесь, однако, мифологический мотив подается обычно в феодальном обличии (монастырь, игумен, рай, ад).

Можно указать также в числе таких мифологических баллад песню о том, как река Смородина (представленная в виде живого существа) топит похваставшегося молодца, или песню о том, как Горе преследует молодца или девицу.

Кроме таких мифологических песен, к древнейшему слою баллад можно отнести

¹ Соболевский, Великорусские народные песни, т. I, № 79, стр. 129. Перепечатка из работы М. Халанского, Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде, Курской губернии («Русский филологический вестник», 1879—1883).

песни, в которых отразились те или иные черты первобытного уклада жизни.

Таков, например, цикл песен о кровосмещении (отца с дочерью, брата с сестрой); это также одна из очень древних тем, причем дается она обычно уже в бытовой обстановке позднейшего времени.

2

Основная масса баллад не имеет, как мы уже сказали, «исторического» характера в смысле связи с конкретными и иногда даже единичными фактами гражданской истории: характер их собственно повеллестический, то есть речь идет о безыменных и во всяком случае не единичных, а типичных, обобщенных, героях и героинях, о каких-то общих явлениях бытового характера и т. п. Эта основная масса баллад довольно определенно по многим данным связывается с XVI—XIX веками, с периодом крепостничества. Отчетливо намечается в подобных песнях социальная дифференциация: они говорят о различных классах и социальных группах и притом с различных точек зрения. Ряд песен имеет довольно четко выраженный феодально-служилый характер.

Такова, например, любопытная песня о дочерях Ивли Ивлевича.¹ Здесь дается изображение службы феодального тына.

¹ Киреевский И., Песни. Новая серия, в. 2, ч. 1, М. 1449, М., 1917, стр. 79 (песня записана в Москве).

У Пвля Пвлевича нет сыновей, только
семь дочерей; он жалуется на свою судьбу,
и меньшая дочь вызывается идти за него на
службу, причем требует себе соответствующе-
го костюма:

Сшей ты мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Куши же мне, батюшка, черну шляпу со
пером,
Перчаточки с серебром...

Костюм совершенно в духе XVIII века!
Очень интересна в этом отношении также
песня, в которой девушка предлагает своему
милому заложить ее, чтобы купить коня
для царской службы:¹

И от Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася.
Что на-всем князьям была служба
явлена,
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано — ему наперед идти.

.....

А дальше следует неожиданное разъяс-
нение: «служба царская» оказывается вы-
бором девушек в хороводе:

¹ Соболевский И., Великорусские народные песни,
т. VI, № 274, стр. 211—212. Перепечатка из сборника
Ю. Н. Мельгунова, Русские песни, непосред-
ственно с голосов народа записанные и с объяснениями
изданные, в. 2, № 1, СПб, 1883. Записана в б. Ка-
лужской губ.

Давно сказано — ему наперед идтить,
Наперед идтить — ему хоровод водить,
Хоровод водить — ему песни запевать,
Песни запевать — ему девок выбирать...

Повидимому, старая феодально-служилая новеллистическая песня превратилась здесь в хороводную (в сборнике Мельгунова она так и именуется «хороводной»).

Любопытны также песни о смерти девушки, напуганной воеводским или боярским сыном:

У ворот сосна раскачалася,
Белая Дунюшка разыгралася,
Разыгралася, распотешилася...
Как боярский сын на крыльце стоит,
На крыльце стоит, Дуне речь говорит:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, белая!
Я тебя, Дунюшка, к себе возьму!»
Белая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася...
Как со вечера голова болит,
Ко полуночи она пона просит:
Как поутру-то в большой колокол
звонят,
Белую Дунюшку хорошить несут...
Боярский сын на крыльце стоит:
«Прости, Дунюшка, прости, белая!»¹

¹ Соболевский, т. I, № 274, стр. 334—335.
Перепечатка из сборника К. Вильбоа, Сто русских
песен, записанных с народного напева, № 61, М., 1894.

В вариантах этой песни речь идет о генеральском сыне, о сержанте и проч. Эти песни, очевидно, более позднего происхождения (не раньше XVIII века). Очень любовно и картинно изображается, какой наряд «сержант» обещает девушке:

Играй, Дунюшка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, башмачки куплю,
Башмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки
И робронт куплю со юбочкой!¹

И самый наряд и иностранные слова для его обозначения переносят нас в XVIII век, причем уже, конечно, среда здесь не крупно-феодалная, а мелкослужилая городская.

Довольно значительно количество песен, в которых изображается буржуазная, купеческая среда, причем изображается с такими подробностями, с таким знанием дела и обычно с такой определенной направленностью, что мы можем приписывать этим песням соответствующее буржуазное, купеческое) происхождение. Такова, например, особенно богатая по своему оформлению песня о том, как «гостиный сын» увозит на корабле девушку. (Эта песня перекликается и со сказками о похищении красавицы).

¹ Соболевский, т. I, № 277, стр. 336—337. Перепечатка из «Песенника» 1791 года, ч. 2, стр. 114.

виды-невесты.) Здесь дается и точная локализация действия (город Кронштадт), и красочное изображение богатства «гостинного сына» («И он носит красно золото на цевке, окатистый крупный жемчуг на атласе») и изображение самой обстановки похищения девушки.¹ Любопытен вариант этой песни, в котором девушку похищают уже «ржевские приказчики», причем для покупки нового струга они «скидываются» (то есть складываются) по полтине; похищают они дочь богатого купца, «что под славной под губерньей под Калугой», заманивая ее к себе игрой на скрипке;² все бытовое оформление песни здесь совершенно иное, хотя остов сюжета остается тот же самый.

Кренко связана с купеческой средой одна из весьма популярных песен о том, как у купца пропала дочь:

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близь гостинного двора,
У Софронова купца
Солучилася беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало

¹ Соболевский, т. I, № 213, стр. 322—324. Перепечатка из «Песенника» 1780 года, ч. 3, стр. 61.

² Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1932, стр. 100.

И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.¹

3

Как видим, среди баллад, записанных в крестьянской среде, немало таких, которые по своему происхождению не принадлежат крестьянству. Крестьянство унаследовало их (как унаследовало, например, былины и исторические песни) от господствующего класса феодалов и от городской буржуазии. Понятно, что эти чужие произведения не оставались в крестьянской среде неизменными.

Нередко подобные изменения оказываются искажениями, прямой порчей текста вследствие непонимания его, несоответствия крестьянской психологии и обстановке. Но было бы грубейшей ошибкой думать, что «народ» питается только крохами со стола «господа», ничего не создает сам и только «портит» доходящее до него «культурное наследие» господствующих классов.²

¹ Соболевский, т. I, № 247, стр. 325—327. Перепечатка из «Отечественных Записок», 1841, т. XVIII. Смесь, стр. 11. Запись из б. Костромской губ. Любопытно, что фамилии (Софронов и дальше — Машков) держатся весьма стойко; еще более стойко указание на Макарьевскую ярмарку.

² Так ставят вопрос многие немецкие ученые во главе с Г. Науманом.

Изменения далеко не сводятся к порче: мы знаем и такие случаи, когда устный крестьянский вариант оказывается картиннее и выразительнее книжного, литературного.

Большое количество произведений кроме того должно быть отнесено по своему происхождению непосредственно за счет крестьянства: они и говорят о крестьянстве и выражают его настроения.

К числу таких крестьянских песен нужно отнести значительное количество песен семейно-бытового характера, в частности сатирических и юмористических, нередко примыкающих к анекдотам. Таковы, например, насмешливые песни о ленивых или неумелых женщинах или песня о муже, неудачно пытающемся выполнить роль жены-хозяйки. Жена, уезжая в гости, наказывает мужу:

Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!

По возвращении она спрашивает:

Ты здорово-ль, мужик-лупка, спал-ночевал?

и получает ответ:

Я не хуже здорово спал-ночевал:
И я масло пролил, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил дылака,
Ухватил дылака поцерек живота;

А я кинулся-опрокинулся,
За копыл заценил и дитя задавил!¹

Сюда же следует отнести песни о горькой участи женщины в чужой семье по выходе замуж и о плохих взаимоотношениях ее с мужем. Почвой для такого рода песен являлись крепостнические семейно-бытовые отношения, подневольное положение женщины, полное угнетение ее, браки поневоле. В качестве протеста против подобных условий жизни возникали и распространялись песни, в которых жена выражает свое враждебное или насмешливое отношение к мужу; в ряде песен изображается прямо расправа жены с мужем (то в более смягченном, то в более жестоком виде).

Так, есть песни, в которых изображается, как жена гуляет потихоньку от мужа, обманывая его; или жена бранит мужа, радуется тому, что мужа захватили в плен татары, и только опасается, как бы он не убежал; или жена не впускает мужа в ворота, когда он возвращается из кабака:

Ты почуй, почуй, невежа, за ворота!
Вот те мягкая перица — белая пороша,
Шитый браный положок — частые звезды,
А высокое изголовье — подворотня,
Соболино одеяло — лютые морозы!²

¹ Соболевский, т. VII, № 188, стр. 187—188.
Перепечатка из «Песенника» 1810 года.

² Соболевский, т. II, № 416, стр. 350—351 (из рукописного сборника XVIII века).

Очень любопытна одна из широко распространенных песен — о муже-недоростке. В основе этой песни, несомненно, лежит старое бытовое явление, о котором рассказывает еще Олеарий: малолетних ребят женили на взрослых девушках, чтобы скорее приобрести в дом новую рабочую силу. Песня изображает расправу такой взрослой и сильной жены со слабым мужем, изображает явно неправоподобно (впрочем, и самая песня приобретает в ряде случаев шуточный, игровой характер), но основное настроение — стремление женщины взять верх над мужем — совершенно реально.

Интересен по оформлению один из вариантов песни о недоростке, весь построенный на параллельных оборотах и изложенный в виде своего рода причитания жены («Ой, куда мне недоросточка, куда дети?»; вопрос повторяется четыре раза с различными ответами); любопытно применение пренебрежительных названий:

Заверяю я недоросточка
В дерюженку,
Положу я недоросточка
В тележенку,
Запрягу я недоросточку
Лошаденку...¹

¹ Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2063 (из б. Малоархангельского уезда б. Орловской губ.).

В одной из песен жена-модница, чтобы избавиться от мужа, покупает для него место в тюрьме. Наконец, в ряде песен жена убивает мужа разными способами: топит, сжигает, вешает, зарезывает. Трудно думать, что подобные случаи были обычным бытовым явлением; но песня подхватывает исключительные факты и именно их-то и фиксирует — не столько как прямое отражение того, что было в реальной действительности, сколько как выражение настроений и пожеланий. Во всяком случае песни эти оказываются весьма популярными. Любопытна, в частности, запись песни о том, как жена сжигает мужа, сохранившаяся в следственном деле 1699 года (причем само следственное дело никакого отношения к тексту песни не имеет): это — один из немногих случаев записей ранее XVIII века.

На той же почве угнетения женщины выросла оригинальная песня о том, как женщины, сложившись «по полтинку», покупают у «своеводы» волю над мужьями.

Жена, получившая «волю» над мужем, запрягает мужа в сани и едет в лес за дровами. Интересно использование увеличительных названий:

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,

Но я буду,
Но я буду погоняти
 Чапельником,
Чапельником по бельмищам
Помелищем по ребрищам,
 Я поленом,
Я поленом по колену...¹

Если в этих песнях мы видим торжество женщины над мужьями, то, конечно, имеются и такие песни, в которых муж расправляется с женой: старый муж побоями исправляет жену-насмешницу; муж отправляет жену в лодке вниз по Волге (а затем приглашает ее воротиться); муж желает смерти нелюбимой жены; наконец, муж убивает жену. Любопытно, что в жизни подобных случаев убийства мужем жены было, надо полагать, больше, чем случаев убийства мужа женой, в песнях же соотношение обратное; лишний раз здесь подтверждается та мысль, что песня по есть прямое воспроизведение реальной действительности: это — поэтическое создание, являющееся выражением определенной направленности.

4

Жестокость семейного быта, как мы указали выше, является одним из проявлений

¹ Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, № 102-6, М., 1903, стр. 62.

крепостнического строя. Песен, в которых крепостнические отношения проявлялись бы непосредственно, сравнительно немного. Таковы в особенности так называемые «холопские» песни. Отчасти к их числу может быть отнесена одна из популярнейших баллад — песня о Ваньке-ключнике. Героем песни, на стороне которого сочувствие авторов и исполнителей, является здесь слуга (надо полагать, крепостной) князя Волконского. Песня сочувственно рисует его наружность и щегольской наряд, в особенности же эффектно передается гордый и пренебрежительный ответ князю. Даже такой исследователь, как О. Ф. Миллер, еще в 1876 году отметил, что песня о Ваньке-ключнике «отличается духом позднейшей вражды служилого человека к своему господину».¹

Любопытно отметить, что песня о Ваньке-ключнике была обработана поэтом Вс. Крестовским (1861 год), и эта обработка в свою очередь вновь проникла в устную традицию и в значительной степени вытеснила прежнюю песню о Ваньке-ключнике. При этом, однако, само стихотворение Крестовского не остается неизменным, а перерабатывается в устной традиции.

Еще ярче, пожалуй, «холопская» установка проявляется в песне о том, как «лю-

¹ Отчет о восемнадцатом присуждении наград гр. Уварова, СПб, 1876 (рецензия О. Ф. Миллера на «Песни, собранные П. В. Киреевским»).

била княгиня камер-лакея», где княгиня причитает над телом камер-лакея, утопленного по приказанию ее мужа.

Совершенно четко насмешка над барыней и торжество холопа рисуются в песне о любви холопа к барской дочери:

«Ах, негодница холоп, где ты спал,
ночевал?» —

«Боярыня, сударыня, у тебя в терему,
У тебя в терему, в шитом браном пологу
В шитом браном пологу, на перинах,
на пуху!» —

«Ах, негодница холоп, на что сказываешь?» —

«Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь
Кабы ты да не спросила, я бы век не
сказал!»

Песня эта принадлежит к числу распространенных. Весьма распространена такая песня о том, как молодец лезет к девушке через окно. В некоторых вариантах эта песня также приобретает характер «холопской».

Сержант ручку протянул,
Холоп плеткою стебнул:
«Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лезть.
А и ваша, сударь, честь
На сражельнице стоять
И с турками воевать;

¹ Соболевский, т. I, № 31, стр. 87—88 из «Десняника» 1780 года).

А холопская честь
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать»...¹

В других вариантах обычно вместо «холопа» появляются денщик, ямщик и проч. Нет и характерного изображения «чести» холопа — «кафтаны, шубы снимать», то есть разбойничать.

Как раз разбойничество, являющееся одним из порождений крепостнических отношений, широко представлено в песенном балладном материале. Так называемые «разбойничьи песни» изображают обычно не рядовой грабеж бытового характера. В песнях перед нами проходят своеобразные архаические картины разбойничества (например, молодец убит разбойниками в кабаке, то есть «разбойники» эти не скрываются в лесу; или о разбойниках говорится: «таит целовальник разбойников и не сказывают»). Герои и факты — необычны, исключительны (например, в знаменитой песне «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» разбойник должен идти на допрос к самому царю; разбойником и даже атаманом разбойников оказывается девица, как в песне о Таньке Ростокинской). В ряде случаев довольно определенно звучат мотивы разинского цикла, только без упоминания

¹ Киреевский И. Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, М. 1927-а, стр. 99—100.

вания имени Разина. Песни относятся к разбойникам с несомненным сочувствием, как к людям смелым, гордым и сильным. В этом проявляется своеобразный протест против существовавшего порядка вещей, находивший свое прямое выражение в самом факте разбойничества.

И по своему стилю, и по деталям исторического характера разбойничьи песни относятся преимущественно к XVI—XVIII векам, то есть к периоду весьма напряженной борьбы крестьянства против крепостничества. В песнях говорится, например, о том, что разбойника допрашивает царь Иван Васильевич, причем действие отнесено к Киеву; девица-атаман захотела «загулять во славное в Московское государство» и загуляла «на славное на Петровское на кружалю», где ее поймали, повели «в полицу» и подняли на дыбу; в одной из песен речь идет о «славном селе Преображенском», где помещается «приказ государев». По своему характеру многие разбойничьи песни приближаются к историческим и даже к былинам.

В песнях-балладах находит отражение и такое социальное явление, как солдатчина. В отличие от ура-патриотических песен, насаждавшихся сверху, «государева служба» в крестьянских песнях изображается в отрицательных тонах. Молодец, записанный в солдаты, пьет «с кручины, с великия печали», называет «государево

солдатство несчастьем, надеется откупиться от солдатчины золотой казной, горько плачет, отправляясь на службу, просится со службы в отпуск или прямо бежит из полка; изображается также тяжелое положение семьи взятого в солдаты. И эти песни обычно отводят нас к XVII и еще чаще к XVIII веку (нередко они и известны по текстам XVIII века, например Чулкова). Характерна, например, широко известная песня «Как на матушке на Неве-реке, на Васильевском славном острове, молодой матрос корабли снастил» и т. д., или песня о жалобе девушки на солдата, где типично само словесное оформление:

За столом сидит млад полковничек,
Что того полку бомбандирского,
Со своими со штапами-офицерами.
Перед ним стоит красна девица;
Она просит у полковника
На того сержанта имрека...
Да что возговорит млад полковничек:
«Ах ты гой еси, душа красна девица!
Не ходить было тебе во чисто поле,
Не смотреть было солдатской экзерци-
ции:

У меня в полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые»...¹

Отметим еще группу песен, осмеивающих монахов, частью пародийного харак-

¹ Соболевский И., т. VI, № 320, стр. 248 (из «Песенника» 1780 года).

тера (какова, например, песня о старце Игренище), частью просто изображающих монашество отрицательными чертами. Возможно, что и эти песни являются продуктом крестьянского творчества; но подобные песни (особенно народийного характера) могли возникать и в городской мелкобуржуазной среде и, в частности, среди семинаристов, выходцев из самого духовенства: как раз среди семинаристов были весьма распространены и антицерковные и антирелигиозные произведения.

Мы ограничиваемся в настоящей статье (и в самом сборнике), так сказать, «классической балладой». Именно эта «классическая» баллада является в основе своей феодальной. Совершенно несомненно, однако, что баллады не перестали существовать и в позднейший период. Многие баллады мелкобуржуазного характера возникали уже в период усиленного капиталистического развития, во второй половине XIX века и даже в XX веке: здесь они сближались с так называемыми «мещанскими романами». Продолжали существовать и трансформировались в соответствии с новыми условиями также баллады старого крестьянского и иного происхождения. Наконец, могли возникать — и действительно возникали — новые баллады и среди крестьян и среди рабочих. Так, В. А. Досницкий со-

общим нам о сложении баллады в период революции 1905 года в Горьковском (тогдашнем Нижегородском) крае на основе реальных событий того времени, причем баллада эта строилась по типу «старых» баллад. Некоторые песни рабочих, в сущности, также могут считаться балладами, но это уже материал для другой статьи и для другого сборника.

Б

Наш беглый обзор балладного материала вскрывает пестрый и разнообразный состав его. Здесь перед нами и сказочно-мифологические темы, сюжеты и мотивы, и сюжеты былинные и исторические и сюжеты собственно бытовые. Отдельные элементы восходят к периоду еще дофеодалному; немало обнаруживается следов феодализма. Особенно же богато представлен период крепостнический; можно считать, что XVII и XVIII века — период наиболее интенсивного сложения и оформления баллад; вторая половина XIX века (особенно конец века) уже переводит баллады в романсы.

По социальному происхождению материал наш также чрезвычайно разнообразен: мы имеем здесь и песни, сложившиеся в среде господствующего феодального класса, и песни, идущие из кругов городской буржуазии, и песни собственно крестьян-

ские. И как раз это богатство и разнообразие материала придают ему особенный интерес и крупное значение: перед нами как бы воплощенная в словесных образах история (в широком смысле этого слова), раскрыть и уточнить которую — интересная и благодарная задача.

Естественно, разнообразен наш материал и по своему художественному оформлению. Во-первых, как мы не раз отмечали попутно, различное происхождение проявляется в различии стиля произведений: в одних случаях, например, мы имеем приближение к типу былины и исторических песен, в других — движение в сторону романа (с приближением к письменной литературе); одни произведения более архаичны, другие — более современные; одни отличаются торжественностью, пышностью изложения, другие — сатирическим или юмористическим характером. Во-вторых, как и во всяком художественном творчестве, проявляется значение творческой индивидуальности. Мы имеем иногда различные записи одного и того же сюжета, и среди этих записей оказываются более полные и менее полные, более выдержанные и спутанные, стройные и дефектные. В целом ряде случаев, не имея достаточного количества параллельных текстов, мы не можем выбирать лучшие из них и иногда не до конца раскрываем значение того или иного текста: остаются недоговоренности, недо-

мелвки, неясности (иногда, может быть, даже и сознательные, когда мысль автора той или иной песни вуализуется по соображениям тактически-политического характера). Встречаются, несомненно, и просто неудачные, нескладные тексты, исполнявшиеся, очевидно, недостаточно искусными певцами.

Но в основной своей массе и в тех случаях, когда мы имеем возможность пользоваться достаточно полным и неискаженным текстом, баллады представляют значительную художественную ценность. Они характеризуются обычно драматизмом содержания, выразительностью и вместе с тем украшенностью изложения. Поэтика их своеобразна и, конечно, не может служить каким-то вечным образцом для создания новых художественных ценностей; но как памятник художественного мастерства прошлого баллады имеют, несомненно, достаточно крупное значение. Вот, например, коротенькая песня, вся насыщенная образными выражениями:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ люди первые,
А к жалованью люди последние.
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходилися,

Что подымался выше облак черный дым,
Загремела тут стрельба оружейная.
Что не камышки с крутых гор покатились,
Покатились с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле зазелось,
Зазелелась тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули,
Так воскликнут молоды жены солдатские.

Песня эта, изданная в 1773 году Чулковым (а подобных песен мы найдем немало), показывает, что в XVIII веке, когда литература в значительной мере характеризовалась напыщенностью и условностью (за исключением произведений наиболее талантливых авторов), безыменное фольклорное творчество нередко стояло на более высоком художественном уровне.

Н. Андреев.

СЕСТРА И БРАТ

С вечера позднехонько девки думал-
думали,¹
На белой-то заре в лес по ягоды они
[пошли],
За калинкою, за малинкой, за черной
смородиной.
В лесу все девушки, все красны ягод
принабрались они.
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка в лесу,
Заплутавшись, становилась ко дубу.
Мимо девушки, мимо красной никто не
проедет, не пройдет,
Только зайка серой пробежал.
Как за зайнкой, за серым, люта львица
прошла,
За львицей, за лютой, млад охотничек едет.
Недоехавши, охотник со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке, низко кла-
нялся он ей.
Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить.

¹ Повторение неполного слова при пении в условиях музыкального размера.

Отшутивши шуточки, стал выпрашивать
ее:

«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери отца?»

Отвечала красна девка:

«Я не царского и не барского, богатого
отца дочь;

Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-от братец ко царю служить пошел,
А девятой братец в лес охоту возымел».

Узнает охотник — девка родная ему
сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный
острый нож.

«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра».
Зарезал охотник сам себя.

ЦЮРИЛЬЁ ИГУМЕНЬЁ

У цюдного креста у благовещенья
Не было попа да всё не дьякона,
Не было большого да запевателя;
Было сорок девиць да со девицею,
Было сорок робиць да со робицею;
Тут было жило Цюрильё игуменьё.

Здумали девици к обедини ходить,
Здумали девици молебны служить.
Да на правом-то на крылосе Василий-от
поёт,
Да на левом-то на крылосе Снафидушка
поёт.

Тут Василий поёт: «Да подай, боже»;
Да Снафида поёт: «Да подай [поди?] всё
сюды,¹

Я тебя не вижу, жить, ни быть не могу».
Тут Василий со Снафидушкой смигалисе,
Зладенным перстнём да помеспялисе.

Тут уцюл-то Цюрильё игуменьё:
«Уж вы сорок девиць да со девицею,
Уж вы сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды да несущёной
ржи молоть;

¹ Вероятно, вместо: подайся сюды.

Ешше пусть-то Снафидушка утешиться,
Ешше пусть наша Давыдьевна утры-
щеться». ¹

Воспроговорил Василий Романовицъ:
«Уж вы сорок девицъ да со девицею,
Уж вы сорок старицъ да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды звонцаты гусли
играть;
Ешше пусть моя Снафидушка утешиться,
Да ешше пусть моя Давыдьевна уна-
житьсь».

Тут уцюл Цюрильё да игуменьё;
Он пошел ко змеи да к серопегое:
«Змея, ты, змея, да серопегая!
Уж ты дай мне-ка зельица лютого,
Лютого зельица розлюдьнёго,
Розлудить мне Василия Романовиця
Що со молодой со Снафидушкой со
Давыдьёвной». . .

Наливаёт-то Цюрильё игуменьё,
Паливаёт стакан зельица лютого;
Он да подаваёт Снафидушки Давыдьёвной;
«Ты прими, Снафидушка Давыдьёвна,
Уж ты паного пивья да маластырьского;
Паню-то пивьцё да на просыпку легко».

Спроговорит Снафидушка Давыдьёвна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Жононьки больше не живут мужовьей». . .

Подаваёт-то Цюрильё игуменьё,
Он да подаваёт Василью Романовицю:

¹ Измучатся — по объяснению сказительницы.

² Монастырского.

«Да ты прими, Василий Романовиць,
Піше нашого пивья да маластырьского,
З нашого пивья да не болит голова,
Нашо-то пивье да на просыпку легко».

Принимает Василий правой рукой.
Выпивает-то Романовиць одним духом.
У Василя резвы ноги подломилеся,
У Василя белы руки опустилися,
У Василя голова с плечь покатиласе.

Подавает-то Цюриль то игуменьё,
Подавает-то Снафидушка Давидьёвной:
«Ты прими, прими, Снафидушка Давидьёвна,
Уж ты нашого пивья да маластырьского;
С нашого пивья да не болит голова,
Нашо-то пивье да на просыпку легко».

Принимает Снафида правой рукой,
Выпивает-то Давидьёвна одним духом.
У Снафиды резвы ноги да подломилеся,
Да у Снафиды белы руки опустилися,
Да у Снафиды голова с плечь покатиласе.

Тут-то Цюриль испужалосе.
Всё да на Васильевой могилы, на Снафидиной
Выростало два деревья кудрявые;
Они вместиах кореньищемь сросталися,
Да они вместиах вершиноцькой свивалися.
Да тут народ, все люди здивовалися.

Тут уцюл Цюриль игуменьё.
Он пошел-то ко старьцю в келейку:
«Уж ты, старець, ты, старець в келейки!
Що же тако цюдо цюдилосе?
На Васильёвой могилы, на Снафидиной
Да выростало два деревья кудрявые;
Они вместиах кореньищемь сросталися,

Они вместиах вершиноцъкой свивалисѧ. —

«Стань-ко, Цюрильѧ, на праву да на
ногу,

Посмотри-тко ты, игуменьѧ, на леву на
руку;

Що на руки у тебѧ подписаное,

Що на левой да напечатаное?»

Стал-то Цюрильѧ на праву на ногу,

Посмотрел тут игуменьѧ на леву на руку:

«То на руки у меня подписаное:

Василий со Снафидой в пресветлом раю». —

«Уж ты стань-ко, Цюрильѧ, на леву на
ногу,

Посмотри-тко ты, игуменьѧ, на праву на
руку.

Що на руки у тя написаное,

Що на правой да напечатаное?»

Стал тут Цюрильѧ на леву на ногу,

Посмотрел тут игуменьѧ на праву на руку:

«То на руки у мя написаное:

Да Цюрильѧ игуменьѧ да в кромешной в адъ».

ДЕВУШКА-ВОИН

У Ивлия Ивлевича было семь дочерей,
Осьмая падчерица.

Сказана служба царская,
Царская, государская:

У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.

Скажет тут Ивлей Ивлевич:

«Дети-ль, дети милые!

Сказана мне служба царская, государская:

У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.

А у меня вас семь дочерей.

Семь дочерей, осьмая падчерица».

Скажет тут, молвит большая-то дочь,

Средняя дочь молвит: «Я за него!»

Меньшая-то дочь молвит:

«Батюшка сударь!

Сшей же мне, батюшка, камзол да штаны,

Камзол да штаны, со манерами сапоги,

Куни же мне, батюшка, черну шляпу со
пером,

Перчаточки с серебром.

Дай же мне, батюшка, доброго коня,

Во правую руку саблю вострую.

Поеду я, батюшка, на вой воевать,

Стану я батюшки по праву сторону,
Стану воевать и я, бодро поступать».

Царь государь похаживает,
С своими генералами разговаривает:
«Чье это дитё хорошо снаряжено,
Отдал бы я, отдал дочь за него.
Много бы за дочерью приданого дал:
Семь городов с половиною,
Семь сёл с половиною». —
«Это дитё Ивля Ивлевича.
У Ивля Ивлевича семь дочерей,
Осьмая падчерица». —
«Держите, ловите, хватайте её!»

ГОСТИНЫЙ СЫН УВОЗИТ ДЕВУШКУ НА КОРАБЛЕ

Во славном было городе Кронштате,
Гостинный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке,
Окатистый крупный жемчуг на атласе.

Из высокого из нового терема
Увидела душа красная девица:
«Ах ты, душечка, удалый добрый молодец
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«Ах ты, душечка, душа красна девица!
Красно золото на девочке нечисто,
А окатистый крупен жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Как в городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приугаснут,
И батюшка с матушкой спать лягут».

Красна девица по светлице ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостинный сын по бережку гуляет;

Он душу красну девицу дожидает;
Принимает красну девицу под ручки.
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красну девицу допьяна.
Позволила девица почивати
У гостинного у сына на кровати.

Гостиный сын по кораблику гуляет
Молодым матросам повелевает:

«Ах вы, свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»

Среди моря девица пробудилась,
Пробудившись, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»

Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселички играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна
девица!

Уж как бог нас донесет с тобой в наш
город.

И я буду просить у батюшки благословенья
На тебе, на красной девице, жениться;
Как станем мы с тобой жить во любви,
Отпущу тебя к твоему батюшке побыватьи.
На своей тебе сторонушке погуляти».

ПРИНЦ НОЧУЕТ У ДОЧЕРИ КУНЦА

У Пенькова, у Пенькова,
У Пенькова у кунца,

Припев:

Хорошая моя, пригожая моя!

У Пенькова у кунца
Была дочь хороша,
Была дочь хороша,
Свет-Дуняша душа.

Как повадилась Дуняша
В особливой спальне спать
С одной нянюшкою,
Со Татьянушкою.

Со Пенькова со двора
Младый принц приезжал,
Младый принц приезжал,
Штофик рому привозил,
Штофик рому привозил,
Таню пьяной напоил,
Таню пьяной напоил,
Авдотьюшку угостил,
Авдотьюшку угостил,
Он с собой гулять возил.

Родной батюшка хватился,
По всем горнидам бросился,

По всем горницам бросился,
У соседей колотился:
«Вы, соседи, вы, соседи,
Вы, соседунки мои!
Не видали ли, соседи,
Вы Дуняшиной?» —
«Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:
Спит у принца на руки,
На сукошном рукаве».

Родный батюшка идет,
Вдоль по улицы ведет.
Вдоль по улице ведет,
Но белому лицу бьет,
По белому лицу бьет,
Приговаривает:
«Ты не будь такова,
Как моя прежняя жена,
Как моя прежняя жена,
Твоя матушка родна!»

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ КУНЦА

Как под липой, под липой,
Под кудрявой зеленой,
Сидел молодец такой,
Держал гусли под полой.
Ах вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я песенку спою
Про женитьбу про свою,
Как женила молодца
Чужа дальняя сторона,
Макарьевска ярмонка!

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близ гостинного двора,
У Софронова кунца
Солучилась беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.

Как искали ту пропажу
По болотам, по лесам,

По Макарьевским пескам;
И нашли эту пронажку
У Машкова на дворе,
В новой бане на полке.
Ее буйная головунка
Испроломанная,
Ее русая коса
Вся растрепанная,
Цветное платье
Все изорванное
Все изорванное,
Все издерганное.

Вот и сам-от победитель
Под окошечком сидит,
Таки речи говорит:
«Не ко мне ли гости едут,
Не меня ли хотят брать?»
Как по нервой по пороше
Трои савочки катят,
И звенят, и гремят,
Лишь копыточки стучат.
«Приворачивай, ребята,
К Акулину двору».
Акулинушка бежит,
На ней платье шумит.
«Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!»
Уж как взяли молодца,
Подхватили удалца,
Посадили в креску горенку—
В каменный острог...

ЖЕНЫ ПОКУПАЮТ ВОЛЮ НАД МУЖЬЯМИ

Летел голубь, (2)
Летел голубь через город, (2)
И он нес вести,
И он нес вести да невесте:
«Вы, девушки,
Вы, девушки, вы, подружки,
Мы складемся,
Мы складемся по полтине,
По полтине, по холстине.
Мы пойдемте,
Мы пойдемте к воеводе:
«Воевода, воевода,
Воевода, царь господский!»
Ты дай воли,
Ты дай воли на три годы,
На три годы,
На три годы над мужьями». —
«Не дам воли,
Не дам воли на три годы,
На три годы над мужьями. —
Я дам воли,
Я дам воли на полгода,
На полгода,
На полгода над мужьями». —

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,
Но я буду,
Но я буду погоняти
Чапельником,¹
Чапельником по бельмищам,
Помелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я поленом по колену.

¹ Ухват.

ЛЮБОВНИК-БАРАН

Мой муж домой едет,
Гостылый домой едет.
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила».

Как муж приезжает,
Он жену пытается:
«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Что у тебя в лукошке,
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?» —

«Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами». —

«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!» —

«Да ты, муж-мужичко,
Глупый, перазумый!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех дней не любят».
Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытается:
«Жена моя, жопка,
Покажи мне барана.
Черного, кудрява!» —
«Этого барана
Я в сад относил;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели».

МУЖ-НЕДОРОСТОК

Я у батюшки манешенек родился,
Я у матушки глушешенек женился,
Я привел жену молодую,
Словно ягодку в лесе боровую,
Словно яблочко в саду налитое.

Молодая-то жена меня не взлюбила,
Негодяем-то меня она называла:
«Ты пойдем-ка, негодный,
Пойдем к тестю в гости,
К тестю в гости, к тестю в гости,
К теще побывать!»

А пришлось негодяю мимо идти рощи.
Привязала негодяя к белой березе,
А сама-то ли пошла, загуляла,
Ровно девять денечков к нему не бывала.
На десятый-ет денечек жена стосковалась,
Стосковалась, стосковалась, стала тужить-
плакать:

«Сходить было, пойти к негодяю!»

Не дошедши негодяя, жена становилась,
Низехонько ему поклонилась.

«Хорошо ли ти, негодный, в пиру
пировати?» —

«Государыня жена, мне-ка не до пира:
Мне соловушки головушку всею пробилца,

Мне комарики плечики искусили,
Мне муравушки ножки обточили!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня кормить хлебом?» —
«Государыня жена, стану калачами!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня поить квасом?» —
«Государыня жена, все стану сытою,
Я сытою, сытою сладкой, медовою!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня пущать в гости?» —
«Государыня жена, ступай хоть и вовсе!»

ЖЕНА СЖИГАЕТ НЕЛЮБИМОГО МУЖА

«Как, рябина, как, рябина кудрявая,
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоячи,
На болотину смотрячи?

Молодица, ты, молодунка,
Молодица ты пригожа,
Как тебе не стошнится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрячи,
На пригожего глядячи?» —

«Наварю я шна пьяного,
Пакурю я вища зеленого,
Папою я мужа пьяного,
Положу его средь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.

Выйду я на улицу,
Закричу я своим громким голосом:
Осудари вы, люди добрые,
Вы, суседи приближенные!
А почесь гром-от был,
А почесь молонья сверкала, —
Моего мужа убило,
Моего мужа оналило!» —

«А ты, б...ь-страдница!
А не гром убил, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела!»

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

У нас было во новом городе,
Во новом городе во Саратове,
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
У кунца ли, кунца у богатого,
У богатого, у Шахматова,
Несчастье в доме сделалось,
Несчастье не малое,
Как жена-то мужа потеряла,¹
Вострым ножичком зарезала.
В холостой² его погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала;
Сама взошла в нову торницу,
Во столовую светлицу;
Она села под окошечко,
Под хрустальное стеклышко;
Сама плачет, как река льется.
Прилетели к ней два сокола,
Два сокола, два ясных,
Доверья ее любезные.
«Здравствуй, сноха-невестушка,

¹ Погубила.

² Пустой.

Сноха, белая лебедушка!
Где же братец наш, Иванушка?» —
«Ваш братец увел коня понть». —
«Ты, сноха наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Его добрый конь в конюшеньке,
Шелкова узда на гвоздике.
Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да что у тебя в избе за кровь?» —
«Белу рыбицу я пластала,
Бела рыбица больно билася!» —
«Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да где братец наш, Иванушка?» —
«Соколы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мне буйну голову!
Вашего брата я потеряла,
Вострым ножичком зарезала,
В холостой погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала!...»

МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Летела павя через улицу,
Ронила павя павино перо;
Мне не жаль пера, жаль мне павушки.
Ой, мне жаль молодца, — один сын в отца,
Один сын в отца, добрый молодец,
Он на службу идет государеву.

Он и год служил, и другой служил;
А на третий год ко двору идет.
Его мать встрела¹ среди поля,
А сестра встрела среди села,
А жена встрела среди двора.

Ой, и мать сыну поразжалась:
«А твоя жена увесь дом снесла —
Что коней твоих пораспродала,
Соколов твоих пораспустила,
А меды твои поразвыпила».

Вынул молодец саблю вострую,
Он и снес жене буйну голову.
Голова жены покатиалась
Ворону коню под праву ногу.
Пошел молодец во конюшеньку:
Кони стоят, сено-овес едят;

¹ Встретила.

Пошел молодец во соколенку:
Соколы сидят, почидаются;
И меды стоят не починены; ¹
Пошел молодец на новы сени:
На новых сенях колыбель висит,
Колыбель висит, там дитя кричит.

«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»
Пошел молодец на высок терем, —
Как ударится он о дубовый стол:
«Что не мать ты мне и не матушка,
А змея же ты подколотая!»

¹ Не початы, не тронуты.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК И КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ

В Москве было у князя у Волхонского,
Тут живет-то, поживает Ваня-ключничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.

Ваня год живет, другой живет, — князь не
ведает;

На третий-то годочек князь доведася
Через ту ли через девушку через сенную,
Через сенную, да через самую последнюю.

Закричал же князь Волхонский зычным
голосом:

«Уж вы, слуги ль мои, слуги, слуги
верные!

Вы сходите, приведите Ваню-ключника!»
И стал-же князь Ванюшу да выспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду
всю:

Ты который год с княгиней во любви
живешь?»

На первой-от раз Ванюша не покался.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа;
Что и тут-то наш Ванюша не покался.
Закричал же князь Волхонский громким
голосом:

«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли верные!

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшенный двор!»
Повели же ведь Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрійская рубашка ровно жар
горит,

Козловы новы сапожки поскрипывают,
У Иванушки кудеречки рассыпаются;
А идет-то сам Ванюша, усмехается.

Привели же ведь Ванюшу на конюшенный
двор,

Там и начали Ванюшеньку наказывать.
Александрійская рубашка с телом сме-
шана,

Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.

Закричал же наш Ванюша громким
голосом:

«Уж ты, барин ли, наш барин, ты, Волхон-
ский князь!

Поставлено зелено вино, — кто не пьет его?
Приготовлены закуськи, — кто не ку-
шает?

Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусок покушано».

Закричал же князь Волхонский громким
голосом:

«Ры, слуги ли мои, слуги, слуги верные!
Вы кон йте-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка вы два столба, два высокие,
Перскладину кладите вы кеновую,
Привяжите-ка вы постельку шелковую,

**И повесьте тут Иванушку изменника,
Молодая-то княгиня любовника!
Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то во тереме кончается.**

ЛЮБИЛА КНЯГИНЯ КАМЕР-ЛАКЕЯ

Время проходит, время летит,
Время проводит, ничто не льстит
Любила княгиня камер-лакея,
Любила она четыре года;
На пятом году князь догадался,
На княгиню прогневался:
«Слуги мои, слуги вы верные, нелице-
мерные!

Вы поймите камер-лакея,
Вы поймите молодого,
Руки вы, ноги свяжите,
И вы бросьте в тое реку,
В тое реку во Смородишку!»
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболела, захотела свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины:
«Слуги мои верные,
Слуги мои нелицемерные!
Возьмите вы шелковый невод,
Поймайте мне свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины!»

Сколько ловили, не изловили;
Только поймали белее тело,

Белое тело камер-лакея,
Камер-лакея молодого...

«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьичу,
Вы несите во светлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого!»

Ее ветры не послушались,
Из князя душу не вывели
И в камер-лакея не вдували.

«Ох, вы, мои резвые ноги,
Знать-то вы ко мне не находились!
Ох, вы, мои белые руки,
Знать-то вы меня не обнимались!
Ох, вы, мои очи ясные,
Знать-то вы на меня не погляделись!
Ох, вы, мои уста сахарные,
Знать-то меня не целовались!
Ох, вы, мои цветные платья,
Знать-то мне вас не носить!
Ох, вы, мои черные платья,
Знать-то мне вас надевать!
Знать-то мне цветное платье скидывать,
Надевать-то мне платье черное!»

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Во славном во городе в Киеве
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А дочка десятал.

Один брат с рук, другой на руки,
Третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлежавши сестру, гулять пошли,
По Руси воровать пошли.

Без них меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я год живу и другой живу,
На третий год сына родила.
Сына родила — стосковалася.
Морянина стала в гости звать:
«Морянин, морянин, пойдем в гости!
Уж ты к теще, а я к матери,
Ты к шурьям, а я к родным братьям!»

День едем и другой едем,
На третий день остановились,
Остановились, огонь розклали,
Огонь розклали, кашу варили,
Кашу варили, дитя кормили.

Поналетели черны вороны, —
Понаехали злы разбойники.

Морянина они потеряли,¹
Морянченка в воду бросили,
Морянушку во полон взяли.

Все разбойнички спать легли,
Один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, богу молится,
Меня, морянушку, выспрашивает:
«Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?
Ты купецкого, иль княженецкого?» —

«Не купецкого я, не княженецкого:
Во славном во городе в Киеве
Там жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынков,
А я, дочка, — я десятая.
Один брат с рук — другой на руки,
А третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлежаявши сестру, гулять пошли,
По Руси воровать пошли.
Без них меня матушка выдала,
Что за море за морянина».

Как возговорит злой разбойничек:
«Вы встаньте, мои братцы родные!
Не морянина мы потеряли,
Не морянченка в воду бросили,
Не морянушку во полон взяли:
Мы потеряли зятя милого,
Шлеманченка в воду бросили,
Сестрицу ластушку во полон взяли!»

¹ Погубили.

Как возговорят злые разбойнички:
«Ты, сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у нас золоты ключи,
Отворяй ларцы, ларцы кованы,
Ты бери золото, сколько надобно!» —
«Ах, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мне не надо вашего золота, серебра,
И ни скатного, крупного жемчугу.
Приведите моего морянина,
Принесите моего моряниченка!
Вы пустите нас к родной матушке!»

ВЕЩЬ СОН ДЕВУШКИ У РАЗ- БОЙНИКОВ

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Как на той было Волге-матушке,
Там плывет-гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкам, ружьедам поставлена.

На носу сидит атаман с ружьем,
На корме стоит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посеред лодки стоит бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красная девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.

Она плакала-заливалась, —
Но хорош-то, вишь, сон ей привиделся:
«Расплеталась коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая, ярославская,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застреленному,
Есаулу быть поиману,

Добрый молодцам быть повешенным,
А и мне ли, красной девушке,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке;
А за то, про то красной девушке, —
Что пятнадцать лет на разбой пошла,
Я шестнадцать лет души губила,
Я зарезала парня белокурого,
Из белой груди сердце вынула,
На пожар сердце встропахнулося,
А и я, млада, усмехнулась!»

ДЕВИЦА — АТАМАН РАЗБОЙНИКОВ

Загуляла я, красна девица, загуляла,
Со удалыми, со добрыми молодцами,
Со теми ли молодцами, со ворами.
Не много я, красна девица, гуляла,
Гуляла, красна девица, тридцать шесть лет.
Была то я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом,
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет просзда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старова и малова в щет не клала.

Я ездила по городам, по уездам,
Захотела, красна девица, загуляти,
Во славное в Московское государство,
Захотелось мне, красной девице, посмотре-
трети,
Богатых там купцов мне поглядети;
Мне каменные полаты поломати,
Железные запоры отпирати.

Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское на кружало.¹

¹ Кабак.

Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички за стоичку бросала:
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Уж тут-то я, красна девица, бодрость
оказала,

Уж храбро я и бодро поступала,
Агамановы поступки показала.

Уж тут меня девицу признавали,
По имени красну девицу называли,
По отчеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали.
Повели меня, красну девицу, во полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся.
Немного-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть
лет,

Была я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом;
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать
тысяч,

А старого и малого в щет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широким по улицам походить,
Богатых там купцов поглядеть,

Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла,
На славное Петровское кружало,
Не глядя, я рублевички вынимала,
За стоичку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
Но имени красну девицу называли,
Но отчеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полицу.

Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите!
Вы слушайте, судьи, моево приказа:
Ведите меня с товарищи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех с ряду,
Меня, красну девицу, напоследок!»
Я, лежа там, красна девица, возрыдала,
Об товарищах своих я пожалела,
Что рано я вас, девица, погубила,
Я в сей вине, красна девица, причина,
Простите, мои приятели, доброхоты!

МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Уж как шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой;
В слободке становились,
У вдовушки попросились:
«Ты, вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Нас немножечко, маленько:
Полтораста нас на конях,
Полтретьяста пешеходов».

А вдова им отвечала,
Ночевать их не пустила:
«У меня дворик маленек,
А горенка не величка!
У меня детей семейка!»

Они силой ворвались,
Во горенку вобрались.
Они сели по порядкам:
Пешеходы все по лавкам,
А конница по скамейкам;
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком,
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белые ручки;
Стоит она, слезно плачет.

А большой гость ушмает:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, о додела?» —
«И я в горе позабыла». —
«Уж и много-ль, вдова, деток?» —
«У меня деток четвёро». —
«Уж и много-ль, вдова, хлеба?» —
«У меня хлеба осьмина». —
«Уж и много-ль, вдова, денег?» —
«У меня денег полтина». —

«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже!
Ты скинь, вдова, с меня кивер,
В кивере — полотенце:
Не твое ли рукодельца?
На правой руке колечко:
Не твое ли обрученья?»

А вдова-то испугалась,
Во новы сени бросалась,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои дети!
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-то месяц светит,
Не красное солнце греет, —
Пришел батюшка родимый!»

А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам не надолго:
На один я на денечек,
Что на сдний на часочек!»

СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище, Игренище
Кологренище.

А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай
спустит.

Пришел-то старец под окошечко
Человеку к тому богатому.

Просил честную он милостыню:

Просил редечки горькия,

Просил он капусты белой,

А третью свеклы красныя.

А тот удалой господин

Добре сослал редечки горькия,

И той капусты он белой,

А и той свеклы красныя,

А с тою ли девушкой поваренною.

Сошла та девка со двора она

И за те за ворота за широкие.

Посмотрит старец Игренище Кологренище

Во все четыре он во стороны.

Не увидел старец он, Игренище,

Во всех четырех во сторонушках

Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи свеклы красныя,
А и рад-то девушке чернаушке.
Ухватил он девушку чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.

Пошел он, старец, по монастырю;
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросали ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковой
мешок.

Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
И с красной свеклы росол пошел.

А и тут-то ребята десятильниковы,
Оне тут-то со старцем заздорили.
А и молится старец Игренище,
а Игренище Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы,
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть не корысть получитьь.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов
монастырь,

А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить,
А другому дам камчат кафтан,

Он весь-то во тятивочку повыстеган,
А третьему дам саночки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».

А и тут ему ребята свободу дают.

И ушел он, старец Игренище,
а Игренище Кологренище.

Во убогие он свои во келейки.

А поутру раненько-ранешенько

Не изробели ребята десятильничковы:

Промежу обедни, заутрени

Пришли оне, ребята десятильшковы;

Ходят оне по монастырю,

А и спрашивают старца Игренища,

Игренища Кологренища.

А увидел сам старец Игренище,

Он тем-то ребятам поклоняется,

А слово сказал им ласковое:

«Вы-то, ребята разумные,

Пойдем-ка ко мне в келью, идите».

А всем рассказал им подробно все,

А четверть пройдет, другой приди,

А всем рассказал, по часам рассказал.

Монастырски часы были верные,

А которой побыстрее из ребят наперед

пошел

Ко тому старцу ко Игренищу.

Первому он дал пухов козлак:

А брал булаву в пол-третья пуда,

Бил молодца по буйной голове, —

Вот молодцу пухов козлак,

Век носить, да не износить,

Поминать старца Игренища.

И по тем часам монастырским

А и четверть прошла, другой пришел.
А втапору старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детин, донага,
Полтора ста ударов ему в спину вленил.

А и тех-то часов монастырских
Верно-то их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошася старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище Кологренище,

А скоро удобри и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.

«А вот вы, ребята десятильничковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А тот ведь за кельей наляется;
А другому — надел на камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить, да не износить».

РАЗГУЛЬНЫЕ МОНАХИ

Против солнца на востоке,
Монастырь Рашен стоял.

Как в келейке монашники спасаются:
По три раза они на день напиваются.

Как к обедне зазвонят,
Так чернец пойдет в кабак
Свою рясу пропивать,
Клобук закладывать.

Целовальник не примаает,
Чернеца в шею толкает:
«Иди прочь, кавалер!
Казначей пить не велел!»

Чернец вышел за врата;
Его взяла разнота:¹
«Чем мне в келейку идти,
Лучше в роще погулять!»

Девки в роще грибы брали,
Чернеченька не видали;
Доходили до конца,
Увидали чернца...
Чернец ходит по тропе
Во высоком клобуко.
Становились девки в круг:
К ним идет сердечный друг.

¹ Недоумение.

Девки песенки запели,
Вот чернец пошел плясать,
А молоденька монашника похаживати.
С ноги на ногу монашника постукивати,
Про свое житье монашеско рассказывати:
«Распроклятое тако
Наше монашеско житье!
Распроклятая такая
Наша келья земляная!
Оставляю в тебе, келейка, спасенье,
Свое спасенье, свое монашеское!»

ПРИМЕЧАНИЯ

БЫЛИНЫ

Составители настоящего сборника ставили перед собой задачу выбрать из фольклорного материала наиболее ценное и значительное в художественном и социальном отношении. В то же время мы стремились ввести в литературный обиход свежие тексты, известные лишь узкому кругу специалистов. Поэтому при выборе преимущество иногда отдавалось малоизвестным текстам перед вариантами, хотя и имеющими большой художественный и социальный вес, но неоднократно включавшимися в антологии.

Публикуемые тексты былины, исторических песен и баллад сохраняют лишь некоторые особенности местного произношения, главным образом тогда, когда они связаны с формой и интонацией песенного стиха или представляют особые словообращения.

Большинство былины записано на севере. Главные особенности окающих говоров: произношение неударяемого *о* как *о* (хороший, а не хароший; *и* как *и*, а не *б* в окончаниях прилагательных (доброю, а не

добрава), смена *ц* и *ч* («цоканье» и «чеканье»), мягкость *ц* и др. согласных, замена *а* посредством *е* и *о* посредством *у* (петь вместо пять, войлучек), отдельные случаи замены согласных (блад вместо млад, дак вместо так) др.

В настоящем издании мы отказались от сохранения резких отклонений от общепринятого литературного языка, наличие которых затруднило бы чтение; тем более, что не все собиратели одинаково точно проводили диалектический принцип.

Чтобы познакомить с подлинным звучанием, даются образцы отдельных диалектических записей («Про Чурилу», «Небылица в лицах», «Цюрильё-игуменьё»). Мы стремились сохранить характерную черту исполнения былины и песен,—варьирование одних и тех же слов или звуковых сочетаний в качестве своеобразного художественного приема мелодики и инструментальной стиха.

При переводе со старой орфографии на новую окончания *аю*, *яю* и *ыя*, *ия* сохранены лишь в тех случаях, когда можно с уверенностью предположить о соответствии этих форм произношению, на том основании, что собиратель наравне с данными формами употребляет и формы *ого*, *его* и *ые*, *ие*.

Примечания к отдельным былинам и песням ставят задачу раскрытия исторического и социального их смысла и сообще-

ния кратких сведений о генезисе. Объяснение отдельных оборотов дано в подстрочных примечаниях, а местных и архаических слов — в словаре. Полные заголовки исследований, упоминаемых в примечаниях, вынесены, чтобы не загромождать комментария, в особый список.

В библиографический список исследований включены и устарелые, но дающие большой фактический материал, который может быть использован.

Первая посадка Ильи Муромца

Марков, № 68. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Золотица. Записано в 1899 г. от Г. Л. Крюкова, 77 л.

В былинах следует видеть, с одной стороны, воспоминания о борьбе с разбойничеством, порожденным жестокой эксплуатацией и угнетением народных масс с самого начала государственности, с другой стороны — отклики на неустанную борьбу древней Руси с врагами-кочевниками. Есть попытки прикрепить эту былинку к определенной местности: к Черниговскому княжеству XII—XIII веков, в котором был город Морюнийск и недалеко город Карачев. Близ Карачева находится река Смородина и село Десятидубье, которые местные жители связывают со сказаниями о Соловье-Разбойнике. Илья Муромец, по старым записям, — Муровец, богатырь Морюнийска, — Муравленин или Морюлин. По кон-

цепции Вс. Миллера¹⁵, былина сложилась на основе слияния и обработки двух местных черниговских преданий: об освобождении Чернигова от врага и о каком-то знаменитом разбойнике. Предположения эти, однако, еще спорны, так как не установлен самый факт существования преданий, указанные же местные названия села и реки могли появиться и в более позднее время.

Имя Соловей довольно часто встречается в древней Руси. Отчество — Рахманьевич, тоже позднейшая вставка, указывает что на образе Соловья-Разбойника отразились воспоминания татарщины (Рахманьонич — по другим вариантам Рахматович — вор-Ахматович. Хан Ахмат известен своим походом на Москву в XIV веке).

В печатаемом варианте интересны позднейшие социальные черты — противопоставление «мужичонка» Ильи «бояришка» кособрюхим и посрамление последних.

Бой Ильи Муромца с сыном

Марков, М. 4. Из старины Терского берега. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Зияния Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Брюковой, 45 л.

Былина является обработкой широко распространенного международного сюжета о бою отца с неузнанным сыном. На эту тему известны иранские сказания о Рустеме и Сохрабе (Зорабе), немецкие — о Гильдебранде и Азибранде, эстонские — о Кивви-

аль, кельтские — о Клизаморе и Картоне, киргизские — о Гали и Сайдыльде и др. По общему характеру — трагическому исходу для сына — русские былинные обработки ближе к восточным, но в целом ряде деталей сходятся с западными.

Бытовая историческая обстановка, отраженная русскими обработками, говорит о древнем и южном их происхождении. Образ сына соответствует традиционному былинному изображению врага — кочевника — с чертами коварства и злобы.

Были попытки определить более точно время и место создания былины, исходя, главным образом, из имени матери: Латыгорка, Златыгорка (А. В. Марков⁹). Но они успехом не увенчались, и вопрос остается открытым.

Помещаемый вариант — единственный, в котором мать Подсоколыника именуется Маринкой Кайдаловной, взимающей торговую пошлину с кораблей князя Владимира — персонаж, перенесенный из редкой былины о Глебе Володьевиче, записанной Марковым в двух вариантах также в дер. Нижняя Зимняя Золотида. В варианте, записанном от той же сказительницы, упоминается Илья Муромец как «дружок» Маринки, которому она «скопляет золоту казну». В связи с этим воздействием другой былины данный вариант принимает и необычайный конец: Илья Муромец после покушения сына на его жизнь не убивает его, а

отпускает к матери. Следует убийство матери, которое в других вариантах предшествует покушению на убийство отца, и затем новая попытка Подсокольника погубить Илью Муромца, — в рассказе о ней снова фигурируют корабли князя Владимира.

Изображение сторожевого поста — «заставы» дало возможность развернуть в позднейшей переработке показ богатырей. Особенности характеристик вскрывают социальные тенденции исполнителей. В этом отношении особенно замечателен один из северных вариантов, помещенный в сборнике Киреевского («Песни», т. I, вып. 1, М., 1863, стр. 46). Дается состав богатырей:

На заставе атаман был Илья Муромец;
Податаманье был Добрыня Никитич млад;
Есаул — Алеша, поповский сын;
Еще был у них Гришка, боярский сын;
Были у них Васька Долгополой.

При обсуждении, кого послать за нахвальщиком, Ильей Муромцем поочередно отводятся все богатыри:

«У Васьки полы долги;
По земле ходит Васька, заплетается,
На бою, на драке заплетется, —
Погинёт Васька понапрасному».
«Гришка — рода боярского;
Боярские роды хвастливые;

На бою-драке призахвастается, —
Погинёт Гришка понапрасному». —
«Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидушие,
Поповские руки загребушие;
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра,
Злату Алеша позавидует, —
Погинёт Алеша понапрасному.

В целом ряде других вариантов характеристика дается в личном плане и вызывается осмыслением прозвищ богатырей.

«Да послать нам ведь Мишку Торопанишка —
Да и тот он ведь рода торопливого,
Потеряет свою буйную голову...»
(Ончуков, № 4)

«Мы пошлем тихого Дуная сына Ивановича —
У Дуная повороты были тихие
Он не за веды положит буйну голову».
(Киреевский, в. 1, № 1)

Добрыня и Алеша Попович носят исторические имена: Добрыня по летописи является дядею князя Владимира Святославича, Александр Попович упоминается в летописной заметке о битве при Калке в числе остальных «храбров», погибших в сражении.

Илья Муромец и Идолище

Рыбников, I, № 6. Б. Олонецкая губ., Киж. Записано в 1860 г. от Т. Г. Рябина, 78 л.

Былина об Илье Муромце и Идолище — позднейшая переработка былины об Алеше Поповиче и Тугарине, явившаяся в результате стягивания целого ряда легендарных подвигов к популярному имени Илья Муромца. Тугарин — возможно, Тугорхан половецкий хан конца XI века, имевший то враждебные, то дружественные отношения с киевским князем Святославом. Алеша Попович — Александр Попович, упоминаемый древнерусской летописью как «храбр», богатырь, живший в XIII веке и погибший в битве с татарами на реке Калке. Этот Александр — Алеша Попович — является героем многих былин, причем к его имени прикрепляются и более ранние предания. В основе былины об Алеше Поповиче и Тугарине, очевидно, лежат какие-то древние сказания о борьбе русских с кочевниками, в частности с половцами. По другому объяснению генезиса этой былины (Б. М. Соколов¹⁸) источник ее — местное ростовское сказание о борьбе с идолом. Однако трактовка Тугарина-Идолища, как концентрированный образ насильника-кочевника, является более убедительной.

Наряду с идолищем в данной былине заслуживает внимания образ калики.

Помимо скоморохов, в сложении и формировании эпоса сыграла роль и церковно-памятническая среда. См. вступительную статью, стр. 49.

Апофеозом каличества явилась былина «Сорок калик», как апологией скоморошества — «Путешествие Вавилы». См. примечание к «Путешествию Вавилы со скоморохами» (стр. 406). В былинах о Тугарине-Идолище калика изображается могучим богатырем, по силе почти равным главному герою, а в некоторых вариантах и превосходящим его.

Илья в ссоре с Владимиром

Гильфердинг, № 47. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., Купецкая вол., дер. Бураково. Записано в 1871 г. от Н. Прохорова (по прозвищу «Утка»), 51 г.

Былина несомненно позднего происхождения и отражает социальные отношения начала XVII в. Об историческом смысле данной быliny о ссоре Ильи с Владимиром см. вступительную статью, стр. 22.

В публикуемой былине образ Ильи-бунтаря раскрыт с огромной художественной силой, что делает этот текст вообще одним из лучших в русской былевой традиции.

Илья Муромец и голи кабацкие

Гильфердинг, № 257. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. М. Кропачева (Лядкова), 65 л.

Интересное объединение двух разновременных по своему происхождению былин. Первая часть, о голях кабацких, существующая и в виде отдельной былины, должна быть отнесена к XVII в. по тем же основаниям, как и былина о ссоре Ильи Муромца с Владимиром. Вторая часть является сокращенной былиной о Калине-царе, создавшейся на основе сказаний о первых встречах русских с татарами. На-фос некоторых вариантов этой былины — в изображении самой борьбы с Калином. Описание нашествия татар дано в них в ярких и сильных образах, свидетельствующих о силе испытанного потрясения. Таково, например, знаменитое описание в варианте сборника Кириши Данилова (№ 24):

Зачем мать сыра земля не погнется?

Зачем не расступится?

А от пару было от кониноного

А и месяц, солнце померкнуло,

Не видит луча света белого,

А от духу татарского

Не можно крещеным нам жить.

В более позднее время к былине о Калине-царе стали присоединяться эпизоды ссоры, заточения Ильи Муромца в погреб, отъезда разгневанных на князя богатырей, что сообщило ей большую социальную заостренность, подчеркивая отрицательные черты Владимира (см., например, Гильфердинг, № 57, 75; Ончуков, № 2; Марков,

№ 2). Печатаемый текст отличается особой социальной насыщенностью, выделяя образ Ильи как великодушного защитника страны и населения, но не князя. Интересны еще варианты, в которых роль доносчиков и клеветников приписывается боярам толсто-брюхим, завидующим подарку (шубе), сделанному князем Илье Муромцу (печорские и беломорские варианты).

В а с и л и й И г н а т ь е в

Ончуков, № 18. Б. Архангельская губ., Усть-Цылемская вол., д. Боровая. Записано в 1902 г. от А. Д. Осташевой, 42 л.

Былины о Василии Игнатьеве представляют позднейшую обработку преданий времен татарщины, отразив, вероятно, воспоминание о разгроме Киева Батыем в 1240 г. Многие варианты этой былины (олонецкие) сохранили и самое имя хана (Батыга). Рядом с более старыми обработками сюжета о нашествии на Киев татар (былины о Калине-царе) данная былина интересна перенесением роли обычного спасителя Киева, Ильи Муромца, на представителя голи кабацкой. Таким образом, эта былина должна быть поставлена в один ряд с былинами о голях кабацких и о ссоре Ильи с Владимиром, преломивших настроения социального протеста угнетенных масс — участников народных движений начала XVII в. См. об этом вступительную статью, стр. 22—23. Данный вариант принад-

лежит к числу тех, которые выражают этот протест с особой силой, но направляют его не столько против князя, сколько против «бояр толстобрюхих». В этом отношении интересны по своей социальной насыщенности два мезенских варианта сборника Григорьева. В одном (№ 65) Василий наказывает татарам:

«Уж вы грабьте князей да нонче бояров,
Уж вы тех же кунчей, людей торговых,
Уж вы грабьте у их да золоту казну,
Не ворошите только князя да Владимира».

В другом (№ 59) еще более социально четко:

«А бар то у нас казните-вешайте».

Запев о турах златорогих является осколком старинной легенды, связанной с представлением об охране Киева богородицей. У старообрядцев Поморья этот запев обработан в самостоятельную песню и представляет плач о гибели «христианской», то-есть старообрядческой веры.

С у х м а т и й (С у х м а н)

Марков, № 11. Из старин Терского берега, Б. Архангельская губ, дер. Нижняя Зимняя Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Крюковой, 45 л.

В основе былины лежит предание о каком-то столкновении русских с татарами.

Все попытки установить конкретное событие, послужившее источником, могли только вскрыть некоторые отдельные и иногда отдаленные черты сходства. В целом они лишь заставляют предполагать целый ряд влияний, через которые прошла данная былина, вплоть до XVI в. отложившего в образе Владимира черты деспотизма московских царей. Конеч разработан в стиле поэтических сказаний о происхождении названий рек, следы которых мы находим и в других былинах, например в былине «Дунай». Былина — одна из самых редких, известна всего в нескольких версиях.

Неудавшаяся женитьба Алеша
Марков, Маслов, Богословский, т. II, № 24.
Терский берег, б. Архангельская губ., Варзуга. Записано 1901 г. от У. Е. Воциящиной, 62 л.

Былина-новелла о Добрыне и Алеше — песенная обработка распространенного международного мотива о муже на свадьбе своей жены (Одиссей и Пенелопа, Ашик-Кериб — имеется обработка у Лермонтова, предания о Карле Великом). Трудно сказать, почему этот сюжет приурочен к Добрыне Никитичу. Алеша же Попович включается в былинную вследствие тех черт изворотливости, склонности к обману и проч., которыми наделяется его образ в руках скomoroxов. См. об этом вступительную статью, стр. 29. Время создания не установлено. Одна

из самых популярных былин. Печатаемый текст относится к той группе вариантов, которые заключают яркую и выразительную социальную сатиру благодаря внесению своднической роли Владимира, наделяемого чертами интригана и насильника.

А л е ш а П о п о в и ч и с е с т р а З б р о д о в и ч е й

Киреевский, в. 2, стр. 67. Б. Архангельская губ., Шенкурск.

Былина-новелла на характерный для феодальной эпохи сюжет — о девушке, запятнавшей фамильную честь и осужденной за это братьями на смерть. Возможно, что вначале это была просто безыменная песня, в которую имя Алеши Поповича было внесено позднее, когда определился тип Алеши как «бабьего прелестника». Об этом заставляет предполагать наличие вариантов, в которых вместо Алеши мы находим безыменного молодца, в одном же варианте героем является Чурила по аналогии с близкой былиной о неверной жене. Время и место сложения данной былины неизвестны.

С т а в е р

Рыбников, I, № 30. Б. Олонецкая губ., Повенедкий у., дер. Горка. Записано в 1863 г. от А. Е. Чукова (по прозвищу «Бутылка»).

Былина о Ставре, очевидно, новгородского происхождения, несмотря на приуро-

чение действия к Киеву. Никаких следов этой былины в южной и средней России, за исключением одного случайного варианта из Владимирской губ., мы не находим. Купеческий характер былины очень силен. Некоторые исследователи полагали, что историческим основанием к ее сложению мог явиться эпизод начала XII в. — столкновение Владимира Мономаха с новгородскими боярами и заточение сотского, боярина Ставра. Оформление предания о заточении Ставра киевским князем в былинную историю произошло не позднее XV в. при помощи ряда литературных мотивов — о жене, переодевающейся в мужское платье для освобождения мужа, о решении дела состязанием в стрельбе, в игре в шахматы и т. п. (Вс. Миллер¹²), но не исключена возможность и простого совпадения имен. Вся группа вариантов, сохранившихся в нынешней Карелии, носит явные следы позднейшей обработки скоморохами — общий балагурный тон, внесение способов испытания пола постелью и баней. Сибирские варианты отличаются более серьезным характером и, возможно, более архаичны.

Д ю к

Гильфердинг, № 159, Б. Олонедкая губ., Петрозаводский у., дер. Космозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Касьянова, 40 л.

Сложение основы былины главный ее исследователь Вс. Миллер¹¹ относит к

Галичу в период его расцвета в XII—XIII вв. В ряде вариантов Дюк едет из Волынца в Галич. Имя и отчество героя ведут к Византии, югославянским странам и западной Венгрии, с которыми южные области находились в оживленных сношениях. Былина испытала на себе несомненное влияние «Сказания об Индии богатой», которое доказывало превосходство Индийского царства над Византийским. (Известно было в русской письменности в XII—XIII вв.). Сходство былины со сказанием — не только в основном замысле, но и в фабуле. В былине видны отголоски соперничества южных бояр, богатых и независимых, с князьями. Пышный расцвет Галича и параллельное ослабление Киева — та историческая обстановка, на почве которой могла окончательно сложиться былина. Впоследствии она впитала черты пышного боярского и царского быта московского периода.

Публикуемый вариант с большой силой заостряет сюжет именно в сторону соперничества Дюка в богатстве и роскоши с князем Владимиром. Чурила является в нем представителем Киева.

Про Чурилу

Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Усть-

Низема, 30 июня 1928 г. Записано А. М. Астаховой от М. Г. Антонова, 59 л. Печатается в первый раз.

Былина представляет типичную новеллу. Богата бытовыми деталями. Одна из самых популярных на севере «бабьих старин», то есть особенно любимых женщинами-сказительницами.

Кроме данного сюжета, с именем Чурилы существует былина о приезде героя в Киев на службу к Владимиру. Чурила является также одним из главных действующих лиц в былине «Дюк Степанович». Место и время происхождения былин о Чуриле не установлены.

Некоторые исследователи, опираясь на южное имя героя, склонны относить эти былины или древнейшие их основы к югу России и к сравнительно раннему времени (А. Н. Веселовский³ и М. Г. Холанский²⁰), другие, по бытовым чертам, приурочивают их к северу — к Новгороду эпохи XV в. (Вс. Миллер¹⁴) или даже к Москве XV—XVI вв. (А. С. Архангельский²).

Развязка в данном варианте является типичной для былины. Но следует отметить характерный вариант с усиленным трагизмом: после убийства жены и Чурилы муж убивает чернавку за донос, а затем и себя (Гильфердинг, № 189).

Сказитель М. Г. Антонов — «баличий» (овечий) пастух (1929 г.) — принадле-

жит к числу замечательнейших мастеров Мезени.

Записанные от него тексты еще нигде не печатались.

В а с и л и й Б у с л а е в

Кириша Данилов, № 9.

Фабула и бытовые картины настолько густо насыщены чертами исторической обстановки Новгорода времен его самостоятельности, что можно с несомненностью говорить о местном новгородском происхождении былины в XIV—XV вв. В ней, как показал в своем исследовании И. Н. Жданов,⁵ отразились воспоминания о борьбе общественных партий Новгорода на почве классового расслоения в среде торговой буржуазии. В лице Василия Буслаева и «мужиков новгородских» изображено столкновение двух конкурирующих слоев социальной верхушки Новгорода — аристократии, крупных землевладельцев-бояр, с одной стороны, и новгородского купечества — с другой. Попытки отыскать конкретное событие, которое могло лечь в основу былины, и исторические прототипы действующих лиц остались безуспешными. Правда, имя героя былины встречается в Никоновском летописном своде XVI в., где под 1175 г. имеется замечка о смерти новгородского посадника «Васка Буславича». Но возможно, что в летописную замечку имя это попало уже из устного

источника, так как ни в местных новгородских летописях, ни в списках новгородских посадников мы этого имени не находим.

Значительные следы влияний XVI в. в обрисовке некоторых образов этой былины (черты опричны, юродивого и др.) вызвали попытку С. К. Шамбинаго²³ истолковать ее как исторический памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород в 1570 году. Неубедительность доводов Шамбинаго вскрыта Вс. Миллером.¹⁷

Былина о Василии Буслаеве является довольно распространенной на севере. Публикуемый вариант сильнее сохранил новгородский колорит, в других он снижен, и в ряде вариантов Василий Буслаевич превращается в обыкновенного хулигана, в пьяном виде вызывающего мужиков на драку в порядке простого хвастовства. Былина часто контаминируется со второй — о гибели Василия Буслаевича, что свидетельствует о конечном осуждении его поведения, хотя в первой былине отношение к герою скорее сочувственное. В этой противоречивости сказалось скрещенное настроение, идущих от различных социальных групп: новгородского боярства, купечества, позднее — крестьянства. Наиболее интересный случай позднейшего переосмысления образа Василия в крестьянской среде мы находим в варианте, записанном А. Марковым на Зимнем берегу («Беломорские былины»,

№ 52, 1901 г.), где Василий Буслаевич оказывается сыном богатого князя и «дворянскими забавами да и забавлянтце: малых деток на улки пообиживает», что и вызывает у мужиков новгородских решение его убить.

Василий Буслаев молиться ездил

Кирша Данилов, № 18.

Былина, очевидно, является отражением воспоминаний об «ушкуйничестве», военно-промышленных походах новгородцев для завоевания и грабежа новых областей, которые носили то организованный характер, то характер самочинных разбойных набегов. Можно предположить, что былина оформилась уже тогда, когда ушкуйничество стало подвергаться порицанию, как наносящее ущерб торговым операциям с Поволжьем (с конца XIV в.), а, следовательно, явилась выражением идеологии новгородского купечества (И. Н. Жданов⁵). Печатаемый вариант интересен тем, что наиболее заостряет образ Василия Буслаевича как вольнодумца, не верующего «ни в сон, ни в чох», исторически сложившийся в Новгороде на почве сильных западных влияний.

Былина заключает следы влияния книжной литературы (эпизод с черепом), а также наслоения XVII в. (казачий элемент былинны).

Садко

Рыбников, № 134. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., Сумозеро. Записано в 1860 г. от А. П. Сорокина, 32 л.

Историческая обстановка, отображенная в былине, сильно выраженный купеческий характер, изображение таких моментов, как заморская торговля, торговая конкуренция и проч., убеждают в несомненном новгородском происхождении. Эпоха, с которой связана эта былина, — эпоха наивысшего расцвета торгового могущества Новгорода. Имя героя является историческим новгородским. В ряде северных летописей упоминается «Садко Сытинец», «Садко богатый», построивший в 1167 г. каменную церковь в честь Бориса и Глеба. Возможно, что в основу и легли предания об этом историческом лице, разработанные в былинку при помощи целого ряда других источников, главным образом сказочных (мотивы о водяном царе и его дочери) и церковно-легендарных (о спасении посредством человеческой жертвы погибающих среди моря).

Печатаемая былина, так же как и второй вариант ее от того же сказителя, записанного Гильфердингом («Онежские былины», № 70), являются самыми полными, подробно разрабатывающими все три основных эпизода, а также сохраняют старейшую развязку эпизода состязания с Новгородом.

В некоторых, очевидно, более поздних обработках победителем оказывается Садко, выкупающий при помощи Миколы Можайского все товары.

Таким образом, былина, являющаяся по замыслу восхвалением торговой мощи Новгорода, переключается впоследствии в разряд обычной героической былины с победителем-героем.

Соловей Будимирович

Гильфердинг, № 68. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Гагарка Шальского погоста. Записано в 1871 г. от П. Т. Антонова, 70 л.

Принадлежит к числу былин-новелл, с заезжими «гостями» в качестве героев. С чертами южного цикла данная былина совмещает явные северные элементы: оснастка корабля (в некоторых вариантах еще ряд северных мореходных терминов), образ типичного новгородского «гостя», есть даже варианты, в которых Соловей Будимирович при термах строит и гостиный двор (см., например, Гильфердинг, № 199), черты богатого новгородского быта, мотивы русских свадебных песен, неизвестных на юге, и др. Кроме того некоторые варианты включают и географические названия, связывающие былину с севером: море «Вирийское» или «Верейское» (искаженное варяжское или, может быть, от Wigonia — эстляндский берег Финского залива) и др. Северный

элемент настолько силен, что заставляет предполагать северное, именно новгородское, происхождение, за что говорит и самое содержание, типичное для новгородского цикла. Время создания — очевидно XV—XVI вв. Южные черты могли быть привнесены позднее под воздействием других былин, где действующие лица группируются вокруг Киева и князя Владимира.

Гудимирович — в большинстве вариантов Будимирович. Завава Утятична — Забава Путятична, часто упоминаемая в былинах как племянница князя Владимира.

Вариант этой быliny из Западной Сибири, помещенный в сборнике Кириши Данилова, известен своей запевкой:

«Высота ли, высота поднебесная» (см. вступ. статью, стр. 40).

В о л ь г а

Гильфердинг, № 91. Б. Олонецкая губ. Петрозаводский у., Сенная Губа. Записано в 1871 г. от К. И. Романова, 80 л.

Былина является, повидимому, контаминацией и сложной переработкой при помощи ряда сказочных и легендарных мотивов двух древних песен — о необыкновенном охотнике и о походе и завоевании чужого царства каким-то героем. Имя «Вольга» было включено позднее по аналогии этих песен с преданиями о князе Олеге и княгине Ольге («ловы» Олега, о которых упоминают

летописи, походы на Царьград). Оборотничество Вольги могло тоже явиться позднее в результате истолкования символических образов охоты (как лютый зверь, как сокол и т. д.) под воздействием новгородского предания об оборотне Волхе, залегшем на дне реки Волхова. Следы этого воздействия сохранились в имени героя «Волх», которое встречается в ряде вариантов вместо Вольги.

Вольга и Микла

Гильфердинг, № 73. Б. Олонецкая губ., Петрозаводский у., Киж. Записано в 1871 г. от Т. Г. Рябинина, 78 л.

Былина, как и предшествующая — «Вольга», вызвала обширную литературу. Главные исследования принадлежат Рс. Миллеру¹³, Н. Н. Коробка⁷, С. К. Шамбинаго²⁴, М. Г. Халаанскому²¹, Б. М. Соколову¹⁹. Но до сих пор все решения относительно происхождения былины нельзя считать окончательными.

Начало былины — результат сближения, под воздействием тех же сказаний о князе Олеге (см. предыдущее примечание) песен о чудесном охотнике и о князе дружиннике, едущем на «полюдие» (сбор дани). Местом окончательного оформления былины скорее всего можно считать Новгородскую область — на основании целого ряда типичных северных и новгородских черт в пейзаже, быте, социальных отношениях.

Напечатанный вариант один из лучших и наиболее полных, четко передающих торжество пахаря над князем, но не имеет окончания, встречающегося в некоторых других вариантах и представляющего исторический интерес: Вольга и Микула приезжают в первый город, мужики готовы покориться, Вольга жалует Микуле наместничество:

Я жалую от себя тремя городами со
крестьянами,
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ко ты дань да ведь грошевую.
(Гильфердинг, № 156)

Святогор

Гильфердинг, № 270. Б. Олонецкая губ. Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Гурьбина, 60 л.

Образ Святогора — один из труднейших для анализа по своему происхождению и составу.

Представители мифологической школы делили весь эпос на две группы — былины о «старших» богатырях и о «младших». К первым наравне с Вольгой и Микулой причисляли и Святогора. Образы этих богатырей они считали мифологическими, принадлежащими глубокой древности. Однако совершенно ясно, что многие былины этого цикла возникли в результате позд-

нейших влияний сказочных и церковно-легендарных мотивов. Данная былина особенно характерна в этом отношении. В ее основе лежит религиозно-аскетическая тенденция, идея бренности земного существования, нашедшая свое воплощение в образе «земной тяги» (А. Н. Веселовский ⁴). Другая идея быliny — смерть как возмездие за похвальбу — тоже свойственна религиозно-легендарной поэзии. Под тем же влиянием происходит также постоянное объединение в эпосе богатыря Святогора с библейским апокрифическим Самсоном. Многочисленные исследования, направленные на отыскание литературных параллелей в эпосе других народов: кавказских (Вс. Миллер¹⁰), восточных (И. Н. Жданов ⁸) финско-эстских (С. К. Шамбиного, ²² Вс. Миллер ¹⁰) — к вполне убедительным решениям не привели.

Путешествие Вавилы со скоморохами

Григорьев, т. I, ч. 2, № 85. Б. Архангельская губ., Пинежский у., дер. Шотогорка, записано в 1900 г. от М. Д. Кривополенова, 57 л.

Принадлежит к числу «скоморошин», то есть произведений, сложенных самими скоморохами. В отличие от других скоморошин она имеет серьезный характер. Совершенно ясна основная тенденция, вызвавшая ее к жизни. В ответ на преследование церкви скоморохи создают своего

рода апологию, где сила скоморошьего искусства уравнивается с силой, исходящей от святых. В таком же плане средневековые жонглеры создали свое знаменитое фавль о жонглере-акробате, обработанное впоследствии Анатолем Франсом.

Г о с т ь Т е р е н ь и щ е

Кирша Данилов, № 2.

Типичная новелла, вышедшая из буржуазной среды и получившая скоморошью обработку. Версия этого сюжета широко известна восточной и западной письменной литературе. Наряду с былинной существуют также и сказки. Подчеркнутость роли скоморохов в некоторых вариантах выступает еще резче. Так, например, в варианте из сборника Киреевского (в. 7, стр. 48, Приложение) в уста Терентьища вкладывается следующее обращение к скоморохам:

Вы много по земле ходяки,
Вы много всем скорбям знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете, —
У меня, братцы, жена скорбна.

П т и ц ы

Гильфердинг, № 280. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от А. В. Георгиевской, 40 л.

Былина создана на основе древнерусского литературного памятника, известного

под названиями «Сказания о птицах» и «Совет птичий», имевшего распространение с конца XIV и начала XVII в. Памятник содержит, с одной стороны, сентенции птиц религиозно-поучительного характера, с другой — сатирические изображения в лице птиц разных сословий. Этот последний бытовой элемент и послужил источником для былины. Общий сатирически-балагурный тон говорит несомненно об участии в ее сложении скоморохов, которые не раз использовали свое искусство для социальных обличений. Некоторые варианты этой былины, кроме птиц, включают и характеристики зверей, например:

Лев тот на мори мясник был,
Медведь от был кождедёрник,
Много он кож продираёт,
Сапогов на ногах не выдаёт,
Волк тот на море овчинник,
Много он овчин прибираёт.
Ай шубы он на плечах не выдаёт,
Велику соби стужу принимает.
Олень-то скорып посланник,
Зайко-то на мори калачник,
А ножки тоненьки, беленьки,
Калачики пекет он и мяконьки,
А лисица молодá молодица,
Долог хвост и не наступит,
Сделает вину она не скажёт.
А собака та зла лиха свекрова,

День она ночи варайдает,
Дела никакова не скажёт,
А й кошки эти были вдовицы
То-то сироты да бобылиды;
Днем кошки лежѧ по печкам,
Ночью пойдут по добычкам,
А криночки горшочки открывают
Без ложки сметанку снимают,
За то же их бьют и беспощадно.

(Гильфердинг, № 62)

Приведем еще из других вариантов несколько наиболее ярких образов в социальном и художественном отношении.

Ястреб на мори стряпчий,
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы-сироты берет по две и по три,
То есть великая в нем неправда,

(Гильфердинг, № 130)

Сорока кабацкая женка,
Черные чéботы держала,
С ножки на ножку скакала,
На груди подолы подымала,
Молодых ребят приманяла.
Без калача да есть не сядёт,
Без молодца да спать не ляжёт,
Пеш же она, курва, не ходит,
Всё ль то едѧ на подводах,
А пара у ней коней вороных.

(Гильфердинг, № 62)

Песни о зверях и птицах использованы А. С. Пушкиным в его неоконченной сказке о медведице.

Агафонушка и другие пародии

1. *Кириша Данилов*, № 25-а. 2. *Григорьев*, т. III, № 93. Б. Архангельская губ., Мезенский у., дер. Юрома. Записано в 1901 г. от Е. В. Бешенкина, 89 л. 3. *Григорьев*, т. I, ч. 2, № 87. Б. Архангельская губ., Пинежеский у., дер. Шотогорка. Записано в 1900 г. от М. Д. Кривополеновой, 57 л. 4. *Ончуков*, № 29. Б. Архангельская губ., с. Усть-Цыльма. Записано в 1902 г. от П. Р. Поздеева, 65 л. 5. Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Малые Нисогоры, 13 июля 1928 г. Записано А. М. Астаховой от И. И. Поздеева, 57 л. Печатается в первый раз.

Среди скоморошин значительное место занимают пародии на былины. Из них «Агафонушка», пародирующая богатырскую былинку, — одна из самых замечательных. Запев ее явно пародирует знаменитый запев былины «Соловей Будимирович» из сборника Кириша Данилова: «Высота ли высота поднебесная».

Так как обе эти былины находятся в одном сборнике и в других записях неизвестны, то совершенно ясно, что они созданы в среде одного и того же певче-

ского коллектива и, может быть, сложенны одним и тем же лицом. Концовка второй пародии «Старина о льдине» заставляет предполагать, что пародия пелась в виде вступления к серьезным былинам.

«Небылица в лицах» представляет интересный пример дальнейшего развития пародии — всекую песню о «небывальщинах», в которой характерный пародийный зачин небылиц: «Старина сказать да стародавняя, стародавняя да небывалая» — превращается в песенный припев и теряет свой пародийный смысл. «Пародия» и «Как во славном во городе Нижове...» являются местными пародиями. Первая возникла, как рассказал исполнитель, по следующему поводу: «Объезжая в деревне Ниже человек молоком и помер. Про него самоскладена старина. Травят нижовцев». Вторая — составлена на местного пропойду.

Скоморошья прибаутка

Гильфердинг, № 60. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Мелентьево. Записано в 1871 г. от И. Фёпнова, 50 л.

Характерная скоморошья прибаутка, развернутая почти до размеров отдельной небольшой скоморошины. В качестве зачина или концовки присоединяется к былинке «Василий Игнатьев» в олонецких вариантах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Авдотья женка - Рязаночка

Рыбников, № 182. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано от И. П. Сивцева (Поромского).

Хотя в песне упоминается «турецкий царь», однако, совершенно несомненно, что в данном тексте мы имеем отголосок воспоминаний о татарщине, в частности о разгроме татарами Рязанской земли (1237 г.). Песня представляет образец переходной формы — от исторической песни к балладе.

Татарский полон

Киреевский, в. 7, стр. 195. Б. Тульская губ.

Песни о полоняночках, о татарщине или турке-зяте записаны во многих вариантах, что свидетельствует о довольно значительном их распространении. Как предшествующая песня «Авдотья Рязаночка», данная песня испытала позднейшую замену татар турками. Относится к разряду тех исторических песен, которые стоят на грани бытовых, то есть историзм которых заключается в изображении типового эпизода определенной исторической эпохи.

Взятие Казанского царства

Кирша Данилов, № 28.

Взятие Казани в 1552 г. — решительный шаг к захвату Поволжского пути

и плодородных поволжских земель — было тем крупнейшим событием внешней политики московского правительства, которое объединило интересы всех командующих общественных групп: феодального боярства, торгового класса, средних землевладельцев. Особенно популярен был казанский поход среди этих последних, видевших в Казанском царстве «подрайскую землю», «всем угодную». Песня ярко отразила это отношение к событию, связав его с фактом «воцарения» Ивана Грозного и трактуя его как начало «великой славы Москвы». Основные эпизоды песни передают подлинные исторические факты: взрыв городской стены, который решил участь города, отказ казанского царя Едигера (в песне Симеона) изъявить покорность Ивану Грозному.

Песни о попе Емеле

Аристов, стр. 25. *Киреевский*, в. 7, стр. 19. Б. Орловская губ., Малоархангельский у.

Относятся к так называемому «Смутному времени». Связаны с конкретным фактом активного участия духовенства в событиях. Быть может отразили предание об историческом попе Еремее — активном участнике борьбы с поляками (Сперанский²⁶). Сложились несомненно в кругах, настроенных оппозиционно в отношении первого Димитрия и его приверженцев: демократический переворот начала XVII в.

изображается как разбойничий набег. Но впоследствии, спустившись в крестьянскую среду, центральный образ попа Емели-Семена приобретает черты идеализации путем выделения своеобразного молодчества и удалства, которые сближают эту песню с циклом разбойничьих песен. Крест на рамени — характерный штрих эпохи; указывает на связь попа Емели с католичеством.

Песни о Михаиле Скопине

Вс. Миллер, № 207. Киреевский, в. 7, стр. 113. Марков, № 39. Б. Архангельская губ., дер. Зимняя Золотица. Записано от А. М. Крюковой, 45 л.

Сложились в атмосфере сложных классовых взаимоотношений Смутного времени. Племянник царя Василия Шуйского, Скопин, предводитель наемных шведских отрядов, вел успешную борьбу с тушинцами и поляками, очищая от них северные пути к Москве. Это сделало его популярным в широких массах купечества и землевладельцев, заинтересованных в ликвидации движения, связанного с именем второго Дмитрия, так как оно к этому времени приняло характер «холопьяго бунта». Внезапная смерть Скопина (занемог 23 апреля 1610 г. на крестинах у Ивана Михайловича Воротынского и умер спустя две недели), последовавшие затем военные неудачи (проигранные сражения преемни-

ком Скопина, Дмитрием Ивановичем Шуйским, братом царя, переход шведских отрядов, не получивших жалования, на сторону противника) породили слухи о насильственной смерти, об отравлении Скопина сторонниками Шуйского (непосредственно женой его брата Дмитрия — дочерью Малюты Скуратова), который якобы боялся его возрастающей популярности. Эти слухи опирались на враждебное отношение боярства к Михаилу Скопину-Шуйскому как к представителю служилых людей. На основе этих слухов и возникли обе песни. Первая из них записана была в 1619 г. для англичанина Ричарда Джемса. В ней хорошо переданы противоположные настроения московского посадского населения и боярства. В соответствии с общей направленностью песни получил трактовку и факт перехода шведских отрядов к противнику. Песня является лирической композицией, созданной непосредственно после события. Во второй песне сюжет оформлен в стиле былины. Введена роль матери, дающей сыну совет, — мотив, встречающийся в ряде былин. В некоторых вариантах события переносятся даже на пир князя Владимира с обычным его атрибутом — похвальбой. Эту вторую песню-былину нельзя рассматривать (как это делали некоторые ученые) как развитие и переработку первой. Обе они возникли независимо друг от друга. То, что вторая песня

тоже возникла в период, близкий к событию, подтверждается тем, что в стиле дошедшей до нас повести об отравлении, относящейся к XVII в., мы находим следы несомненного влияния этой песни-былины.

Земский собор

Рыбников, № 158. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Уная Губа. Записано от Г. Амосова.

В основе песни лежит факт сдачи поляками Смоленска в 1654 г., в эпоху войны Москвы с Литвой и Польшей за возвращение русских областей, когда-то от нее отторгнутых. Земского собора, на котором якобы был решен вопрос о Смоленске, история не знает. Но, изобразив именно так данное событие, песня запечатлела характерную черту эпохи — то значение, которое получили в XVII в. в связи с экономической и политической реставрацией съезды-соборы. На них, кроме внутренних дел, порой решались и вопросы внешней политики. Возвращение Смоленска было одним из самых ярких эпизодов внешней политики на западе (как взятие Казани в последнем фазисе борьбы с татарами), а потому и оставило такой сильный след в историческом эносе. Интересны варианты этой песни, в которых царь шведский предлагает выменять Смоленск на Хинскую землю, — отголосок тех переговоров, кото-

рые действительно велись между осаждавшими Смоленск русскими и поляками. В этих вариантах упоминается имя Милославского, — действительно, двое Милославских принимали участие в этих переговорах (см. Рыбников, 1, № 32).

Песни о Степане Разине

1. *Аристов*, стр. 45. Б. Тамбовская губ.
2. *Киреевский*, в. 7, Приложение, стр. 149; Лозанова, № 14.
3. *Киреевский*, в. 7, стр. 41; «Новиковский песенник»; Лозанова, № 22.
4. *Киреевский*, в. 7. Приложение, стр. 153; Лозанова, № 23.

Песни о Степане Разине — один из самых богатых и популярных исторических песенных циклов. В них нашли яркое отражение настроения угнетенных социальных групп феодально-крепостнической эпохи в период народных революционных движений. Первая из печатаемых песен — о сыне Степана Разина — является самой распространенной, известной во многочисленных записях. Один из вариантов записан А. С. Пушкиным. Текст песни довольно устойчив.

«Сын», «сынок», как именует себя герой песни, — вероятно, один из агентов Разина, посланный в Астрахань на разведку и схваченный властями. Известен конкретный факт такой поимки и казни, который и мог послужить поводом к сложению песни (Н. Аристов ¹, А. Н. Лозанова ²). Публикуе-

мый вариант — один из наиболее социально насыщенных (противопоставление «сынка» крепостным крестьянам, ожидание избавления «невольничков»).

Среди вариантов этой песни следует отметить запись от крестьянки-мордовки, которая дает концовку, изображающую осуществление отмеченных выше народных ожиданий:

Пришел батюшка воскосна,
Новокаменну мою тюрьму
Все по камешкам разобрал,
Все невольничек распустил.

(А. И. Лозанова, «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», стр. 13)

Вторая песня о походе разинцев и расправе с астраханским губернатором, с одной стороны, отразила воспоминание о действительном факте расправы с астраханским воеводой-князем Иваном Семеновичем Прозоровским, с другой стороны сконцентрировала оппозиционные настроения казачества и других угнетенных социальных групп в отношении ряда астраханских воевод и губернаторов и более раннего и более позднего времени. Четвертая песня представляет социальное переосмысление в плане песни Разинского цикла более ранней песни о молодцах-«тюремничках» и беглых людях.

Князь Голицын

Киреевский, в. 8, стр. 46. Б. Московская губ.

Имеется в виду возвращение князя Василия Голицына с неудачного и позорного для него похода на Крым в 1686 году. Несмотря на полный провал, Голицын, пользовавшийся расположением правительницы царевны Софьи, получил торжественную встречу в Москве и награду.

Песня, повидимому, сложилась в среде, настроенной оппозиционно к партии Софьи. Тон ее явно насмешливый. В одном из вариантов Голицын прямо назван «первым изменником». Есть варианты, которые даже изменяют развязку, включая отказ в награде и обещание «пожаловать двумя столбами с перекладиной». Печатаемый вариант представляет интересное переосмысление песни в социальном плане. Очевидно, указанные позднейшие прибавления об угрозе Голицыну дали повод воспринять образ Голицына как обличителя неправды и вложить ему в уста протест против разорения народа. Однако органической переработки всей песни в этом плане не произошло, и начало и конец сохраняют полностью первоначальную редакцию.

Песни о казни стрельцов

Киреевский, в. 8, стр. 18. Сызрань. *Киреевский*, в. 8, стр. 22. «Песенник» Чулкова.

Обе песни отразили событие 1698 года — жестокую расправу со стрельцами, которые пытались во время отсутствия Петра вернуть свое прежнее положение в государстве.

Первая песня, быть может, заключает отзвук тех переговоров, которые велись между Шейном и взбунтовавшимися стрельцами до прибытия Петра, когда Шейн требовал сдачи оружия, а стрельцы добивались предварительного пропуска в Москву, обещая служить царю, как служили раньше. Симпатии песен явно на стороне стрельцов. В изображение их внесены черты твердости, мужества и чувство достоинства. На обработке первой песни заметно сильное влияние былины: выезд атамана, его боевое снаряжение, скачка, приезд — воссоздают типовой образ былинного богатыря.

Шведский поход

Киреевский, в. 8, стр. 126. Б. Калужская губ.

В песне отражено воспоминание о каком-то эпизоде шведской войны при Петре Первом. Большой барин — Борис Петрович Шереметев, упоминаемый в других вариантах.

Передача впечатления от кровавых столкновений со шведами во второй части песни смыкается с оппозиционными настроениями рекрутских песен (см. в. 2 настоящей серии).

Ладожский канал

Киреевский, в. 8, стр. 262.

Песня связана с фактом прорытия Ладожского канала при Петре I. Образец песни, переходящей в безыменную бурлацкую.

Прусский поход

Киреевский, в. 9, стр. 113. Б. Симбирская губ.

Довольно многочисленные песни о прусском походе, сложившиеся в солдатской среде, содержат в себе обычно жалобы на тяготы похода, на продолжительность его, на тяжкие потери.

Данная песня интересна тем, что, помимо таких жалоб, включает еще и некоторые элементы социальной сатиры. Упоминание о вестях с Тихого Дона перенесено из песен донских казаков, а «чистое поле Лебедян» перешло из старших песен о Полтаве. Кистрин — Кюстрин, прусская крепость, постоянно фигурирует в песнях о прусской войне, очевидно потому, что в казематы этой крепости заключались русские пленники.

Лопухин-Потемкин

Киреевский, в. 9, стр. 100. Б. Калужская губ.

Генерал Василий Абрамович Лопухин был убит во время прусской войны 19 августа 1775 года в сражении под Гросс-

Егерсдорфом. Публикуемая песня создавалась в солдатской среде и отразила оппозиционное настроение этой среды, возлагающей вину за кровавые потери на генералов. Имя Потемкина, как в других вариантах Румянцева, заменило собой первоначальное имя Абрósима, как думает Бессонов, Апраксина, действительного участника данного сражения.

В дальнейшем, повидимому, под влиянием запрещения, из песни были выкинуты все личные намеки, и песня превратилась в безымянную. В таком виде она сохранилась в песенниках Чулкова, Новикова и некоторых других.

Работы на линии

Киреевский, в. 9, стр. 213. Б. Симбирская губ.

Песня составителями сборника Киреевского отнесена к эпохе Екатерины II. Возникла, бесспорно, в солдатской среде, и хотя, может быть, и имеет в виду какой-то определенный факт, но затрагивает общую тему, характерную для солдатских песен, — о тяжелой жизни и работе на чужбине.

Пожар Москвы

Нальчиков, № 40. Б. Уфимская губ., Мещенинская вол., с. Николаевка.

П. А. Бессонов, комментировавший песни, собранные Киреевским, отнес песни

о московских пожарах к XVII в., хотя и указал, что «случаи, увековеченные былинной, имели место и позднее, даже в XVIII в.» В действительности никаких данных в самой песне для отнесения ее к XVII в. не имеется. По стилю она ближе всего стоит к песням XVIII в. Возможно, что в XIX в. эта песня ассоциировалась с событием Двенадцатого года. Имя «барина», от которого якобы начался пожар, неустойчиво. Есть варианты с именем Шереметева.

Чернышов, Захар Григорьевич
Онцук, № 42. Б. Архангельская губ.,
Усть-Цыльма, записано в 1902 г. от Г. И. Чу-
рова.

Песня имеет большую и сложную историю, чрезвычайно характерную для жизни фольклорного произведения вообще. В основе ее — эпизод заключения прусским королем русского генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышова в Кюстринскую крепость в эпоху семилетней войны. Возможно, что песня об этом эпизоде была сложена вскоре после возвращения русских войск из-за границы. По исследованию А. Н. Лозановой²⁵, песня эта в своем первоначальном виде представляет переработку песни об Азовском пленнике (см. Киреевский, в. 8, стр. 78—81) и является типичной полковой исторической песней, направленной на прославление русского дара и

его полководцев (таков, например, вариант Киреевского, в. 9. стр. 130—131).

Печатаемый текст несет яркие следы уже иной социальной среды — оппозиционно настроенных слоев крестьянства и казачества, куда попадает в дальнейшем песня о Чернышове. Сохраняя общую композиционную структуру первоначальной редакции, он превращает графа Чернышова в донского казака и племянника Разина, а Кюстрин — в «Кюстринский городок» по ассоциации с названием села Кюстрина, игравшего роль в Разинском движении. Ответ Чернышова в конце песни воспринимается уже не в плане патриотических настроений пленника, который угрожает прусскому королю, предлагающему измену, а как выражение независимости и бесстрашия — постоянных мотивов в песнях Разинского цикла. Подобная трансформация песни о патриоте графе Чернышове обусловлена ассоциированием с именем Чернышова воспоминаний об одном из активных пугачевцев — Иване Никифоровиче Зарубине, прозвищем Чика, носившем при Пугачеве имя графа Чернышова, подобно тому как другие приближенные Пугачева назывались именами разных вельмож петербургского двора. В дальнейшем песня еще более отходит от своей первичной редакции и окончательно принимает типовые черты разинской безыменной песни о добром молодце, заключенном в тюрьму. В се-

рии песен о Чернышове интересен еще вариант, заключающий явные отголоски декабрьского со^убытия с упоминанием Питера, Петропавловской крепости и с перенесением роли прусского короля на «православного царя».

Песни о Пугачеве

Киреевский, в. 9, стр. 245. Б. Симбирская губ.; *Лозанова*, № 3. *Киреевский*, в. 9, стр. 248. Б. Симбирская губ.; *Лозанова*, № 8.

Песни о Пугачеве известны в немногих записях, но довольно разнообразны по содержанию. Первая из печатаемых песен изображает поход пугачевцев под Гурьев и Яик. Отношение к Пугачеву явно сочувственное. Вторая явилась откликом на эпизод встречи Панина с Пугачевым, доставленным в клетке в Симбирск (см. *Лозанова* ⁶, стр. 386). Эта песня — одна из наиболее ярких и классово-насыщенных.

Вор Гаврюшка

Аристов, стр. 89; *Киреевский*, в. 10, стр. 112. Б. Саратовская губ.

Трудно с точностью определить, о каком историческом лице здесь идет речь. Это мог быть атаман волжских разбойников Гаврила Быков, который в 1776 году бежал из Новохоперской крепости (Мордовцев), или беглый солдат Гаврила Кремнев, который в 1766 году выдавал себя за Петра III в Воронежской губернии (*Н. Аристов* ¹).

По словам Аристова, песня «выражает мысль, что миновало прежнее раздольное житье, когда разбойники были сильны, брали часто города, разбивали остроги и выпускали своих братьев на свободу».

В о р К о п е й к и н

Киреевский, в. 10, стр. 108. Сызрань.

Имя героя песни нашло отражение в знаменитом рассказе Гоголя в «Мертвых душах» о капитане Копейкине, который после походов в Петербурге делается атаманом разбойников в Рязанских лесах.

Как в предыдущей, в данной песне черты историчности в значительной степени стерты, и песня стоит на грани перехода в безымянную разбойничью.

П е с н и о б А р а к ч е е в е

Киреевский, в. 10, стр. 209. Б. Оренбургская губ. *Киреевский*, в. 10, стр. 211. Б. Псковская губ. Запись А. С. Пушкина.

С таким же содержанием известны более ранние песни, связанные с именами Долгокурова, Репина, Меньшикова и Гагарина, но традиционная формула укора еще более усилена и заострена в вариантах, приуроченных к Аракчееву. Вторая песня замечательна тем, что записана в 30-х годах А. С. Пушкиным. Она включает ряд кон-

кретных черт аракчеевских мероприятий. Вторая часть первой песни встречается также в песнях о Гагарине. В приурочении ее к Аракчееву можно видеть отражение впечатлений от роскоши его Грузинского дворца.

Песни об Аракчееве созданы, вероятно, сейчас же после смерти Аракчеева (1834 год), а может быть еще и при его жизни.

Песни о 14 декабря 1825 года

Опичуков, № 100. Б. Архангельская губ., 6. Пустозерская вол., дер. Нарыга. Записано в 1902 г. от В. А. Никонова. *Сokolовы*, № 24, стр. 315. Б. Новгородская губ., Кирillowский у., дер. Роговская. Записано от Н. П. Охутина, 80 л.

Обе песни относятся к известному событию 1825 г. Первая песня представляет использование традиционного плача о смерти царя (песни о смерти Петра I, о смерти Екатерины II). Вторая заключает чрезвычайно искаженный и спутанный отклик, очевидно, на основе отдаленных слухов о восстании, руководимом офицерством и сенаторами, направленном на свержение или ограничение самодержавия, о проектах убийства царя, о каких-то взаимоотношениях двух братьев Николая и Константина.

Эти песни иллюстрируют знаменитый тезис В. И. Ленина о далеко стоящих от

народа декабристах. Симпатии во второй песне явно склоняются на сторону царского брата, причем в некоторых вариантах героем является даже солдат, подслушивающий и раскрывающий заговор; в нашем варианте солдат тоже оказывает брату содействие. В первой песне тоже заметно отрицательное отношение к заговору — к «бояришкам».

БАЛЛАДЫ

Специального сборника песен-баллад до сих пор не было (в настоящее время «Библиотекой поэта» выпускается обширный сборник, составленный В. И. Чернышевым).

Наиболее богато балладный материал представлен в I томе известного издания А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПБ., 1895). Однако, с одной стороны, не все песни этого тома действительно могут считаться балладами; с другой стороны, немало балладных песен имеется в других томах того же издания; немало баллад также и в различных других сборниках песен.

В нашем сборнике мы даем лишь очень немногие образцы песен-баллад, по возможности, более типичные и вместе с тем представляющие историю балладного материала, намеченную во вступительной статье.

Сестра и брат

Печатается по тексту из указанного выше сборника В. И. Чернышева. Аналогичная песня (но менее полная) имеется у Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1998, стр. 100 (из б. Малоархангельского у.).

Цюрильё игуменьё

Печатается по сборнику Григорьева, т. I, № 25 (61), стр. 221—223. Записана песня от крестьянки М. П. Пашковой, тридцати семи лет, жены церковного старосты, в дер. Почезерье, на левом берегу реки Пинеги. Песня по характеру своему приближается к духовным стихам, отчасти к былинам (в одном из вариантов у Григорьева, № 95 (131): «Василий и дочь князя Владимира София» — действие отнесено ко времени князя Владимира, и героиня оказывается дочерью Владимира; отравляет ее не «игуменьё», а мать).

Песня принадлежит к числу весьма распространенных (обычно в виде «Василий и Софья»). См. в сборнике Соболевского, т. I, № 82—89.

Девушка-воин

Эта любопытная песня известна нам только по тексту Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1449, стр. 79). Записана она в Москве от семидесятилетнего московского мещанина.

Гостиный сын увозит девушку на корабле

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 245, стр. 322—324. Соболевский, в свою очередь, печатает песню по тексту песенника 1780 года («Новое и полное собрание российских песни», ч. III, стр. 64); в том же песеннике, ч. I, стр. 153, помещена сходная песня о том, как «понизовые бурлаки» увозят «столянкову дочь». Любопытный более поздний вариант, в котором речь идет о «ржевских приказчиках», напечатан в сборнике Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 60, № 1932).

Принц ночует у дочери купца

Печатается по сборнику Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1180, стр. 6); записано в г. Холмогорах в 1843 году П. Н. Базилевским. В сборнике Киреевского есть еще ряд вариантов этой песни (например, № 1223, стр. 15). У Соболевского, т. II, стр. 73, № 90, напечатан вариант также из Холмогор («У Целькова у купца») по записи П. И. Якушкина (Сочинения, СПб., 1884, стр. 590).

Пропавшая дочь купца

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, стр. 325—327, № 247. В свою очередь Соболевский перепечатал текст из журнала «Отечественные Записки» за 1841 г., т. XVIII,

Смесь, стр. 11. Записано в б. Костромской губ. Одна из популярнейших «купеческих» (по содержанию) песен (у Соболевского приведено 6 текстов, № 247—252).

Ж е н ы п о к у п а ю т в о л ю н а д м у ж ь я м и

Печатается по сборнику В. Н. Добровольского «Смоленский Этнографический Сборник», ч. 4, стр. 62, № 102-б. Очень любопытный текст этот отнесен Добровольским к числу «колядных» песен. Известны еще немногие подобные варианты, но менее полные (в том числе в том же сборнике Добровольского, ч. 4, стр. 62, 151, № 102-а, 131. Киреевский, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 106, № 2018).

Л ю б о в н и к - б а р а н

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 184, стр. 183—184. Записано в б. Терской обл., перепечатано из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», в. 15, стр. 189. У Соболевского приведено еще три текста (один из «Песенника» 1780 г., один из б. Курской губ., один из б. Вологодской).

М у ж - н е д о р о с т о к

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 557, стр. 451—452. Записано в б. Владимирской губ. Одна из популярнейших песен. Известны многочисленные варианты

ее; в том числе есть такие, в которых муж наказывает жену (напр, Соболевский, т. III, № 558, стр. 452—453, из «Вологодского сборника», т. IV, стр. 374). У Соболевского приведены десять текстов (№ 553—562).

Ж е н а с ж и г а е т н е л ю б и м о г о м у ж а

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 139, стр. 111—112. В свою очередь, Соболевский перепечатывает текст из «Истории России» С. М. Соловьева, т. XIV, Приложение 2, где он заимствован из столбца приказного стола 1699 г., № 3313. Песня интересна как один из образчиков сравнительно ранних записей песен и притом сохранившихся своеобразным способом (в судебном деле). Соболевский приводит еще три варианта в записях XIX в. (№ 140, 141, 142), два — из б. Курской губ., один — из б. Воронежской.

Ж е н а м у ж а з а р е з а л а

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 126, стр. 185—187. Соболевский берет текст из сборника А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова — «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии» («Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. IV, 1862). Один из типичных балладных сюжетов. Соболевский приводит еще четыре текста (№ 127—130).

Муж убивает жену по клевете матери

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 70, стр. 119—120. Записано в б. Курской губ.

Песня эта известна в многочисленных и разнообразных вариантах. Соболевский приводит еще пять подобных текстов (№ 71—75). Кроме того близко примыкает сюда песня о князе (двенадцати лет), княгине (деяти лет) и старицах, по клевете которых князь убивает жену (Соболевский, т. I, № 76; известен еще ряд текстов). Сходны также песни № 77, 78 у Соболевского.

Ванька-ключник и князь Волохонский

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 28, стр. 55—56. Записано в б. Вологодском у. Н. Иванцким (Статистический сборник, издаваемый Вологодским Губ. Статистическим Комитетом, т. III, стр. 318).

Песня принадлежит к числу наиболее популярных. В сборнике Соболевского помещено двадцать три варианта (№ 25—47); кроме того ряд вариантов опубликован в других изданиях. Известны две основных редакции песни: более древняя, представителем которой является печатаемый нами текст, и более новая, являющаяся переработкой стихотворения В. Крестовского,

основанного в свою очередь на фольклорной песне. Вот начало одной из подобных переделок:

Что не ягода лесная
Спела, зрела и красна, —
Одна княгиня молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Кудреватый, холостой,
Ватька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

(Шейн, т. I, в. 1, № 882,
стр. 233, б. Костромской губ.)

Любила княгиня камер-лакея

Печатается по сборнику Киреевского, в. 5, стр. 180 (перепечатано также у Соболевского, т. I, № 49, стр. 85—86). Записано в б. Симбирской губ. Известны также тексты этой весьма драматичной песни в песенниках XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. 3, 1780, стр. 168; М. Попов, «Российская Эрата», ч. 3, 1792, № 110).

Повидимому, в основе этой песни, как и песни о Ваньке-ключнике, лежат какие-то подлинные факты.

Разбойники и сестра

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1361; записано

в Новгороде. Песня принадлежит к числу популярнейших; у Соболевского приведено семнадцать текстов (т. I, № 178—194); много текстов также у Киреевского (Новая серия).

Песня обычно поется исполнителями былин и духовных стихов и часто включается в сборники былин.

Вещный сон девушки у разбойников

Печатается по сборнику Соболевского, т. VI, № 408, стр. 318—319 (запись Якушкина из б. Костромской губ.). Песня эта известна еще в песенниках XVIII в. (Соболевский, т. VI, № 404) и также относится к числу весьма популярных (у Соболевского двенадцать текстов, № 404—415; кроме того близки также № 416—417).

Девуца — атаман разбойников

Печатается по сборнику Киреевского, Песни, в. 9, стр. 192—195. Песня эта основана на преданиях о разбойнице Таньке Ростокинской (в Ростокине под Москвой), которая будто бы наводила ужас на проезжих и прохожих.

Муж-солдат в гостях у жены

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2974, стр. 344—345 (из б. Звенигородского у.). Эта песня — одна из типичнейших и популярнейших баллад;

у Киреевского она имеется во многих вариантах, в сборнике Соболевского приведено восемь текстов (т. I, № 330—337; близок также № 338).

Простой и вместе с тем драматический сюжет этой песни, близкий и понятный крестьянству, повидимому, является причиной ее популярности.

Стар е ц И г р е н и щ е

Печатается по сборнику Кирши Данилова, стр. 142—144 (в изд. Публичной Библиотеки).

Любопытна эта песня по изображению старца-монаха в виде богатыря, наказывающего своих противников; получается своеобразная пародия на былинку.

Р а з г у л ь н ы е м о н а х и

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 346, стр. 310—311; записано в б. Пермской губ. Соболевский приводит еще три текста этой песни (№ 345 — из б. Исковской губ., № 347 — из б. Казанской губ., № 348 — из б. Архангельской губ.). Это один из образчиков сатирического изображения монахов.

Для сравнения с «классической» балладой приводим образец новой баллады, строящейся в значительной степени на литературных основах.

М а л ь в и н а

Тихо стонет сине море,
Тихо зыблется луна,
По долине, по дубраве,
По дорожке столбовой
Рыцарь бенный все спешит
Ко Мальвине молодой.
Тут Мальвину снаряжают
Мёртву бенную к венцу.
Она плачет, слезы льются,
Што со слез рудья шумят.
«Вы, подружки, не спешите,
Дайте сердцу погрустить,
Вы ядино мне скажите,
Как мне милаво забыть?
Мне забыть ево не можно,
Отдалась ему душой.
Праву руденьку давала,
Мне велел родитель мой».
Долго ехал гось нежданный:
«Позно, рыцарь молодой!»
Для злодея все не позно:
Рыцарь саблю обнажил.
Обнаживши саблю востро,
Да словечушка сказал.
Сабля вострая взвиласе,
Тут Мальвина померла!
Померла наша Мальвина,
С ней скончалася любоф.
Полотном тело прикрыли
И послали за попом;
Поп-от с певцем приехал

Мёртво тело отпсвать,
Громко певчие запели,
На кладбище понесли.
Приносили на кладбище,
Востовула вся земля,
Вся селённая сказала:
«От любви померла». —
Тело в гробе говорило:
«Подойди, милой, сюда,
Подойди, милой, поближе,
Стань ко гробу моему,
Помолися, милой, богу,
Телу душу возрати». —
«Помолиться богу можно,
А воротить душа нельзя».

Песня записана бр. Соколовыми в 1908 г. в дер. Терехове-Малаховой, б. Белозерского у., от крестьянки Т. А. Шарашовой (Б. и Ю. Соколовы, «Сказки и песни Белозерского края», № 683, М., 1915, стр. 503). Песня эта часто встречается в песенниках 1911—1912 гг., но с именем Маруси, а не Мальвины.

**ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОТМЕЧЕННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ**

Былины и исторические песни

1. *Аристов И.* Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 45 и 89—90.
2. *Аргачевский А. С.* Рецензия на «Очерки русской народной словесности» Вс. Миллера. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1898, III, стр. 905—923.
3. *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины, III—XI, 1884, стр. 69—124 (12).
4. *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1906.
5. *Жданов Н. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 192—424.
6. *Жданов Н. Н.* Повесть о королевиче Балтасаре и былины о Самсоне Святогоре. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1901, V, стр. 1—24.
7. *Коробка Н. И.* Сказания об урочищах Овручского у. и былины о Вольге Святославиче. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1908, кн. I.

8. *Лозанова А. И.* Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, стр. 4—7 и 386.
9. *Марков А. В.* К былинне о бое Илья Муромца с сыном. «Этногр. Обзор.», 1905, XII.
10. *Миллер В.* Кавказско-русские параллели. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892. Приложение.
11. *Миллер В.* Очерки русской народной словесности, М., 1897, стр. 97—142.
12. *Миллер В.* Ibid., стр. 263—282,
13. » » Ibid., стр. 166—186.
14. » » Ibid., стр. 187—200.
15. » » Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 91—133.
16. *Миллер В.* Ibid., стр. 159—174 (№ 19).
17. » » Рецензия на исследование С. К. Шамбинаго, «Вест. Европы», 1913, V.
18. *Соколов Б. М.* Былины об Идолище Поганом. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1916.
19. *Соколов Б. М.* О житийных и апокрифических мотивах в былинах. «Русск. Филолог. Вестник», М., 1916.
20. *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла, 1888.
21. *Халанский М. Г.* Отношение былин о Вольге—Волхе к летописным сказаниям об Олеге Вещем. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903, XI.

22. Шамбинаго С. К. Старинны о Святогоре и эстонская поэма о Калевин-поэто. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1902, № 1.
23. Шамбинаго С. К. Песни-памфлеты XVI в., М., 1913.
24. Шамбинаго С. К. К литературной истории старин о Воляге. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1905, № 11.
25. Лозанова А. Н. Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышове. «Советский фольклор», в. 2—3, 1935.
26. Сперанский, М. Н. Пон-разбойник Емеля. Slavia, R. II, s. 4, 1924, стр. 655—659.

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ БЫЛИ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ¹

- * *Кириша Данилов*. «Древнейшие российские стихотворения», изд. 3, М., 1878; то же, Сборник Кириши Данилова, изд. Публичной Библиотеки, под. ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901. Первый печатный сборник были, составлен в конце XVIII в. Былины Западной Сибири и Уральской области.
- Чулков М. Д.* Собрание сочинений М. Д. Чулкова, изд. «Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», СПб., 1913. Помещены несколько были и исторических песен.
- * *Рыбников П. П.* Песни, собранные П. П. Рыбниковым, изд. 2, М., 1909—1910. Былины и исторические песни, записанные в 60-е годы в б. Олонецкой и западной части Вологодской губ.
- * *Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским, десять выпусков, М., 1860—1874. Былины и песни из разных мест России. Среди лиц, записавших и доставивших песни: В. П. Даль, А. С. Пушкин, П. М. Языков и др.

¹ Звездочками обозначены источники, из которых взяты публикуемые тексты.

- * *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, СПб. 1873; изд. 2-е, СПб. 1894—1900.
- Мякушин Н. Г.* Сборник уральских и казачьих песен, 1890. Былины и исторические песни, сохранившиеся среди казачества.
- Тихонравов Н. С. и Миллер В. Ф.* Русские былины старой и новой записи, М., 1894. Несколько былин, извлеченных из рукописных списков XVIII в. Новые записи былин из разных мест России. Особенный интерес представляют записи сибирских былин Н. С. Гуляева.
- Пивоваров.* Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1895.
- Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. I, 1895. Былины-баллады.
- * *Пальчиков И.* Крестьянские песни с Николаевки Мензелинского у. Уфимской губ., Л., 1896. Есть исторические песни.
- Соколов М. Е.* Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губ., Петровск, 1896.
- * *Марков А. В.* Беломорские былины, М. 1901. Записи былин в 1858—1899 гг. на Зимнем берегу Белого моря. Часть былин — Терского берега.
- Богораз В. Г.* Колымское русское областное наречие. «Сборник II Отд. Акад. Наук», т. LXVIII, 1901. Есть тексты былин, записанных в Якутской области.
- * *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904;

т. III, СПб., 1910. Записи 1899, 1900 и 1901 гг. в Поморье, на Шинеге и на Мезени.

* *Ончуков Н. Е.* Печорские былины, СПб., 1904. Записи по средней и нижней Печоре 1901—1902 гг.

Листопадов и Арефин. Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг., изд. Войска Донского, 1911. Есть былины и исторические песни.

Шайжин. Олонецкий фольклор. Былины, Петрозаводск. 1906.

Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908.

Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, Оренбург. 1905.

* *Марков А. В., Маслов А. Л. и Богословский Б. А.* Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. «Труды Муз.-Этногр. Комиссии», т. II, М., 1911, № 8. Былины Терского берега и Кандалакши.

* *Миллер В. Ф.* Исторические песни русского народа XVI и XVII вв. «Сб. II Отд. Акад. Наук» т. X, 1915.

* *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края, М., 1915. Былины и исторические песни в Кирилловском у. Новгородской губ.

Озаровская О. Э. Бабушкины старины, изд. «Огни», П., 1916. Записи былин от пинежской сказительницы М. Д. Кривошеиной.

* **Дозанова А. Н.** Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935.

* Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Акад. Наук СССР, Ленинград. Записи 1921, 1926—1929, 1931—1932, 1935 гг. в Карелии, на Шлиссельбургском острове, Кулово, Мезени и Печоре.

Фольклорный отдел Архива Литературного Музея, Москва. Записи 1926—1928 гг. в Карелии.

Антологии и хрестоматии

Сперанский М. Памятники мировой литературы. Русская устная словесность, т. I и II, М. 1916—1919. Избранные тексты со вступительными статьями и комментариями.

Ляцкий Е. А. Былины — старинные богатырские, СПб., 1911. Вступительная статья, тексты.

Соколов Б. Былины, изд. «Задруга», М., 1918. Исторический очерк, тексты, комментарии.

Бродский, Мендельсон, Сидоров. Историко-литературная хрестоматия, ч. I. Устная народная словесность, ГИЗ, 1923.

Былины. Примечания и объяснительные статьи **В. А. Келтуяла.** «Дешевая библиотека классиков», М. — Л., 1929.

Андреев Н. Н. Хрестоматия по фольклору. Печатается.

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ БАЛЛАД

- Григорьев.* — Григорьев А. Д., Архангельские былины и исторические песни, т. 1, М., 1904.
- Добровольский.* — Добровольский В. И. Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903 («Записки Русск. Геогр. Об-ва по отд. этнографии», т. XXVII).
- Киреевский.* — Песни, собранные П. В. Киреевским, в. 5, М., 1864; в. 9, М., 1872. Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, в. 2, ч. 1, М., 1917; ч. 2, М., 1929.
- Кириш Данилов.* — Сборник Кириш Данилова, изд. Публичной Библиотеки, под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901.
- Соболевский.* — Соболевский А. И. Велико-русские народные песни, т. I, СПб., 1895; т. III, СПб., 1897; т. VI, СПб., 1900; т. VII, СПб., 1902.
- Шейн.* — Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, в. 1, СПб., 1898.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Былины

Общие обзоры и библиография

Лобода А. М. Русский богатырский эпос, Киев, 1896.

Скафтымов А. Н. Поэтика и генезис былины, гл. IV. Материалы и исследования по изучению былины с 1896 по 1923 г., Саратов, 1924.

Сперанский М. Н. Былины, т. I, М., 1916, и т. II, М., 1919. Вступительные статьи и комментарии.

Соколов Б. Былины, М. 1918. Указана основная библиография по отдельным сюжетам.

Соколов Б. Былины, «Литературная энциклопедия», т. II, 1929.

Бродский, Гусев, Сидоров. Русская устная словесность. Л. 1924.

История изучения

Пыпин А. Н. История русской этнографии, 1892.

Лобода А. М. Русский богатырский эпос, Киев, 1896.

Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности, 1896.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917. Введение.

Соколов Б. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу, «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.

Вопросы происхождения русского эпоса

Майков А. О былинах Киевского цикла, СПб., 1863.

Веселовский А. Южнорусские былины. СПб., 1881.

Жданов Н. Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Сочинения, т. I, СПб., 1904.

Жданов Н. Н. Русский былевой эпос, СПб., 1895.

Халанский М. Великорусские былины киевского цикла, Варшава, 1885.

Миллер Вс. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М. — Л., 1924.

Соколов Б. М. Русский фольклор, в. I. Былины, М., 1931.

Условия бытования и испол- нители

Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. В сборнике «Онеж-

ские былины», СПб., 1873; изд. 2, т. I, СПб., 1894.

Вступительные очерки в сборниках былины.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897. Первые три очерка.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917.

Миллер Вс. Казацкие эпические песни XVI—XVII вв. Очерки русской народной словесности, т. III, М. — Л., 1924.

Соколов Б. М. Русский фольклор, в. 1. Былины, М., 1931.

Соколов Б. М. Сказители, Госиздат, М., 1924.

Соколов Ю. По следам Рыбникова и Гильфердинга. «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.

Астахова А. М. Былина в Заонежье. «Крестьянское искусство СССР», в. 1, Л. 1927.

Астахова А. М. Былинная традиция на современном севере. Сб. статей, посвященных ак. А. С. Орлову, Л., 1934.

Поэтика былины

Веселовский А. И. Поэтика. Собр. соч., т. I.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897.

Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былины, М. — Саратов, 1924.

Гайдель М. О. К вопросу о технике русского былевого эпоса. Формы былинного

действия. «Наукові записки пауководсладчої кафедри історії європейської культури», т. X, 1927.

Габель М. О. Форма диалога в былинах, «Збірн. на пошану ак. Д. Багалієва». Харьков, 1928.

Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении. Былины, «Сб. V Отд. Акад. Наук». т. XVII, № 8, 1901; «Изв. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1896, № 1; 1897, № 2.

Жирмунский В. М. Введение в метрику. Вопросы поэтики, в. 6, Л., 1925.

Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, Л., 1923.

Маслов А. А. Былины, их происхождение и мелодический склад. С муз. прилож. «Изв. Об-ва любит. естеств., антропол. и этногр.», Труды Муз.-Этногр. Комиссии, т. II, М., 1911.

В. Исторические песни

Аристов Н. Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917, стр. 328—358.

Сперанский М. Былины, т. II, М., 1919, стр. 317—337. Вступительный очерк к историческим песням.

Дозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве, М., 1935.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

Акита́нт — адъютант

Баберёковъй — из баберска, шелковой ткани
ба́ско — красиво

бра́тчина — братство,¹ товарищество из церковных прихожан

бу́са — большая долбленая лодка

Ва́льжный — 1) резной, точеный; 2) прочный, крепкий; ва́льк — резная, чеканная работа

ва́льчный — см. ва́льжный

ва́райда́ть — кричать, браниться, брюзжать

ва́ровиный — веревочный, пеньковый

ва́льжа́ный, ва́льжа́ный — из дерева таволги (род ивняка), таволжа́ный

ва́нный — наружный, тот

ва́з — род дерева, дубина из вяза

Га́лера — большое весельное судно

глазды́рь — итенец, не умеющий еще летать, молокосос

го́бель — род утки

го́ль — голытьба, бедняки

го́рюч камень — известковый камень

гость богатый — купец
грядня — комната, покой
грядочка, грядка — перекладина для веша-
ния платья и др.

Доброхóты — доброжелатели.

Егерь — в войсках солдат из стрелковых
частей

Жуковíнье — перстень

Заводь — залив на реке, защищенный от
ветра

забóрыдал — зарыдал

задленьщина — житель «задленной» сторо-
ны, окраины — от слов: за Двиной —
«задвинный»

зары́снуть — попадать куда-нибудь рыская

затюрёмщик — узник

зды́нуть — поднять

зеленó — эпитет вина. Собственно, «зеле-
ное», от зелье — растение, злак. Следо-
вательно — хлебное вино

Изрóдный — статный, видный, красивый

и́нншное — ины́ное, иное

ишé, ишшé — еще

Кадóлы — канаты

ка́лика — странник, богомолец (от греческо-
го слова «калика» — особого рода обувь,
которую носили странники)

камка́ — шелковая китайская ткань с раз-
водами
канаватный — из канавата, старинной цвет-
ной узорочной ткани
канѹн варен — пиво, сваренное к празднику
кичиги — палки, которыми молотят хлеб
клюха́ — клюка, посох
козарочка, казарка — в былинах эпитет
меди, очевидно от слова хозарская
козник — птица из рода далай
комуха́ — лихорадка
косяч — тетерев
косивчато вместо косящато — сделанное из
косяков, гладко отесанных брусьев
косица — бровь, висок
крёсная лодка — легкая лодка для разездов,
но для груза
кряковистый — кряжистый, коренастый,
крепкий
крестовый брат — поменявшийся крестом
кружало — питейный дом
крупчатая камка вместо хрущатая — плот-
ная шуршащая при движении
крупина — род дерева
кужель вместо кудель
куронок — куронатка-самец

Левый зверь — лев
ложня — спальня

Марьюха — глухарка
матереть — становиться матёрым, возмужа-
лым, дородным.

Нако́н — раз, прием
на́ по́лы — пополам
не за́ ве́ды — ни за что
но́вой — иной, другой
несу́дймый — не подлежащий суду, которо-
го нельзя судить

Обжа́ — оглобля от сохи
о́ зень — на землю
о́карачь — на карачках, четвереньках
оме́шник — сошник, лемех
опочи́и держать вместо опочи́в держать —
отдыхать, поживать
опри́чь — кроме
опру́жника — подруга
отужника — веревка, которою привязывают
седло
оче́сливый — вежливый, обходительный,
умеющий воздать честь

Пабе́дь — время около па́беда — еды до
обеда.

Перела́дец — род дудки
перелётник вместо переветник — изменник
пе́ресок, перс — перст, палец
переста́вился — преставился, умер
пестру́ха — тетерка
пили́грим — странник по святым местам
пывале́шное — сбор с валька, за стирку
белья на плотах
повене́чное — сбор с венча́нья
поги́нёт — погибнет
полте́и — туши, разрубленные пополам

поляковать — рыскать, отыскивая приключения
полянница — богатырь, богатырка, от поляковать
помелечко — помело, которым обметается печь под посадку хлебов
понукальце — понукальце, кнут
похабно стало — показалось унижительно
приросилькивать — глядеть подслеповатыми глазами

Рамень — раменек, оплечье, часть одежды, кроющая плечо
руда — кровь
руцатый вместо хруцатый — см. круичатый.

Сажень печатная — снабженная государственным клеймом
синочка — вместо синичка
сливной — сплошной
солвая — желтоватой масти
сбнка — вершина горы
сорочинский — сарацинский (сарацины — арабы)
стольный — престольный, где пребывает князь, правящий класс
сшибаться руками — вслеснуть
сынъ — складчина, взнос
сыть — корм, еда

Тус — берестяная кубышка, бурак
тур — дикий бык (зубр)

ти́бни — сапоги из оленьего меха
тычо́к — шест, багор

Упру́жника — см. опружинка
ура́з — рана, ушиб
уро́дует — безобразничает
ути́и — боль в пояснице

Чапельни́ще — ухват
че́боты, чо́боты — башмаки, сапоги
чебура́цкий — от «чебрак» — брусок
червле́ный — багряный, красный
черка́льский — черкасский
черна́вушка — служанка для черной работы
чо́х — чихание, в былине — приметы, свя-
занные с чиханием
чу́маки — целовальники — продавцы казен-
ного вина

Шала́га — плеть, кнут
шамахи́льский вместо шемаха́нский — шелк,
получаемый из Шемахи (на Кавказе)
шаро́вый вместо жаро́вый — высокостволь-
ный
шебу́ра или шабу́р — крестьянская ткань,
а также армяк, зипун, балахон из этой
ткани
ше́мшура, ша́мшура, ша́мумра — род ша-
почки, надеваемой на кокошник
шири́нка — полотенце
шы́к — женский головной убор
шы́нышек — шип

Щапливый — щегольской
щелье — гора на берегу реки или взморья
щепетно — щегольски, нарядно
Ярлык — указ, объявление, записка
яровчатый — из дерева явора (чишары)
ярый воск — чистый, белый
ячший — ячменный

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
А. Астахова. Русские былины . .	11

БЫЛИНЫ

Первая поездка Ильи Муромца .	55	383 ¹
Бой Ильи Муромца с сыном . . .	66	384
Илья Муромец и Идолище	76	388
Илья в ссоре с Владимиром . . .	80	389
Илья Муромец и голи кабацкие .	85	389
Василий Игнатьев	92	391
Сухматий (Сухман)	102	392
Неудавшаяся женитьба Алеши .	110	393
Алена Попович и сестра братьев Збродовичей	125	394
Ставер	128	394
Дюк	139	395
Про Чурилу	155	396
Василий Буслаев	161	398
Василий Буслаев молиться ездил .	171	400
Садко	181	401
Соловей Будимирович	194	402

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу стихотворения, вторая — примечания.

Вольга	201	403
Вольга и Микула	208	404
Святогор	215	405
Путешествие Вавилы со скоморо- хами	217	406
Гость Терентьище	224	407
Птицы	231	407
Агафонушка	234	410
Старина о льдине и бое женщины	237	410
Небылица в лицах	238	410
Пародия	240	410
Пародия	241	410
Скоморошья прибаутка	242	411

Исторические песни

<i>А. Астахова. Исторические песни</i>	<i>245</i>	
Авдотья женка-Рязаночка	251	412
Татарский полон	255	412
Взятие Казанского царства	257	412
Поп Емеля	260	413
Поп Емеля	261	413
Плач о Михаиле Скопине	262	414
Михаил Скопин-Шуйский	263	414
Земский собор	266	416
Сын Степана Разина	269	417
Степан Разин	271	417
Смерть Степана Разина	273	417
Песня разинцев	274	417
Князь Голицын	276	419
Стрелецкая казнь	278	419
Казнь атамана стрелецкого	281	419
Шведский поход	283	420

Ладожский канал	284	421
Прусский поход	285	421
Лопухин-Потемкин	286	421
Работы на линии	288	422
Пожар Москвы	289	422
Чернышов Захар Григорьевич . .	291	423
Пугачев	293	425
Пугачев и Панин	295	425
Вор Гаврюшка	296	425
Вор Конейкин	298	426
Песни об Аракчееве, I	299	426
» » » II	300	426
Песни о 14 декабря 1825 года, I .	301	427
» » » » » II	302	427

Баллады

<i>И. Андреев. Песни-баллады в русском фольклоре</i>		
	307	
Сестра и брат	333	429
Цюрильё игуменьё	335	429
Девушка-воин	339	429
Гостинный сын увозит девушку на корабле	341	450
Принц почует у дочери купца . .	343	450
Пропавшая дочь купца	345	450
Жены покупают волю над мужьями	347	451
Любовник-баран	349	451
Муж-недоросток	351	451
Жена сжигает нелюбимого мужа.	353	452
Жена мужа зарезала	354	452
Муж убивает жену по клевете матери	356	453

Ванька-ключник и князь Волхонский	358	433
Любила княгиня камер-лакея . .	361	434
Разбойники и сестра	363	434
Вещий сон девушки у разбойников	366	435
Девуца — атаман разбойников . .	368	435
Муж-солдат в гостях у жены . .	371	435
Старец Игренце	373	436
Разгульные монахи	377	436

Примечания

Былины, исторические песни и баллады	381
Исследования, отмеченные в примечаниях. (Былины и исторические песни)	439
Главнейшие собрания были и исторических песен	442
Главнейшие собрания баллад . . .	446
Исследования	447
Словарь старинных и областных слов.	451

Отпечатано типографией «Советский Печатник», Ленинград,
Мохомая ул., 40 для Издательства
«Советский Писатель» в
количестве 15500 экз. Авт. л. 15.
Заказ 9554. Ленгортит № 51845.
Переплет по макетам художни-
ка В. Д. Двораковского. Сдано в
набор 9/IX 1955 г. Подписано
к печати 25/XI 1955 г. Формат
72×110¹/₈. Тип. зн. в 1 бум.
листе 179200. Бум. лист. 5⁶/₈.
Ответств. редактор Е. Добин
Техн. редактор Ал. Кукуричкина
1955

Цена 2 р. 75 к. Перепл. — 1 руб.